

ПРАВО В ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ: ПРЕДЕЛЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Материалы

Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием. Иркутск, 30 октября 2020 г.

ISBN 978-5-9624-1884-1

УДК 34[(470)+(571)](063)

ББК X(2P)л0

П68

Ответственный редактор
канд. экон. наук О. В. Горбач

Право в условиях чрезвычайной ситуации: пределы и возможности : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Иркутск, 30 октября 2020 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ». – Иркутск : Издательство ИГУ, 2020. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Загл. с этикетки диска.

<https://doi.org/10.26516/978-5-9624-1884-1.2020.1-280>

ISBN 978-5-9624-1884-1

Материалы посвящены актуальным проблемам современной юридической науки и практики в России и за рубежом. Первостепенное внимание участниками конференции уделено вопросам реализации законодательства в условиях чрезвычайных ситуаций и других ограничительных режимов, а также исследованию реакции государственных, коммерческих и других организаций, общественных объединений, СМИ на введение временных ограничений и применение мер, направленных на обеспечение безопасности государства и его граждан, поддержание устойчивого функционирования предприятий и учреждений в чрезвычайных обстоятельствах.

Предназначено для студентов, аспирантов, преподавателей юридических вузов, практических работников, а также всех интересующихся российским и зарубежным законодательством.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Иркутский государственный университет»

664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1; тел. (3952) 24-34-53

Издательство ИГУ, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124

тел. (3952) 52-18-53; e-mail: izdat@lawinstitut.ru

Подписано к использованию 24.12.2020. Тираж 30 экз. Объем 9,7 Мб.

Тип компьютера, процессор, частота:

32-разрядный процессор, 1 ГГц или выше

Оперативная память (RAM):

256 МБ

Необходимо на винчестере:

320 МБ

Операционные системы:

ОС Microsoft® Windows® XP, 7, 8 или 8.1. ОС Mac OS X

Видеосистема:

Разрешение экрана 1024x768

Акустическая система:

Не требуется

Дополнительное оборудование:

Не требуется

Дополнительные программные средства:

Adobe Reader 6 или выше

**ПРАВО
В ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ
СИТУАЦИИ:
ПРЕДЕЛЫ
И ВОЗМОЖНОСТИ**

Материалы
Всероссийской
научно-практической
конференции
с международным
участием.
Иркутск,
30 октября 2020 г.

ISBN 978-5-9624-1884-1

ПРАВО В ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ: ПРЕДЕЛЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Материалы

Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием. Иркутск, 30 октября 2020 г.

ISBN 978-5-9624-1884-1

СЕКЦИЯ «ОСОБЫЕ ПРАВОВЫЕ РЕЖИМЫ В ПУБЛИЧНОМ ПРАВЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

Деревскова В. М. Прокурорский надзор за дознанием и следствием в чрезвычайной ситуации в условиях действия Положения об охране 1881 г.	8
Кузьмин И. А. Место и роль юридической ответственности в структуре особых публично-правовых режимов	12
Русак Н. Г. Деятельность первичной партийной организации Иркутской областной прокуратуры в 1941–1945 гг.	16
Самусевич А. Г. Самоизоляция как элемент административно-правового режима	20
Синиченко В. В. Ограничение гражданских прав иностранных подданных в условиях режима чрезвычайной охраны (чрезвычайного положения) в годы Первой мировой войны.....	25
Якимова Е. М. Особенности обеспечения текущего равновесия конституционного регулирования предпринимательской деятельности в условиях действия экстраординарных режимов.....	31
Ящук Т. Ф. Обеспечение прав и обязанностей субъектов образовательных отношений в условиях пандемии 2020 г.....	36

СЕКЦИЯ «РЕАЛИЗАЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО И ФИНАНСОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ»

Алексеева Е. С. Региональные меры поддержки предпринимателей в Бурятии в период ограничительных режимов в связи с коронавирусом	42
Васильева Н. В., Пятковская Ю. В. О соблюдении конституционных принципов единства экономического пространства и равенства бремени налогообложения при установлении режима федеральной территории	47
Ганусенко И. В. Правовой механизм изменения законодательства по налогообложению предпринимателей в условиях территориальных чрезвычайных ситуаций в России во второй половине XIX в.	50
Цыренжапов Ч. Д. О деятельности органов государственного жилищного надзора в России.....	55

СЕКЦИЯ «СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВА В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ И ИНЫХ СМЕЖНЫХ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ»

Жбиковский В. Некоторые юридические аспекты «антикризисного щита», принятого в Польше из-за пандемии коронавируса.....	60
Пастухова Л. В. Реализация государствами права на отступление от международных обязательств в сфере прав человека в период пандемии COVID-19	64
Тирских М. Г. Протрузия права в авторитарных и чрезвычайных режимах: сравнительно-правовые аспекты.....	68
Шишкин С. И., Шорников Д. В. К вопросу о корреляции уровня правового нигилизма с развитием пандемии COVID-19 (на примере некоторых стран)	72

СЕКЦИЯ «ЗАЩИТА ОТ БЕДСТВИЙ: СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ»

Арефьева Е. В., Дмитриева А. В. Роль средств массовой информации в оценке восприятия риска бедствий	76
Колосов А. В. Международное сотрудничество в области борьбы с эпидемиями и чрезвычайными ситуациями: особенности правового регулирования.....	81
Морозова О. А. Опыт работы специалистов МЧС России в статусе экспертов МОГО в Республике Казахстан	85
Олтян И. Ю., Дерендяева О. А. Международные стандарты в области защиты от бедствий и управления рисками чрезвычайных ситуаций.....	89
Павельева Э. А. Роль наднациональности ЕС в формировании системы защиты от бедствий	93
Сидорова Т. Ю. Защита персональных данных в период борьбы с бедствиями: международно-правовые аспекты	98
Хорошилов К. В. Международное сотрудничество спасательных служб государств в Баренцевом Евроарктическом регионе.....	102

СЕКЦИЯ «БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ»

Аверинская С. А., Загайнов В. В. Влияние чрезвычайной ситуации на прогнозирование преступности в отдельном субъекте Российской Федерации (на примере Иркутской области)	107
--	-----

Аверинская С. А., Радченко О. В. Особенности прогнозирования состояния преступности в отдельном регионе Российской Федерации в период действия чрезвычайной ситуации (на примере Иркутской области)	110
Антонова Е. Ю. Распространение заведомо ложной информации: соотношение административной и уголовной ответственности	114
Бархатова Е. Н. Новеллы в УК РФ в связи с COVID-19: уголовно-правовой анализ	120
Беляева Л. И. Обеспечение в особых условиях безопасности осужденных по уголовно-исполнительному законодательству государств – участников СНГ	123
Волчкова А. А. Защита интересов общества от недостоверной информации в условиях чрезвычайной ситуации	126
Гармышев Я. В. Ответственность за преступления техногенного характера в сфере общественной безопасности	131
Георгиевский Э. В. Генезис нормы о посредственном причинении в законодательстве средневековой Руси	135
Герасимова Ю. Р. Преступность в период пандемии (анализ интернет-ресурсов)	141
Забавко Р. А. Уголовная ответственность за экологические преступления, совершенные в зоне экологического бедствия или зоне чрезвычайной экологической ситуации	147
Закомолдин Р. В. Чрезвычайные обстоятельства как объективный признак преступления, предусмотренного ст. 343 УК РФ	151
Кобец П. Н. Причины и условия, способствующие совершению преступлений в условиях чрезвычайной ситуации	155
Куковякин А. Е. Чрезвычайная ситуация как отягчающее обстоятельство при совершении преступления	160
Лайкова Е. А. Влияние пандемии (COVID-19) на рост преступности мигрантов	163
Лиховая С. Я., Сысоева В. П. Современное состояние обеспечения уголовно-правовой защиты режима чрезвычайной ситуации и карантинных ограничений в Украине и мире	166
Петрякова Л. А. Борьба с мошенничествами в условиях сложной эпидемиологической обстановки	170
Репецкая А. Л. Обеспечение виктимологической безопасности в условиях чрезвычайных ситуаций	173
Рогова Е. В. Корыстная преступность в условиях экономического кризиса, вызванного чрезвычайной ситуацией	178
Середя И. М. Преступления на рынке ценных бумаг в современном мире	183

Смирнова К. В. Особенности виктимологической профилактики хищений: на примере режима самоизоляции в период пандемии COVID-19.....	187
--	-----

СЕКЦИЯ «ЧАСТНОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ И ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ: ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ»

Баландин Р. В., Липич О. А. Особенности правоприменительной практики проведения государственной регистрации прав и сделок с недвижимостью в период пандемии.....	191
Безик Н. В. Вопросы обращения взыскания на единственное жилое помещение должника.....	196
Виниченко Ю. В., Амосов С. М. Чрезвычайные ситуации: взгляд с позиций влияния на функционирование системы гражданского оборота.....	201
Волкова М. А. К вопросу о применении электронной цифровой подписи в гражданско-правовых отношениях.....	205
Горбач О. В., Филатова У. Б. Правовые аспекты использования дистанционных образовательных технологий в деятельности образовательных учреждений в условиях пандемии.....	210
Ignaczak A. COVID-19: The Consequences for Fundamental Rights and Freedoms / Игначак А. COVID-19: последствия для фундаментальных прав и свобод.....	214
Парягина О. А. Обеспечение занятости населения и совершенствование Трудового кодекса Российской Федерации в условиях пандемии.....	220
Ровный В. В. О «передаче вещи короткой рукой».....	224
Ruciński M. Rebus Sic Stantibus Clause at the Time of Pandemic. Practical approach / Ручиньски М. Принцип rebus sic stantibus во время пандемии. Практический подход.....	228
Синкевич Ж. В. Некоторые проблемы реализации права на получение социальной услуги.....	232

СЕКЦИЯ «ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУДЕБНЫХ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ»

Ведерников А. В. Доступность и достаточность правосудия в чрезвычайной ситуации.....	236
Гавриленко А. А. Особенности организационных основ деятельности транспортных прокуратур в годы Великой Отечественной войны и в период деятельности СВАГ.....	240

Джура В. В., Вишневский А. В. Рассмотрение дел в суде в режиме повышенной готовности.....	245
Ильина В. А. Тактико-психологические особенности расследования преступлений в условиях чрезвычайных ситуаций (на примере распространения вируса COVID-19).....	249
Курас Т. Л., Ядрова С. С. Особенности деятельности нотариата в период распространения коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации.....	254
Lakomy K. Criminal Proceedings in States of Emergency on the Example of Computerization of Pre-Trial Detention Cases in Polish Law / Лакомы К. Уголовное судопроизводство в чрезвычайных ситуациях на примере компьютеризации дел о предварительном заключении в польском законодательстве.....	258
Микова Е. Б. Перспективы участия адвокатов в системе бесплатной юридической помощи для пострадавших от чрезвычайной ситуации.....	263
Митюкова М. А., Черноусов В. С. Расследование преступлений следственной группой в условиях чрезвычайной ситуации	268
Решняк М. Г. О некоторых проблемных аспектах деятельности органов расследования в условиях чрезвычайной ситуации (на примере ограничительных мер, связанных с коронавирусом COVID-19).....	271
Шишкина Н. Э., Смирнов В. А. Уголовный процесс в условиях пандемии: новые вызовы и нерешенные вопросы	276

ОСОБЫЕ ПРАВОВЫЕ РЕЖИМЫ В ПУБЛИЧНОМ ПРАВЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 347.963(091)

Прокурорский надзор за дознанием и следствием в чрезвычайной ситуации в условиях действия Положения об охране 1881 г.

© В. М. Деревскова, 2020

Аннотация. Рассматриваются вопросы прокурорского надзора за производством дознания по государственным преступлениям, его эволюции в сравнении с нормами Устава уголовного судопроизводства и последующих изменений 1870–1904 гг. Отмечается, что был значительно сокращен объем полномочий прокурора при осуществлении надзора за деятельностью жандармерии, производящей дознание по государственным преступлениям. Ограничения вводились еще до установления в России исключительного режима и позволяли расширить полномочия политической полиции в борьбе с революционным движением.

Ключевые слова: прокурорский надзор, дознание по государственным преступлениям, исключительный режим, жандармерия.

Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС) устанавливался порядок производства предварительного расследования государственных преступлений и судебное преследование по этой категории дел поручалось прокурору судебной палаты. Предварительное следствие было возложено на одного из членов судебной палаты при личном присутствии прокурора палаты или его товарища (ст. 1037 УУС). Органы жандармерии (политической полиции), в ведении которых находился политический сыск, с момента прибытия прокурора или члена палаты исключались из дальнейшего хода расследования.

По мере развития революционной ситуации порядок расследования по делам о государственных преступлениях был изменен Правилами о порядке действия членов корпуса жандармов по исследованию преступлений от 19 мая 1871 г. [1, с. 591–594], нормы которого были включены в УУС. Дознание превратилось в обязательную стадию и

стало производиться жандармами под надзором прокуроров. За офицерами закреплялись полномочия, которые предусматривались для чинов полиции при производстве дознания, и право на проведение всех следственных действий, которые осуществлялись судебными следователями с процессуальным оформлением материалов дела [2, с. 173]. Как отступление от УУС можно рассматривать ст. 29 Правил 1871 г., по которой оконченное дознание передавалось прокурором судебной палаты министру юстиции, который через шефа жандармов отдавал распоряжение о производстве предварительного следствия [3, с. 199]. Министр юстиции мог просить императора о прекращении дела или разрешении его в административном порядке. Это позволяло не проводить предварительного следствия и завершать дела в административном (внесудебном) порядке, а лицо подвергать уголовному преследованию и назначать ему наказание, основанное на материалах жандармского дознания. По существу, дознание, производимое жандармами, становилось предварительным следствием, но без соблюдения гарантий, установленных законом для предварительных следствий [4, с. 18, 174].

В соответствии с п. «а» ст. 6 Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г. местности могли объявляться в состоянии усиленной охраны в том случае, когда общественное спокойствие могло быть нарушено преступными посягательствами против существующего государственного строя или безопасности частных лиц и их имущества или если будет признано недостаточным действие законов и мер, на основе этих законов принятых. В п. «б» указывалось, что если такими посягательствами население местности будет приведено в тревожное настроение, вызывающее необходимость принятия исключительных мер для восстановления нарушенного порядка, то такие местности объявлялись на положении чрезвычайной охраны. Объявление местностей находящимися в исключительном положении объяснялось тем, что преступная деятельность лиц, посягающих на государственный порядок и общественную безопасность, носила угрожающий характер и требовалось принятие особых мер (ст. 4). С подписанием Положения 1881 г. губернаторы получили право требовать от лиц прокурорского надзора представления для просмотра каждого отдельного следственного производства или дознания, не переданного еще в суд, на срок не свыше двух недель (прим. к ст. 17). Полиция и жандармерия могли задерживать подозреваемых в причастности к государственным преступлениям в местностях, объявленных в состоянии усиленной охраны, на срок не более двух недель, но по письменному распоряжению губернатора или градоначальника срок ареста мог быть продлен до одного месяца со

дня задержания. Кроме того, полиция и жандармерия могли производить обыски и выемки. Все указанные действия осуществлялись без санкции прокурора с последующим уведомлением [5, с. 261–266]. Фактически не требовалось участия прокурора в дознании, а также предусматривался административный (внесудебный) порядок рассмотрения дел и административная высылка в определенную местность с обязательным безотлучным пребыванием в указанном месте в течение назначенного срока. Данный порядок предусматривался только при объявлении местностей на усиленной или чрезвычайной охране, однако Положение 1881 г. действовало непрерывно вплоть до его отмены Временным правительством 16 июля 1917 г. и на территории всей страны [6, с. 4, 22].

По Закону «О некоторых изменениях в порядке производства по делам о преступных деяниях государственных и о применении к оным постановлений нового Уголовного Уложения» от 7 июня 1904 г. дела о государственных преступлениях были возвращены к обязательному судебному рассмотрению. Дознание по этим делам проводилось жандармскими и осуществлялось под наблюдением прокурора окружного суда (ст. 1035⁵ УУС). Лица, производящие дознание, могли совершать следственные действия, руководствуясь статьями УУС для производства предварительного следствия. Прокурор окружного суда по окончании дознания передавал дело следователю или же ходатайствовал перед губернским совещанием (в составе губернатора, прокурора и начальника жандармского управления) о прекращении дела (ст. 1035^{26–27} УУС). Вместе с тем по Закону 1904 г. предварительное следствие не стало обязательной стадией, а жандармское дознание еще больше с ним сблизилось, поскольку по ст. 1035³² УУС прокурор судебной палаты на основании произведенного жандармами дознания мог предлагать палате рассмотреть дело и представлял обвинительный акт [7, с. 261–266]. Доказательства, собранные жандармами, стали приниматься судом наравне с материалами предварительного следствия, и произошло уравнивание формального дознания и предварительного следствия, но обвиняемый не получал тех процессуальных прав, которые предусматривались для обвиняемых при проведении предварительного расследования, в том числе и право обжаловать акты дознания в случае прекращения производства губернским совещанием за недостаточностью улик [2, с. 175]. Необходимо отметить, что судебный порядок рассмотрения таких дел в полном объеме не был восстановлен, поскольку продолжало действовать Положение 14 августа 1881 г. и его нормы применяли тогда, когда для производства формального дознания не име-

лось фактических оснований и необходимо было убедиться в благонадежности лица [4, с. 135].

Таким образом, по сравнению с УУС значительно менялся порядок осуществления прокурорского надзора за производством дознания по государственным преступлениям. Одни отрицательно относились к таким изменениям и утверждали, что прокуратура утратила реальные полномочия по надзору за законностью уголовного преследования государственных преступлений и надзор осуществлялся чисто номинально [8, с. 80]. Другие считали, что обязательное присутствие прокурора при производстве дознания заметно ограничивало произвол полицейских чиновников [9, с. 12]. Фактически дознание по государственным преступлениям приравнивалось к предварительному следствию. Однако необходимого объема прав у чинов прокурорского надзора при осуществлении надзора за дознанием, производимым чинами общей полиции, и за предварительным следствием, осуществляемым судебными следователями по отношению к дознанию, проводимом жандармами, у прокуроров не было, он был гораздо меньше, и реализовывать их эффективно было сложно, хотя отсутствие надзора вообще было еще большим злом.

Литература

1. Правила о порядке действия членов корпуса жандармов по исследованию преступлений: мнение Государственного совета, высочайше утвержденное от 19 мая 1871 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 46. Отд-ние 1. № 49615. СПб., 1874. 942 с.
2. Ябанжи И. И. Расследование дел о государственных преступлениях в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Владимирского юридического института. 2010. № 2 (15). С. 173–176.
3. Рыжаков Д. Г. Верны закону и государю: некоторые аспекты деятельности прокуратуры при расследовании государственных преступлений в России второй половины XIX – начала XX века // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 5. С. 198–203.
4. Руководство для чинов корпуса жандармов при производстве следствий и дознаний / сост. А. А. Попов. СПб., 1885. 227 с.
5. Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия: Положение Комитета министров, высочайше утвержденное от 14 августа 1881 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. 1. № 350. СПб., 1885. 644 с.
6. Ермаков В. А. Действие исключительного режима управления в Российской империи (1881–1917 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 2010. 29 с.
7. О некоторых изменениях в порядке производства по делам о преступных деяниях государственных и о применении к оным постановлений нового Уголовного Уложения: мнение Государственного совета, высочайше утвержденное от 7 июня 1904 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. 24. 1904. Отд-ние 1. № 24732. СПб., 1907. 1290 с.

8. Абитов Р. Р. Взаимодействие прокуратуры окружного суда с правоохранительными органами при расследовании важнейших политических и уголовных дел // Вестник Екатеринбургского института. 2011. № 3 (15). С. 78–81.

9. Доронин А. М. Прокурорский надзор за дознанием по политическим преступлениям в Российской империи // Время и право. 2014. № 4. С. 10–12.

Prosecutor's Supervision over the Inquiry and Investigation in an Emergency in the Conditions of the Regulations on Protection of 1881

© V. M. Derevskova, 2020

Abstract. The article deals with the issues of prosecutor's supervision over the production of inquest on state crimes, its evolution in comparison with the norms of the Charter of criminal proceedings and subsequent changes in 1870–1904. The author considers that the scope of powers of the prosecutor has been significantly reduced when exercising supervision over the activities of the gendarmerie conducting inquiries into state crimes. Restrictions were introduced even before the establishment of an exceptional regime in Russia and made it possible to expand the powers of the political police in the fight against the revolutionary movement.

Keywords: prosecutor's supervision, inquiry on state crimes, exceptional regime, gendarmerie.

Деревскова Валентина Михайловна – заведующий, кафедра теории и истории государства и права, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск, Россия, e-mail: vderevskova@mail.ru

Derevskova Valentina Mikhaylovna – Head, Chair of Theory and History of State and Law, Irkutsk Law Institute Affiliated to the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: vderevskova@mail.ru.

УДК 340.12

Место и роль юридической ответственности в структуре особых публично-правовых режимов

© И. А. Кузьмин, 2020

Аннотация. Исследованы место и роль юридической ответственности в структуре правового режима на примере режима повышенной готовности в Российской Федерации. Выявлены недостатки развития и потенциал совершенствования особых публично-правовых режимов в контексте закрепления и реализации юридической ответственности.

Ключевые слова: правовой режим, особый публично-правовой режим, правовые средства, юридическая ответственность.

Вопросы понимания и реализации правовых режимов занимают видное место в общей проблематике правового регулирования и относятся к числу наиболее сложных и дискуссионных. Множественность и качественное разнообразие общественных отношений, объединенных в структуре сложного социального процесса, с неизбежностью порождают потребность в системе специальных правовых средств, способных оказать упорядочивающее воздействие на соответствующие отношения. Подобные «системы» правовых средств получили название правовых режимов и нашли свое непосредственное закрепление и применение как в международном, так и во внутригосударственном праве.

С учетом особенности публичного и частного права в науке обозначилось понимание о возможности разграничения по данному критерию публично-правового и частноправового режимов. Как отмечает Г. С. Беляева, существует целый ряд отраслей права, нуждающихся в одновременном использовании публично-правовых и частноправовых методов (трудовое, семейное право), поэтому публично-правовой режим нельзя считать тождественным административно-правовому режиму. Автор полагает, что исследование публично-правовых режимов следует вести применительно не к отраслям публичного права, а к особым подсистемам права [1, с. 22].

Мы убеждены, что любой публично-правовой режим реализуется в процессе государственного и муниципального управления и имеет тесную связь с феноменом власти. В данном контексте интересным представляется тот факт, что латинское слово *regimen* (в котором многими учеными усматривается этимологическая связь с понятием «режим») характеризуется полисемией и может трактоваться как «государственная власть», «правительство», «организация власти».

С. С. Алексеев, говоря о тенденциях развития права, подчеркивал, что совершенствование правовых механизмов (институтов), способных сдерживать правящих субъектов и поместить их в четко очерченные рамки, формирует строгий правовой режим для носителей власти [2, с. 22]. Н. А. Пьянов рассматривает единый режим регулирования общественных отношений определенного вида через призму норм, осуществляющих правовое регулирование общественных отношений [3, с. 215]. Размышляя о структуре публично-правовых режимов, К. В. Андриевский убедительно связывает режимное регулирование с поиском компромиссов между убеждением и принуждением. Проявления указанного взаимодействия находят себя прежде всего в нормах права и специальном государственном механизме их обеспечения. Причем главные акценты в правовых режимах, по мнению автора, связаны с принуждением, что не исключает и элемент убеждения [4, с. 218].

По нашему мнению, правовой режим в статике представляет собой фрагмент, или «участок», механизма правового регулирования, конкретизированный для определенного вида общественных отношений. В этом смысле структура любого правового режима сходна со структурой механизма правового регулирования и подразумевает наличие основных правовых средств – норм права, правоотношений, актов реализации и применения права, а также примыкающих к ним вспомогательных правовых средств. Обозначенный комплекс правовых средств последовательно реализуется по стадиям правового регулирования, начиная с общего действия норм права и заканчивая их применением.

Сказанное означает, что публично-правовой режим, как и любой правовой режим, закрепляется в нормах права и реализуется через определенную форму – процедуру. Общие публично-правовые режимы предусмотрены для обычного (нормального) функционирования органов власти и управления, что же касается особых (специальных) публично-правовых режимов, то их введение обуславливается непредвиденными обстоятельствами, не терпящими отлагательств и создающими опасность для государства и общества. В Конституции Российской Федерации от 12.12.1993 предусмотрены два особых публично-правовых режима – военного и чрезвычайного положения, особенности введения и реализации которых детализированы в федеральных конституционных законах от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении», от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении».

В связи с ухудшением санитарно-эпидемиологической обстановки в России, вызванной пандемией коронавирусной инфекции (COVID-19), 1 апреля 2020 г. был принят Федеральный закон № 98-ФЗ по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций (далее – Закон № 98-ФЗ). В соответствии с данным документом был учрежден новый вид правового режима – режим повышенной готовности, который должен был заполнить предполагаемый законодательный пробел в части буферного регулирования общественных отношений, предшествующих возможной чрезвычайной ситуации.

Юридическая ответственность является одним из основных охранительных правовых средств, которые систематизируются в межотраслевом институте права и имеют своей целью охрану правоотношений и обеспечение действия регулятивных норм права. В структуре особых публично-правовых режимов юридическая ответственность выполняет сопроводительную функцию, гарантируя реализацию норм, на которых основан соответствующий режим.

Процесс реализации публично-правового режима повышенной готовности в Российской Федерации в связи с продолжающейся пандемией сопровождает система мер юридической ответственности, действие которой обладает определенной спецификой:

1) задействованные меры юридической ответственности относятся к различным отраслям права (возможно применение мер уголовно-правовой, административно-правовой, гражданско-правовой и иных видов ответственности);

2) в числе общих мер юридической ответственности предусмотрены специализированные санкции (федеральные законы от 1.04.2020 № 99-ФЗ и 100-ФЗ предусматривают ответственность за нарушение

режима, например ст. 20.6.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ);

3) ограничена возможность применения мер юридической ответственности по отдельным видам правонарушений, совершенных в связи с пандемией (например, подп. «а», п. 2 ч. 1 ст. 17 Закон № 98-ФЗ разрешает всем категориям лиц, имеющих разрешения/лицензии с истекшим сроком годности, продолжать осуществлять соответствующие виды деятельности без применения к ним ответственности);

4) наличие специальных интерпретационных актов, разъясняющих особенности применения мер ответственности в период пандемии (так, 21 и 30 апреля 2020 г. Президиум Верховного Суда Российской Федерации утвердил обзоры № 1 и 2 по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению новой коронавирусной инфекции);

5) выявляются коллизии между комплексом законодательных норм, устанавливающих режим повышенной готовности, и положений Конституции Российской Федерации (одно из таких противоречий стало предметом дела, рассматриваемого в Конституционном Суде Российской Федерации по запросу Протвинского городского суда Московской области о проверке конституционности постановления губернатора Московской области от 12 марта 2020 г. № 108-ПГ в части ограничения свободы передвижения [5]);

6) на этапах введения, действия и отмены особого правового режима повышенной готовности юридическая ответственность проявляет себя во всем многообразии своих форм (нормы права, обязанности нарушителя претерпеть наказания, последствия претерпевания наказания и пр.) и дает возможность проанализировать ситуацию для подготовки и реализации в будущем политических и правовых решений.

Таким образом, на основе вышеизложенного мы приходим к выводу о том, что юридическая ответственность является неотъемлемым элементом правового режима и его основной гарантией. В структуре особых публично-правовых режимов реализация мер юридической ответственности выступает индикатором качества правовой политики, теории и практики осуществления соответствующих режимов, а также способствует накоплению бесценного опыта для субъектов правотворчества и правоприменения.

Литература

1. Беляева Г. С. Публично-правовой режим: сущность, содержание, нормативно-правовое закрепление // Lex russica. 2015. Т. 104, № 7. С. 21–28.
2. Алексеев С. С. Государство и право. Начальный курс. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1994. 192 с.

3. Пьянов Н. А. Актуальные проблемы теории государства и права : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Иркутск, 2011. 255 с.

4. Андриевский К. В. Финансово-правовые режимы как разновидность публично-правовых режимов // Евразийский юридический журнал. 2019. № 2. С. 218–219.

5. КС принял к рассмотрению первое обращение по ограничениям из-за коронавируса в Подмосковье // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/9567063> (дата обращения: 20.10.2020).

The Place and Role of Legal Liability in the Structure of Special Public Law Regimes

© I. A. Kuzmin, 2020

Abstract. The article examines the place and role of legal liability in the structure of the legal regime, using the example of the high alert regime in the Russian Federation. The drawbacks of development and the potential for improvement of special public law regimes in the context of establishment and realization of legal liability are identified.

Keywords: law, regime, special public law regime, legal means, legal liability.

Кузьмин Игорь Александрович – доцент, кафедра теории и истории государства и права, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск, Россия, e-mail: grafik-87@mail.ru

Kuzmin Igor Aleksandrovich – Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Irkutsk Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: grafik-87@mail.ru

УДК 347.963(571.53)(091)

Деятельность первичной партийной организации Иркутской областной прокуратуры в 1941–1945 гг.

© Н. Г. Русак, 2020

Аннотация. Представлена информация о деятельности первичной партийной организации Иркутской областной прокуратуры 1941–1945 гг. Рассмотрено участие парторганизации в работе прокуратуры за военные годы. Приведены примеры сбора средств для фронта, а также освещена непосредственная работа парторганизации по плановым мероприятиям.

Ключевые слова: первичная партийная организация, прокуратура Иркутской области, секретарь партийной организации, партийное собрание, партийное бюро, ВКП(б).

Решение о создании первичной партийной организации Иркутской областной прокуратуры было принято на заседании бюро Иркутского ГК ВКП(б) от 17.02.1934. Являясь политическим ядром трудового коллектива, парторганизация проводила работу по выполнению директив партии в осуществлении социального развития государства, воспитании коммунистов и повышении их роли в решении стоящих перед коллективами задач.

Однако существенные коррективы в деятельность парторганизации внесла Великая Отечественная война. На партсобрании от 4.07.1941 обсуждалось выступление И. В. Сталина, по итогам которого было принято решение о перестройке работы органов прокуратуры. В

процессе обсуждения выдвигались предложения, представленные в резолюции: «Мы коммунисты и беспартийные работники областной прокуратуры должны в это тяжелое время быть образцом организованности и соблюдения государственной и служебной дисциплины; приказание выше стоящего начальника должны исполняться немедленно и точно. Ведя борьбу по ликвидации уголовно-преступного элемента работники прокуратуры должны сосредоточить удар уголовных репрессий на лиц, дезертирующих в тыл – паникерах, распространителей слухов, шпионов, диверсантах». Также было принято решение мобилизовать коллектив на исполнение директивы правительства «Об организации противовоздушной и противохимической обороны» и обязать бюро проводить систематическую проверку по работе коммунистов на закрепленных участках ¹.

Вслед за партсобранием партбюро внесло коррективы в перестройку работы парторганизации облпрокуратуры. Прокурору поручалось установить круглосуточное дежурство в коллективе из оперативного состава. Дежурный должен был прослушать по радио и довести до всех членов коллектива поступившую информацию о военных действиях. Инструктору следовало проверять имеющиеся в наличии противогазы и раздавать их по отделам, а также организовать занятия по санитарной и противовоздушной обороне.

Партийная организация взяла под свой контроль нескольких направлений деятельности прокуратуры. Одной из основных задач, стоящих перед органами прокуратуры Иркутской области, являлась борьба с саботажем выполнения плана обязательных поставок зерна и других сельскохозяйственных продуктов государству, а также выявление случаев хищения хлеба. С этой целью оперативные работники областной прокуратуры совместно с коммунистами должны были выезжать на места и оказывать практическую помощь районным прокуратурам. Также в ведении прокуратуры был контроль за оборотом промышленных товаров и продовольственных карточек. В подобных случаях накладывался своевременный арест на имущество расхитителей социалистической собственности.

Второй задачей контроля выступила борьба с «разбазариванием» скота и реализация мер по его сохранению. Учитывая недостаточность заготовительных кормов, органы прокуратуры в порядке общего надзора должны были наблюдать за выполнением колхозами распоряжения «О порядке сохранения и расходования кормов и развития животноводства». Было предписано не оставлять безнаказанным ни одно

¹ ГАНИИО. Ф. 3430. Оп. 1. Д. 20.

нарушение и виновных привлекать к уголовной ответственности. Дела о таких преступлениях расследовались в кратчайшие сроки (5 дней), и прокуратура добивалась немедленного рассмотрения этих дел в суде.

В целях исполнения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» проводилась следующая работа. Парторганизация прокуратуры совместно с руководителями предприятий и местными коммунистами выявляли причины, порождающие дезертирство. Лица, способствующие дезертирству, привлекались к уголовной ответственности. Систематически проверялась работа милиции в части своевременного розыска. Дела, относящиеся к дезертирству, были взяты на особый учет, прокуратура добивалась их расследования в десятидневный срок.

Партийная организация Иркутской облпрокуратуры выступила организатором сбора средств для фонда обороны страны. На заседании партсобраний от 15 августа 1941 г. было установлено, что каждый месяц в фонд будут собраны отчисления в размере однодневного заработка, а также средства за неиспользованный отпуск до окончания войны. Члены парторганизации выдвинули предложение сдать облигации госзаймов и различные ценные вещи в поддержку фронта. В первом государственном военном займе приняли участие все работники прокуратуры, общая сумма составляла 45 500 руб.¹

Коммунисты проявили активность в сборе теплой одежды для фронта. Приоритетными для сдачи были полушубки, катанки, телогрейки, валенки. Для стимулирования коллектива членам парторганизации поручалось регулярно обновлять стенгазету с информацией о тех, кто принимает участие в сборе, и тех, кто уклоняется. На 16 октября 1941 г. было сдано 135 теплых вещей, из них валенок 13 пар, полушубков – 5, ватных брюк – 24, телогреек – 2².

В 1943 г. коллектив Иркутской областной прокуратуры приступил к сбору средств на строительство танковой колонны, по результатам которого, была собрана денежная сумма в размере 19 554 руб.³ После был объявлен дополнительный сбор на создание боевых самолетов, на которое также работники отчисляли однодневный заработок.

Помимо важных вопросов относительно перестройки деятельности прокуратуры, парторганизация осуществляла свои прямые функции. В военный период партийной организацией Иркутской областной

¹ ГАНИИО. Ф. 3430. Оп. 1. Д. 26.

² ГАНИИО. Ф. 3430. Оп. 1. Д. 20.

³ ГАНИИО. Ф. 3430. Оп. 1. Д. 26.

прокуратуры руководил Рутин Павел Абрамович 1888 года рождения, член ВКП(б) с 1920 г.¹ Свою профессиональную карьеру Павел Абрамович начал с секретаря Народного суда в г. Балаганске Иркутской губернии в 1920 г. Работал помощником губернского прокурора, прослужил прокурором в городах Красноярске, Чите, Иркутске. На момент руководства парторганизацией являлся начальником отдела Иркутской областной прокуратуры по надзору за местами заключения.

В рамках своей работы парторганизация прокуратуры принимала планы работы с учетом военного времени. Например, в 1945 г. обсуждались доклады «О задачах органов прокуратуры на 1945 г.», «20 лет без Ленина по Ленинскому пути» и др.; проводились партсобрания по следующим вопросам: «Об утверждении плана работы парторганизации на январь 1945 г.», «О подготовке к Ленинским дням», «О членских взносах за IV квартал 1944 г.», «О месячнике помощи военнослужащим», «О работе агитаторов на избирательном участке»; организовывались занятия в кружках; дважды в месяц доносились политинформация до технического персонала и основного коллектива; выпускались агитационные стенгазеты².

За рассматриваемый период на учете в парторганизации числилось 16 членов ВКП(б) и 7 кандидатов³. Процедура приема в партию не подвергалась изменению. Интересным является случай приема ранее состоящего в партии Шубина Николая Григорьевича 1891 г. р. За работу судьей при Колчаке он был исключен из партии, в 1943 г. изъявил желание вновь стать членом партии. В процессе обсуждения его кандидатуры были заданы следующие вопросы: «1. В каком году были избраны судьей? Шубин Н. Г.: В ноябре 1917 г.; 2. Почему Вы остались при чехах нарсудьей? Шубин Н. Г.: Ввиду того, что судьи были избраны земским собранием так они и остались при чехах. 3. Почему Вы пошли освобождать заключенных, арестованных органами советской власти? Шубин Н. Г.: Считал, что держать их под стражей неосновательно. 4. Какой ценз требовался для нарсудьи? Шубин Н. Г.: Высшее образование, стаж секретаря в судебных органах. Меня выбрало местное население»⁴. В ходе обсуждения его кандидатуры члены ВКП(б) на партбюро пришли к решению принять Шубина Н. Г. кандидатом в члены ВКП(б).

Состав парторганизации периодически обновлялся: принимались новые члены и кандидаты партии, некоторые переходили в другие

¹ ГАНИИО. Ф. 327. Оп. 6. Д. 151.

² ГАНИИО. Ф. 3430. Оп. 1. Д. 32.

³ ГАНИИО. Ф. 3430. Оп. 1. Д. 32.

⁴ ГАНИИО. Ф. 3430. Оп. 1. Д. 27.

ячейки, а также отправлялись на фронт. Всего за 1941–1945 гг. на военную службу было призвано 85 работников прокуратуры: 21 сотрудник аппарата прокуратуры и 64 прокурорско-следственных работников¹. Большая часть трудились на должностях военных следователей, прокуроров, в военных трибуналах и органах контрразведки.

По материалам архивных документов можно сделать вывод, что первичная партийная организация совместно с областной прокуратурой мобилизовали все ресурсы для обеспечения законности и порядка на территории Иркутской области в военные годы.

Activities of the Primary Party Organization of the Irkutsk Regional Prosecutor's Office in 1941–1945

© N. G. Rusak, 2020

Abstract. The article provides information about the activities of the primary party organization of the Irkutsk regional Prosecutor's office in 1941–1945. The article considers the participation of the party organization in the work of the Prosecutor's office during the war years. Examples of fundraising for the front are given. It also highlights the direct work of the party organization on planned events.

Keywords: primary party organization, Prosecutor's office of the Irkutsk region, Secretary of the party organization, party Assembly, party Bureau, CPSU/b.

Русак Надежда Георгиевна – ведущий архивист, Государственный архив новейшей истории Иркутской области, г. Иркутск, Россия, e-mail: rusak.nadiezhd@mail.ru

Rusak Nadezhda Georgievna – Leading Archivist, State Archive of Modern History of the Irkutsk Region, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: rusak.nadiezhd@mail.ru

УДК 342.92

Самоизоляция как элемент административно-правового режима

© А. Г. Самусевич, 2020

Аннотация. Рассматривается самоизоляция граждан как вид административно-правового режима. Выявляются общие черты самоизоляции и административно-правового режима, а также их существенные различия. Делается вывод о том, что самоизоляция не является полноценным видом административно-правового режима, а выступает его специальным инструментом.

Ключевые слова: правовой режим, административно-правовой режим, самоизоляция, карантин, коронавирусная инфекция, COVID-19.

Актуальность представленной темы обусловлена тем, что на сегодняшний день в механизме противодействия коронавирусной инфекции COVID-19 имеется множество проблемных вопросов, которые не позволяют эффективно реализовывать его на практике. Вполне оче-

¹ ГАНИИО. Ф. 3430. Оп. 1. Д. 33.

видно, что те ограничительные меры, которые были введены в субъектах РФ в связи с угрозой распространения указанной инфекции, не дали положительного результата, в связи с чем возросла и социальная напряженность. Стоит отметить, что одним из противоречивых вопросов в этой сфере является режим самоизоляции граждан. Начиная с марта 2020 г. в обиход устойчиво вошли такие словосочетания, как «режим самоизоляции граждан», «карантин», «масочный режим», «социальная дистанция», «ковидный нигилизм», «ковидные правонарушения» и т. п. Сегодня очевидным становится тот факт, что население страны не в полной мере осознает сущность указанных режимов в части их практической реализации. Подобные темы вызывают дискуссии и на научно-практических мероприятиях.

Проблема состоит в том, что не совсем понятно, на каком основании гражданин обязан соблюдать режим самоизоляции. И если на первоначальном этапе распространения коронавирусной инфекции такой режим активно применялся практически во всех субъектах России и устанавливался отдельными нормативными актами органов государственной власти (объявлялись нерабочие дни, на дистанционный режим работы переходили многие организации, отменялись массовые мероприятия и т. д.), то сегодня самоизоляция рекомендована только для отдельных категорий граждан, хотя, как показывает практика, данное заболевание распространяется еще с большей интенсивностью, чем весной 2020 г.

В рамках настоящей статьи автору представляется возможным определить сущность самоизоляции, а также рассмотреть ее через призму характерных особенностей административно-правового режима.

Учитывая вышеизложенное, кратко рассмотрим суть административно-правового режима. Не вызывает сомнения тот факт, что указанная коронавирусная инфекция создала особые условия для введения специального административно-правового режима на территории России, цель которого заключается в том, чтобы не допустить распространение данной инфекции и обеспечить эпидемиологическую безопасность государства. В связи с этим в субъектах РФ был введен режим функционирования повышенной готовности для предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций при распространении данного заболевания. Указанные режимы вводились актами высших должностных лиц субъекта РФ [1]. При этом по мере необходимости и изменения эпидемиологической обстановки в регионе в данные акты постоянно вносились изменения, а в некоторых случаях издавались новые [2].

Анализ юридической литературы показывает, что основным признаком любого административно-правового режима является его нормативное регулирование. Как справедливо указывает профессор

А. Ф. Ноздрачев, «административно-правовые режимы, как правило, формируются комплексом нормативных правовых актов разной иерархической принадлежности и разной юридической силы» [3, с. 107]. В свою очередь, А. С. Домченко также говорит о нормативном характере административно-правового режима, поскольку такой режим сам по себе уже указывает на повторяемость, многократность, наличие статистической закономерности, интенсивности в действующем применении методов административно-правового воздействия в сочетании с иными средствами отраслевого регулирования, что характерно как для общего административно-правового режима (режима законности в сумме с требованиями безопасности и стабильности порядка управления), так и для специальных административно-правовых режимов (регистрации, легализации, содействия, применения мер принуждения и т. д.) [4, с. 66].

Исходя из этого, административно-правовой режим призван обеспечивать детальную правовую регламентацию как деятельности государственных органов, организаций, так и поведение граждан в режимных условиях.

Как и было указано ранее, эффективной мерой сдерживания коронавирусной инфекции во всем мире является установление и соблюдение гражданами режима самоизоляции. Однако основная проблема состоит в том, что до настоящего времени термин «самоизоляция» не получил своего законодательного закрепления, но активно использовался органами государственной власти и местного самоуправления при принятии ими управленческих решений в сфере противостояния распространению коронавирусной инфекции COVID-19.

Таким образом, вполне резонно возникает вопрос: является ли режим самоизоляции самостоятельным специальным административно-правовым режимом, который устанавливается и реализуется в сфере обеспечения эпидемиологической безопасности?

Прежде чем ответить на поставленный вопрос, полагаем, что необходимо определить сущность и основные черты самоизоляции, после чего рассмотреть ее через признаки административно-правового режима.

Итак, что понимать под режимом самоизоляции граждан и каковы правовые и фактические основания введения такого режима и его реализации? В данном случае необходимо обратить внимание на главные сущностные черты определения «самоизоляция». Логика подсказывает, что самоизоляция – это добровольные действия лица по изоляции от общества. Практически об этом же говорят и многие авторы, кто в той или иной степени обращался к вопросу трактования самоизоляции. Так, можно привести точку зрения С. И. Конева, который термин «самоизоляция» представил как «самостоятельные действия лица, предпринятые

им в целях недопущения распространения инфекции» [5, с. 228]. Как видно из приведенного, одним из существенных признаков является то, что человек самостоятельно принимает решение о самоизоляции.

Полагаем, что характерные черты режима самоизоляции будут следующими:

- во-первых, целью такого режима является возможное предотвращение распространения указанной инфекции;
- во-вторых, решение о введении такого режима принимается лицом самостоятельно в отношении самого себя;
- в-третьих, фактическим основанием введения режима самоизоляции является сам факт контакта с зараженным коронавирусной инфекцией, а также подозрение на наличие инфекции у самоизолирующегося, например при проявлении характерных симптомов;
- в-четвертых, срок самоизоляции, по общему правилу, составляет до 14 дней (инкубационный период), после чего субъект принимает решение о снятии данного режима, если болезнь не подтвердилась.

Содержание рассматриваемого режима заключается в том, что лицо, которое находится на самоизоляции, самостоятельно и добровольно принимает решение об ограничении себя в свободе передвижения (временно не посещает работу или учебу, а также минимизирует посещение общественных мест).

Как следует из сказанного, режим самоизоляции хотя и не в полном объеме, но обладает характерными признаками административно-правового режима. Так, общими у этих режимов являются цель и установление правил поведения в режимных условиях (ограничение свободы передвижения).

Однако не стоит отождествлять самоизоляцию с обязанностью соблюдать изоляцию при получении предписания от органов государственной власти. В данном случае инициатором введения такого режима (карантина) является не сам заболевший, а компетентный орган государственной власти. И реализуется такой режим в принудительном порядке под страхом применения мер государственного принуждения за его нарушение. Так, например, в соответствии с постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 18.03.2020 № 7 гражданам, которые прибыли на территорию РФ из-за границы, предписывается в течение трех календарных дней со дня прибытия пройти лабораторное исследование на COVID-19. А до получения результатов соблюдать режим изоляции по месту жительства (пребывания). Как видно, в данном случае ни о каком режиме самоизоляции речи не идет.

Тем не менее нерешенным остается вопрос правового основания режима самоизоляции. Как и было отмечено ранее, на сегодняшний

день режим самоизоляции законодательно практически не урегулирован. Однако такой режим вводился для отдельных категорий граждан, но в последнее время в некоторых субъектах РФ самоизоляция сменилась обязанностью изолироваться. Так, например, в Красноярском крае для граждан в возрасте 65 лет и старше установлена обязанность (необходимость) не покидать место жительства (место пребывания) [6]. В свою очередь, в Иркутской области самоизоляция установлена как необходимость ее соблюдения для лиц указанной категории [2]. И таких примеров можно привести множество.

Еще одним проблемным вопросом является применение мер государственного принуждения за нарушение режима самоизоляции. Если говорить об административной ответственности за невыполнение правил (ст. 20.6.1 КоАП РФ), то следует иметь в виду, что нарушение самоизоляции не может являться основанием для привлечения лица к мерам ответственности, по крайней мере на территории Иркутской области, так как в указанных актах такого правила поведения не установлено (только в отношении лиц в возрасте 65 лет и старше).

Таким образом, можно предположить, что режим самоизоляции не соответствует основным признакам специального административно-правового режима. Однако с уверенностью можно сказать, что самоизоляция является одним из специальных средств (инструментов) реализации административно-правового режима в сфере обеспечения эпидемиологической безопасности населения. Именно режим самоизоляции, который в первую очередь зависит от уровня сформированности правосознания граждан, может являться эффективным средством в борьбе с указанной инфекцией.

Совершенно очевидно, что многие вопросы, которые были затронуты в рамках данного сообщения, имеют дискуссионный характер и нуждаются в дальнейшем научном осмыслении. Автор продолжит свои исследования в области эффективности государственно-правовой политики в сфере противодействия распространению коронавирусной инфекции.

Литература

1. О введении режима функционирования повышенной готовности для территориальной подсистемы Иркутской области единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций : указ губернатора Иркутской области от 18.03.2020 № 59-уг (ред. от 28.09.2020). URL: <https://irkobl.ru/coronavirus/covid19-acts.php/945640/> (дата обращения: 04.10.2020).
2. О режиме функционирования повышенной готовности для территориальной подсистемы Иркутской области единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций : указ губернатора Иркутской области от 12.10.2020 № 279-уг. URL: <https://irkobl.ru/coronavirus/covid19-acts.php/945640/> (дата обращения: 15.11.2020).

3. Ноздрачев А. Ф. Современное содержание понятия «административно-правовой режим» // Журнал российского права. 2017. № 2. С. 98–110.
4. Домченко А. С. Административно-правовой режим и нормативность административно-правового акта: от следствия к основанию // Российская юстиция. 2020. № 6. С. 66–68.
5. Конев С. И. Санитарно-эпидемиологическое благополучие граждан и ограничительные режимы в административном праве // Вестник экономической безопасности. 2020. № 3. С. 225–231.
6. О внесении изменений в указ губернатора Красноярского края от 31.03.2020 № 73-уг «Об ограничении посещения общественных мест гражданами (самоизоляции) на территории Красноярского края»: указ губернатора Красноярского края 23.10.2020 № 290-уг. URL: <http://zakon.krskstate.ru/0/doc/69852> (дата обращения: 30.10.2020).

Self-Isolation as an Element of the Administrative and Legal Regime

© А. Г. Самусевич, 2020

Abstract. In the article, the author draws attention to the self-isolation of citizens as a type of administrative and legal regime. Self-isolation is compared with the administrative and legal regime, and their common characteristics and differences are identified. The author comes to the conclusion that self-isolation is not a full-fledged type of administrative and legal regime, but is its special tool.

Keywords: legal regime, administrative and legal regime, self-isolation, quarantine, coronavirus infection, COVID-19.

Самусевич Алексей Геннадьевич – кандидат юридических наук, доцент, кафедра юриспруденции, Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: samusevich79@mail.ru

Samusevich Alexey Gennadyevich – Candidate in Law, Associate Professor, Department of Jurisprudence, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: samusevich79@mail.ru

УДК 342.77(091)

Ограничение гражданских прав иностранных подданных в условиях режима «чрезвычайной охраны» (чрезвычайного положения) в годы Первой мировой войны

© В. В. Синиченко, 2020

Аннотация. Анализируется российское законодательство периода 1914–1917 гг. Делается вывод, что меры чрезвычайного законодательства были направлены на ликвидацию иностранного землевладения и землепользования в России, введение запрета на проведение иностранцами финансовых, страховых и иных коммерческих операций, а также выполнение ими функций управления на коммерческих предприятиях в России.

Ключевые слова: Первая мировая война, совещание, ликвидационные управления, отчуждение, внутренняя политика России, права иностранцев.

Вопрос борьбы с «немецким засильем» в годы Первой мировой войны, ликвидации немецких коммерческих и общественных организаций на территории Российской империи – достаточно изученная тема. Историкам, обращающим к тематике, было бы интересно прочитать статью В. М. Кириллова «Современная отечественная историо-

графия кампании “борьбы с немецким засильем” в годы Первой мировой войны», опубликованную во втором номере «Вестника Пермского университета» за 2015 г. [1]. В историографическом обзоре приведено более двух десятков фамилий исследователей. Отметим только, что такие крупные историки, как доктор наук профессор И. В. Поткина и профессор В. С. Дякин, ранее уделили внимание этому вопросу [2; 3]. Однако, если брать не исторический, а правовой аспект этой темы, мы вынуждены признать, что за исключением работ профессора РГГУ О. В. Ерохиной [4], иркутского ученого Р. А. Изаксон [5] и екатеринбургского историка А. М. Тесленко [6], а также уже упомянутой И. В. Поткиной [7] нет исследований, посвященных этой теме, что вызывает необходимость, с одной стороны, дополнить ранее не опубликованным материалом труды своих предшественников, а с другой – в некоторой степени структурировать и свести к единой хронологической линии различные моменты их повествования.

Обращаясь к теме, мы должны отметить, что Первая мировая война, начавшаяся летом 1914 г., обусловила необходимость внесения изменений в действующее законодательство.

С введением с 28 июля 1914 г. военного положения управление губерниями в 50 губерниях Европейской России, отнесенных к прифронтовой зоне, сосредоточивалось в руках главнокомандующего Русской императорской армией. В то же время объявление всех остальных тыловых местностей Российской империи на положении чрезвычайной охраны также давало правительству Российской империи (Совету министров) широкие права по модернизации административного законодательства¹.

Борьба с «немецким элементом» в зоне военного положения первым главнокомандующим – великим князем Николаем Николаевичем сразу же велась строго и бескомпромиссно. «Подданные враждебных держав» по вступлении русской армии в Галицию и Восточную Пруссию в августе 1914 г., не успевшие вступить в ряды своих армий, высылались в Россию в качестве «гражданских пленных», их имущество реквизировалось в пользу действующей армии.

Так же пытались действовать и в глубоком тылу.

28 июля 1914 г. был опубликован Указ Совета министров Российской империи, который установил ограничение правоспособности для подданных воюющих против России стран. Они могли быть высланы как из пределов страны, так и из пределов ее отдельных местностей [4, с. 70].

Так, все германские и австро-венгерские подданные, числящиеся на действительной военной службе, считались военнопленными и под-

¹ Архив внешней политики Российской империи (г. Москва). АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3326. Л. 4.

лежали немедленному аресту, запасные чины также признавались военнопленными и высылались из местностей Европейской России и Кавказа в Вятскую, Вологодскую и Оренбургскую губернии, а из Сибири – в Якутию. В то же время в Указе подчеркивалось, что «мирно занимающиеся трудом австрийцы и германцы старше призывного возраста в 45 лет, могли оставаться на своих местах и пользоваться покровительством наших законов или выехать за границу»¹.

Вместе с тем Указ от 28 июля 1914 г., как отмечает А. М. Тесленко, ввел понятие «враждебных» и «невраждебных» иностранцев [6, с. 20–21].

«Враждебных иностранцев» стали ограничивать в гражданских правах.

Так, 12 сентября 1914 г. высочайшим указом для них был введен мораторий на перевод векселей в иностранной валюте.

22 сентября 1914 г. было издано положение Совета министров «Об установлении временных ограничений в отношении приобретения прав на недвижимое имущество, а также заведывание им, подданными государств, которые состоят в положении войны с Россией». Указ от 22 сентября 1914 г. ввел правовые основания лишения их части гражданских прав в отношении владения и наследования недвижимым имуществом [6, с. 25].

17 октября 1914 г. на заседании особого правительственного межведомственного совещания «По выработке ограничительных мер в отношении неприятельских подданных» (потом совещания проходили 21 и 31 октября, 8 и 14 ноября 1914 г.) было принято решение перейти к политике дальнейшего ограничения гражданских прав части иностранных подданных [4, с. 70].

15 ноября 1914 г. вышло постановление Совета министров «О некоторых мероприятиях, вызванных военным временем», которым были запрещены платеж, выдача, пересылка или перевод денежных сумм, ценных бумаг, благородных и драгоценных камней неприятельским подданным и учреждениям, находившимся вне пределов России [4, с. 71].

Кроме того, как пишет О. В. Ерохина, постановлением от 15 ноября устанавливался впервые контроль за деятельностью акционерных обществ, иностранным предпринимателям запрещалось приобретать акции и пай, выпускаемые акционерными компаниями, а также действовать в собрании акционеров этих обществ. За нарушение правил, установленных постановлением от 15 ноября 1914 г., иностранных предпринимателей ждала как уголовная, так и административная ответственность – заключение на срок до 1 года и 4 месяцев и штраф на сумму от 1 000 до 25 000 руб. [Там же].

¹ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 117. Л. 25.

Так, тюремный срок грозил за тайный вывоз золота и денежных средств за границу. А штраф полагался за нарушения, связанные с управлением имуществом без вывоза ценностей за границу¹.

31 декабря 1914 г., отмечает О. В. Ерохина, были утверждены особые правила о порядке надзора за акционерными обществами, организованными по иностранным уставам, на их предприятия назначался правительственный надзор. Правительственный инспектор должен был вести наблюдение за поступлением и расходованием средств в бухгалтерии общества. Разрешительной подписью инспектора должны были снабжаться все платежные документы и чеки. Правительственные инспектора числились чиновниками при Министерстве торговли и промышленности России [4, с. 72].

На наш взгляд, лишение иностранных подданных прав владения, распоряжения и пользования имуществом было окончательно закреплено Указом Совета министров от 11 января 1915 г. Этот указ применялся как к товариществам с полной и ограниченной ответственностью, так и к акционерным обществам, действовавшим по уставам, выработанным во вражеских государствах.

Указ от 11 января 1915 г. запрещал выдачу разрешений на торговую или иную деятельность предприятиям с участием в управлении «вражеских подданных» или представителям акционерных предприятий, зарегистрированных по законам этих государств. Такие предприятия подлежали ликвидации².

Указ Совета министров от 11 января 1915 г. разрешил продолжить иностранным фирмам деятельность до 1 апреля 1915 г. Срок этот вскоре решением министра финансов был продлен до 1 июня 1915 г.

Другой шаг, направленный на ограничение гражданских прав иностранных подданных, представителей «враждебных держав», был сделан 2 февраля 1915 г. подписанием указа о лишении их права на землевание и землепользование в России. Германским, австрийским, венгерским землевладельцам было предписано продать свое недвижимое имущество. Кроме того, иностранным подданным в течение одного года надо было прекратить все виды арендных отношений. Таким образом, земли, принадлежавшие иностранным подданным или обществам, организованным по иностранным правилам, должны были отчуждаться из собственности их владельцев.

По данным О. В. Ерохиной, на основании указа от 2 февраля 1915 г. только за первые шесть месяцев его действия было изъято в

¹ Архив внешней политики Российской империи (г. Москва). АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3326. Л. 4.

² Архив внешней политики Российской империи (г. Москва). АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3326. Л. 4.

пользу казны и продано с публичных торгов более 300 000 десятин земли [4, с. 72].

Однако на этом бедствия иностранных владельцев предприятий в России не закончились. 9 февраля 1915 г. по решению Правительствующего сената Россия стала единственным воюющим государством, отказавшим вражеским подданным в праве судебной защиты. Это было сделано, чтобы иностранные предприниматели не оспорили решение Совета министров в суде¹.

Положением Совета министров от 16 марта 1915 г. инспекторский надзор (действовавший с 1 января 1915 г.) был расширен. Инспектор по сути управлял всей хозяйственной деятельностью предприятия, а не только контролировал финансовые расчеты².

Как отмечает О. В. Ерохина, 16 марта 1915 г. правительственный надзор стал устанавливаться за деятельностью коммерческих обществ, образованных в России и на основе российского гражданского права, но в управлении которых работали ранее иностранные подданные [4, с. 73]. Она не совсем права. Только Указ Совета министров от 1 июля 1915 г. дал право генерал-губернаторам закрывать акционерные компании, учрежденные по российским законам, если их деятельность признавалась угрозой государственным интересам. Новое правило меняло принцип, которым ранее руководствовалось в своей «ликвидационной деятельности» российское правительство.

Ранее ликвидационная политика базировалась на нормах международного частного права, и закрытию подлежала организация, учрежденная не по российским нормам права, но допущенная к проведению торгово-промышленных операций в Российской империи. По сути отменялось право допуска на внутренний рынок. Теперь фундаментальный принцип корпоративного права, подразумевавший, что акционерное общество – это юридическое лицо, отделенное от физических лиц – акционеров и владельцев, был полностью игнорирован. Правительство делегировало генерал-губернаторам право классифицировать общества по национальной принадлежности его участников. На такие «подозрительные фирмы» назначался правительственный инспектор, который и отстранял от руководства предприятия лиц «немецкой национальности».

В результате правительственной инспекции были подвергнуты общества, учрежденные по русским законам российскими подданными, но, к несчастью для них, этническими немцами: «Адлер», «Кунст и

¹ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25. Оп. 11. Д. 133. Л. 12.

² Архив внешней политики Российской империи (г. Москва). АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3326. Л. 4.

Альберс», «Киргоф и Ниссен», «Лангеллитье», «Артур Коппель», «Гергардт Гей» и др.¹.

Попали под действие чрезвычайных мероприятий и компании, принадлежавшие выходцам из нейтральных государств – например, германоязычному швейцарцу Ю. И. Бринеру, несмотря на то что он еще в 1890 г. принял российское подданство. Правительственный инспектор был назначен в принадлежавший ему торговый дом «Бриннер, Кузнецов и К»².

Всего действие нормативных правовых актов от 11 января и 1 июля 1915 г. испытали на себе 3054 предприятия. Это грозило крахом экономики, поэтому Указом Совета министров от 5 ноября 1915 г. «О предоставлении некоторым категориям неприятельских подданных прав на судебную защиту» по национальному и вероисповедальному принципам в 1916 г. чуть более половины (1665) предприятий были исключены из действия ликвидационного права в результате ходатайств владельцев. Бывшие хозяева, чтобы вернуть себе фирму, указывали на свои славянские, французские или итальянские национальные корни или на свое православное христианское вероисповедание³.

Временное правительство 11 марта 1917 г. поняло абсурдность этой политики и сняло ограничения с российских подданных немецкого происхождения [4, с. 79]. Однако оно не собиралось сворачивать репрессивные меры против «вражеских подданных» и их гражданских имущественных прав. Эти ограничения гражданских прав «враждебных подданных» действовали в России до выхода ее из Первой мировой войны в марте 1918 г.

Литература

1. Кириллов В. М. Современная отечественная историография кампании «борьбы с немецким засильем» в годы Первой мировой войны // Вестник Пермского университета. 2015. № 2. С. 88–97.
2. Поткина И. В. Транснациональная корпорация «Компания Зингер» в России // История предпринимательства в России: XIX – начало XX вв. : материалы Междунар. науч. конф. СПб. : Изд. дом СПбГУ, 2007. Вып. 3 С. 152–170.
3. Дякин В. С. Первая мировая война и мероприятия по ликвидации так называемого немецкого засилья // Первая мировая война. 1914–1918 : сб. ст. М., 1969. С. 234–237.
4. Ерохина О. В. Ликвидационное законодательство» Первой мировой войны // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2014. № 1. С. 69–81.
5. Изаксон Р. А. «Чрезвычайное законодательство» в годы Первой мировой войны и миграционная политика России на территории Восточной Сибири и русского Дальнего Востока // Вестник архивиста. 2016. № 2. С. 121–130.

¹ Архив внешней политики Российской империи (г. Москва). АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3326. Л. 4.

² Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25. Оп. 11. Д. 133. Л. 12.

³ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 117. Л. 25.

6. Тесленко А. М. Правовой статус иностранцев в России в условиях военных действий (середина 1914–1917 гг.) // Актуальные проблемы истории, политики и права : сб. ст. Екатеринбург, 2002. Ч. 1. С. 19–30.

7. Поткина И. В. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России, XIX – первая четверть XX в. М. : Норма, 2009. 304 с. Глава 4 «Правовое регулирование хозяйственной деятельности иностранцев».

Restriction of the Civil Rights of Foreign Nationals under the Regime of “Emergency Protection” (State of Emergency) during the First World War

© V. V. Sinichenko, 2020

Abstract. The article is devoted to the analysis of Russian legislation of the period 1914–1917 directed against subjects of states fighting with Russia. Measures of emergency legislation were aimed at eliminating foreign land ownership and land use in Russia, introducing a ban on foreigners conducting financial, insurance and other commercial transactions, as well as fulfilling their management functions at commercial enterprises in Russia.

Keywords: World War I, the Conference, liquidation administrations, alienation, Russian domestic policy, the rights of foreigners.

Синиченко Владимир Викторович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела исследования стратегических проблем управления, НИЦ Академии управления МВД России, Москва, Россия, e-mail: v.v.sinichenko@bk.ru

Sinichenko Vladimir Viktorovich – Doctor in History, Professor, Chief Researcher of the Department of Research on Strategic Problems of Management, Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: v.v.sinichenko@bk.ru

УДК 342.76:346

Особенности обеспечения текущего равновесия конституционного регулирования предпринимательской деятельности в условиях действия экстраординарных режимов

© Е. М. Якимова, 2020

Аннотация. Выясняется, что государство с целью сохранения баланса публичных и частных интересов большое внимание уделяет поддержанию равновесия системы «общество – государство», поскольку в данной системе действуют различные субъекты, имеющие подчас бинарные интересы. Рассматриваются особенности поддержания текущего равновесия системы «бизнес – общество – государство» при введении экстраординарных режимов. Делается вывод, что предпринимательская деятельность при наличии чрезвычайных обстоятельств осуществляется в крайнем варианте концепции «регулируемого предпринимательства», однако с целью обеспечения функционирования экономической системы после снятия экстраординарного режима государство должно вводить только обоснованные, действительно необходимые меры, ограничивающие свободу предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, экстраординарные режимы, ограничения, свобода предпринимательской деятельности, равновесие, чрезвычайная ситуация.

Реализация государственного управления осуществляется в различных формах посредством разнообразного инструментария. Правовое регулирование какой-либо деятельности является одним из способов регулятивного воздействия, что обуславливает возможность по-

средством права достичь его целей. Целью регулятивного воздействия, как представляется, выступает поддержание должного порядка функционирования различных элементов системы, что можно обобщенно обозначить как поддержание динамического равновесия системы. Равновесие имеет несколько проявлений, основные из них – стратегическое и текущее равновесие. Стратегическое равновесие достигается установлением в конституции базовых принципов регулирования какой-либо деятельности, что служит ценностным ориентиром для формирования и развития действующего законодательства и правоприменительной практики. Текущее равновесие предполагает поддержание устойчивого развития общественной системы на базе установленных в конституции принципов деятельности в процессе принятия развивающего конституцию законодательства и иных правовых актов, а также правоприменительной деятельности. Достижение текущего равновесия должно сопровождаться неизменностью принципов системы правового регулирования государства, поскольку в противном случае нарушится стратегическое равновесие, что может привести к деформации системы.

Конституция России установила стратегическое равновесие в деятельности различных субъектов при регулировании экономических отношений, в том числе при введении экстраординарных режимов. Вместе с тем поддержание текущего равновесия в обозначенных ситуациях сложнее и многограннее, при разработке Конституции в полной мере затруднительно было оценить возможные проблемы функционирования экономической системы в экстраординарных ситуациях, однако различного рода законы, подзаконные акты и практика их применения позволили точно обозначить механизм обеспечения текущего равновесия экономической системы в целом и предпринимательской деятельности в частности.

Правовое регулирование предпринимательской деятельности на протяжении всей истории движется в рамках концепции «регулируемого предпринимательства» (термин *Regulatory Entrepreneurship* был предложен Джордан М. Бэрри и Элизабет Поллман [1, с. 383, 385]), поскольку государства закрепляют определенные правила осуществления предпринимательской деятельности, ее ограничения в целях достижения баланса публичных и частных интересов. «Зарегулированность» может быть больше или меньше в одной и той же стране в зависимости от наличия или отсутствия обстоятельств, которые приводят государство к определенным существенным изменениям государственного управления. Среди таких обстоятельств, ухудшающих положение субъектов предпринимательской деятельности, можно выделить введение экстраординарных режимов.

Экстраординарные режимы представляют собой «разновидность специальных административно-правовых режимов, вводимых при возникновении чрезвычайных ситуаций на время, пока такие ситуации не будут ликвидированы или не прекратятся естественным путем, либо до устранения последствий данных чрезвычайных ситуаций. Временный характер таких режимов обусловлен особенностями их содержания, в числе которых чрезмерность предусматриваемых ими мер в обычных условиях, изменение системы управления, приостановление функционирования предприятий и организаций» [2, с. 72]. Таким образом, к экстраординарным режимам относится не только режим военного положения, чрезвычайного положения, чрезвычайной ситуации, но и иные режимы, например режим повышенной готовности. Введение таких режимов не влечет изменение стратегического равновесия, поскольку продолжают действовать общие принципы функционирования государства и общества, однако используется обширный инструментарий поддержания текущего равновесия [3].

Последствием введения любого из этих режимов является ограничение осуществления любой деятельности, в том числе предпринимательской.

Федеральный конституционный закон «О военном положении» от 30.01.2002 № 1-ФЗ предусматривает следующие возможные меры воздействия в отношении предпринимательской деятельности: эвакуация объектов хозяйственного назначения (ст. 7); меры, связанные с введением временных ограничений на осуществление экономической и финансовой деятельности, оборот имущества, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации; временное изменение формы собственности организаций, порядка и условий процедур банкротства, режима трудовой деятельности и установление особенностей финансового, налогового, таможенного и банковского регулирования как на территории, на которой введено военное положение, так и на территориях, на которых военное положение не введено (ст. 8).

Среди полномочий Правительства РФ в области обеспечения режима военного положения в ст. 13 указанного ФКЗ названы: организация работы по обеспечению потребностей государства в период действия военного положения материально-техническими, трудовыми и другими ресурсами, организация разработки военно-хозяйственного плана.

В перечень полномочий федеральных органов исполнительной власти (ст. 14) и органов исполнительной власти субъектов РФ (ст. 15) в области обеспечения режима военного положения включены: регулиро-

вание деятельности организаций промышленности, торговли, общественного питания, бытового обслуживания и коммунального хозяйства.

Федеральный конституционный закон «О чрезвычайном положении» от 30.05.2001 № 3-ФЗ применительно к предпринимательской деятельности также содержит возможные ее ограничения. Так, ст. 11 установлена возможность введения временных ограничений, применяемых при введении чрезвычайного положения, таких как ограничения на осуществление отдельных видов финансово-экономической деятельности, в том числе перемещение товаров, услуг и финансовых средств; особый порядок продажи, приобретения и распределения продовольствия и предметов первой необходимости. В статье 13 указывается на возможность мобилизации ресурсов организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, изменения режима их работы, переориентации указанных организаций на производство необходимой в условиях чрезвычайного положения продукции и иных необходимых в условиях чрезвычайного положения изменений производственно-хозяйственной деятельности.

Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» от 21.12.1994 № 68-ФЗ не обозначает ограничения предпринимательской деятельности, хотя, судя из полномочий различных органов публичной власти, они существуют, поскольку, например, Правительство РФ устанавливает обязательные для исполнения гражданами и организациями правила поведения при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации (ст. 10).

Обращение к указанным правилам позволяет выявить ряд ограничений. В зависимости от складывающейся обстановки на территории, где существует угроза возникновения чрезвычайной ситуации, или в зоне чрезвычайной ситуации и (или) от дополнительных мер по защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций организации:

а) обеспечивают проведение эвакуации с территорий организаций работников и иных граждан, находящихся на их территориях;

б) принимают необходимые меры по защите от чрезвычайной ситуации работников и иных граждан, находящихся на их территориях (например, предоставляют средства защиты);

в) проводят мероприятия по повышению устойчивости функционирования организаций;

г) организуют и проводят аварийно-спасательные и другие неотложные работы;

д) приостанавливают свою деятельность, если существует угроза безопасности жизнедеятельности работников и иных граждан, находящихся на их территориях.

При этом организации обязаны своевременно представлять в органы управления информацию о мерах по защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Подобные ограничения могут устанавливаться как при самой чрезвычайной ситуации, так и при режиме повышенной готовности.

Формулирование ограничительных мер, как представляется, далеко от совершенства, поскольку нормативные правовые акты, в том числе подзаконные, характеризуются низким уровнем детализации возможных ограничений. Как итог, субъекты предпринимательской деятельности не имеют возможности прогнозировать вероятное развитие ограничительных мер в связи с ухудшением обстановки. На примере реализации режима повышенной готовности в связи с распространением новой коронавирусной инфекции отчетливо проявляются элементы «ручного» режима управления, применение которого не всегда приводит к повышению эффективности государственно-управленческой деятельности.

Таким образом, особенности обеспечения текущего равновесия конституционного регулирования предпринимательской деятельности в условиях чрезвычайных ситуаций можно представить следующим образом.

1. Базовые федеральные конституционные и федеральные законы определяют общие ограничения для субъектов предпринимательской деятельности, формулировки не позволяют описать круг возможных непосредственно применяемых ограничений даже в общих чертах.

2. Подзаконные акты призваны обеспечить текущее равновесие правового регулирования предпринимательской деятельности, однако в связи со сложностью решаемой задачи регулирование осуществляется несистемно, у субъектов предпринимательской деятельности отсутствует четкое понимание о возможных действиях и ограничениях со стороны органов публичной власти.

3. Управление в экстраординарных режимах осуществляется «ручным» способом, поэтому отличается непредсказуемостью. Для поддержания равновесия необходимо выстраивание максимально возможной в данной ситуации предупредительности, что достигается применением маршрутизации вероятных ограничений, обусловленных характером развития ситуации, вызвавшей введение экстраординарного режима.

Литература

1. Barry J. M., Pollman E. Regulatory Entrepreneurship // Southern California Law Review. 2017. Vol. 90. P. 383–448.
2. Зырянов С. М. Экстраординарные (специальные) административно-правовые режимы: понятие и обоснование необходимости введения // Журнал российского права. 2016. № 4 (232). С. 72–81.
3. Якимова Е. М. Механизм обеспечения равновесия системы конституционного регулирования предпринимательской деятельности: понятие и содержательное наполнение // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 6. С. 37–41.

Features of Ensuring the Current Balance of Constitutional Regulation of Entrepreneurial Activity in Emergency Situations

© E. M. Yakimova, 2020

Abstract. In order to maintain the balance of public and private interests, the State pays great attention to maintaining the balance of the society-state system, since there are various actors in this system who sometimes have binary interests. The article considers the peculiarities of maintaining the current balance of the business-society-state system when introducing extraordinary regimes. It was concluded that entrepreneurship in emergency situations is carried out in the extreme version of the concept of “regulated entrepreneurship”, but in order to ensure the functioning of the economic system after the removal of the extraordinary regime, the State should introduce only reasonable, really necessary measures that limit the freedom of entrepreneurial activity.

Keywords: entrepreneurial activity, extraordinary regimes, restrictions, freedom of entrepreneurial activity, balance, emergency.

Якимова Екатерина Михайловна – кандидат юридических наук, доцент, кафедра правового обеспечения национальной безопасности, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: yakimova_katerin@mail.ru

Yakimova Ekaterina Mihailovna – Candidate in Law, Associate Professor, Chair of Legal Support of National Security, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: yakimova_katerin@mail.ru

УДК 34.023:616-036.21

Обеспечение прав и обязанностей субъектов образовательных отношений в условиях пандемии 2020 г.

© Т. Ф. Яшук, 2020

Аннотация. Определены субъекты образовательных отношений. Рассмотрены нормы, регламентирующие их права и обязанности. Показано изменение академических прав и свобод в условиях пандемии 2020 г. Выделены наиболее существенные ограничения академических прав преподавателей и обучающихся.

Ключевые слова: образовательные отношения, образовательное право, академические права, права и обязанности, субъекты прав.

Воздействие распространившейся в 2020 г. пандемии на различные стороны образовательной деятельности уже стало предметом научного осмысления. В публикациях освещаются перестройка учебного процесса [1], изменения в условиях труда преподавателей [2], оценивается эффективность массового перехода на дистанционное

обучение [3], выстраиваются прогнозы дальнейшей трансформации системы образования с учетом уже состоявшейся цифровизации и перспектив ее дальнейшего расширения [4].

Пандемия 2020 г. существенно повлияла на всех участников образовательных отношений, затронула их права и обязанности. В рамках данной публикации в категорию субъектов образовательных отношений включены образовательные организации, педагогические и научные работники, обучающиеся в соответствии с нормами Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ.

Избегая подробных рассуждений о готовности весной 2020 г. образовательных учреждений к быстрому переходу на удаленный режим работы, все-таки необходимо отметить два момента.

Первый связан с переоценкой уровня цифровизации российского образования. В форсайт-докладе «Будущее образования: глобальная повестка», подготовленном структурами Сколково и Агентством стратегических инициатив и ориентированном на описание процессов на период до 2030 г., говорилось, что проникновению цифровых технологий и телекоммуникационных систем в любые организации и семьи ограничивается только их стоимостью. «А с точки зрения потребителя, Интернет и цифровые технологии стоят очень дешево и оказываются доступны даже в самых низко обеспеченных слоях общества» [5, с. 6].

Второе обстоятельство связано с юридическим обеспечением осуществления образовательной деятельности в условиях пандемии. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» допускал реализацию образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий. Согласно ст. 6 данного закона под электронным обучением понимается организация образовательной деятельности с применением оцифрованной информации, которая обрабатывается, передается с помощью информационных технологий, технических средств, информационно-телекоммуникационных сетей и обеспечивает взаимодействие обучающихся и педагогических работников.

Дистанционные образовательные технологии определяются как образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников.

Организации, осуществляющие образовательную деятельность, вправе были применять электронное обучение, дистанционные образовательные технологии. Законодательно допускалось ограничение их использования, исходя из соображений государственной безопасности.

Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 23 августа 2017 г. № 816 был утвержден Порядок применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ. Порядок конкретизировал право организаций осуществлять такую деятельность, устанавливал обязанность обеспечить соответствующий применяемым технологиям уровень подготовки педагогических, научных и иных работников. Соблюдались интересы обучающихся, поскольку им засчитывались результаты освоения предметов, курсов, дисциплин иных компонентов образовательной программы, пройденной таким образом.

Из федеральных актов, устанавливающих в условиях цифровизации обязанности образовательных организаций и педагогических работников, следует назвать федеральные государственные образовательные стандарты. Применительно к организациям высшего образования они требуют наличия информационной коммуникационной среды, обеспечивающей взаимодействие участников образовательного процесса. Сами участники, в том числе преподаватели, должны обладать квалификацией, позволяющей осуществлять такое взаимодействие.

К началу пандемии образовательные организации имели сайты с разным объемом и качеством наполнения контента, располагали доступом к различным образовательным платформам. Был накоплен определенный опыт разработки и реализации онлайн-курсов, различных вариантов использования дистанционных технологий. В публичном пространстве шли дискуссии о формах и технологиях образования будущего. В этом контексте затрагивался и вопрос о правах участников образовательных отношений, но преимущественно с акцентом на расширении образовательных возможностей обучающихся, их доступ к лучшим учебным курсам и обучению у лучших преподавателей. Ухудшение условий труда преподавателей, отмечаемое специалистами [6, с. 119], связывали скорее с бюрократизацией, а не цифровизацией системы образования. Российское законодательство допускает значительную нормотворческую самостоятельность образовательных организаций. Принимаемые ими локальные акты, как, например, устанавливающие правила внутреннего трудового распорядка, условия материально-технического обеспечения образовательной деятельности, непосредственно затрагивают широкий спектр прав и обязанностей участников образовательной деятельности.

Кроме того, права и обязанности работников образовательной организации прописываются и закрепляются в коллективном договоре. Выборочный анализ действующих коллективных договоров, разме-

щенных на официальных сайтах вузов, показал, что ни один из них не касается вопроса обеспечения преподавателей «орудиями труда», понятия рабочего места преподавателя, изменения условий труда в дистанционном режиме. Локальные акты не содержали также юридических гарантий обучающихся сохранения объема и содержания осваиваемой образовательной программы в случаях, когда она реализуется в удаленном формате.

Нормативная неурегулированность отношений, которые могли возникнуть при чрезвычайных обстоятельствах, следует оценивать как положительный фактор, позволивший образовательным организациям в нестандартных условиях запретов и ограничений, вызванных пандемией, проявить самостоятельность и оперативность, предложить гибкие приемы адаптации учебной деятельности.

Приказ министра науки и высшего образования от 14 марта 2020 г. «Об организации образовательной деятельности в организациях, реализующих образовательные программы высшего образования и соответствующие дополнительные профессиональные программы в условиях предупреждения распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации» обязывал руководителей организаций обеспечить реализацию образовательных программ в полном объеме, но контактную работу перевести исключительно в электронную информационную образовательную среду. Министерство просвещения РФ также 14 марта 2020 г. рекомендовало регионам при необходимости временно перейти на дистанционное обучение. Приказы, изданные руководителями образовательных организаций, повторяли основные требования документов, исходящих из профильных министерств.

В системе источников права, регулирующих образовательные отношения, возросла роль актов, исходящих от Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. Ею были разработаны Рекомендации по профилактике новой коронавирусной инфекции (COVID-19) в образовательных организациях высшего образования. 29 июля 2020 г. они были утверждены руководителем Службы, Главным государственным санитарным врачом Российской Федерации.

Приказ Минобрнауки РФ от 28 августа 2020 г. «Об организации начала 2020/21 учебного года в подведомственных Министерству науки и высшего образования Российской Федерации организациях в условиях предупреждения распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на территории Российской Федерации» прямо содержал отсылку к методическим рекомендациям, делая их соблюдение обязательным для образовательных организаций. Наибольшие

обременения были возложены на образовательные организации, которые должны были обеспечить безопасные условия для проведения учебного процесса. Ограничительные меры затронули преподавателей пенсионного возраста, была проведена единая для мужчин и женщин граница в 65 лет.

Конкретные формы дистанционного обучения оказались очень разными. Фактически преподаватели, выполняя свои обязанности и продолжая на высоком профессиональном уровне обеспечивать в полном объеме преподавание учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей) в соответствии с утвержденной рабочей программой, действовали в рамках неформализованных и легально не определенных академических свобод. Исходя из ст. 47 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», академические права и свободы можно объединить в четыре большие группы: свобода преподавания, право на творческую инициативу; свобода выбора в использовании форм, средств, методов обучения; свобода от вмешательства в профессиональную деятельность; свободное выражение своего мнения. В большей степени оказалось затруднено исполнение обязанностей, которые часто закрепляются в эффективных контрактах и связаны с осуществлением научной деятельности.

Пандемия серьезно скорректировала обязанности управленцев среднего звена, в вузах к ним можно отнести работников деканатов, заведующих кафедрами, подтвердилась оценка известного исследователя образования С. Коллини, «что их условия труда... в крайних случаях сближаются с условиями труда работников колл-центра» [7, с. 40].

Академические права обучающихся (ст. 34 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации») в условиях пандемии в большей степени были ограничены в части, касающейся участия в спортивной, культурной, научно-исследовательской деятельности, в связи с невозможностью переноса многих мероприятий и действий в виртуальное пространство.

Ввиду пролонгированного характера пандемии и возможности применения в будущем ограничительных мероприятий целесообразно учитывать это обстоятельство в нормативных актах, затрагивающих права и обязанности участников образовательных отношений.

Литература

1. Шурыгина О. В. Образовательный процесс в условиях пандемии // Профессиональное образование и рынок труда. 2020. № 2. С. 51–52.
2. Комарова Т. А. Признаки прекаризации в условиях пандемии // Профессиональное образование и рынок труда. 2020. № 2. С. 74–75.
3. Блинов В. И., Сергеев И. С., Есенина Е. Ю. Внезапное дистанционное обучение. Первый месяц аврала // Профессиональное образование и рынок труда. 2020. № 2. С. 6–33.

4. Буряк В. В., Шостка В. И. Цифровизация образования Disruptive Technologies в образовании // Гуманитарные научные исследования. 2019. № 9. С. 21–30.
5. Будущее образования: глобальная повестка. Оператор проекта Skoltech // http://rusinfo-guard.ru/wp-content/uploads/2016/12/GEF.Agenda_ru_full.pdf (дата обращения: 23.10.2020).
6. Курбатова М. В., Каган Е. С. Оппортунизм преподавателей вузов как способ приспособления к усилению внешнего контроля деятельности // Journal of institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2016. Т. 8, № 3. С. 116–136.
7. Стефан Коллини. Зачем нужны университеты? М. : ИД Высшей школы экономики, 2016. 264 с.

Ensuring the Rights and Obligations of Subjects of Educational Relations in Situation of the 2020 Pandemic

© Т. Ф. Yashchuk, 2020

Abstract. The subjects of educational relations are named: educational organizations, pedagogical and scientific workers, students. The legislation defining their rights and obligations are considered. The change in academic rights and freedoms in the terms of the 2020 pandemic is shown. The most significant restrictions on the academic rights of teachers and students are highlighted.

Keywords: educational relations, educational law, academic rights, rights and obligations, subjects of rights.

Ящук Татьяна Федоровна – доктор юридических наук, профессор, заведующий, кафедр теории и истории государства и права, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Россия, e-mail: yashukomsu@mail.ru

Yashchuk Tatiana Fedorovna – Doctor in Law, Professor, Head of the Department of the Theory and History of the State and Law, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation, e-mail: yashukomsu@mail.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО И ФИНАНСОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ

УДК 346.26:616-036.21[(57.23)]

Региональные меры поддержки предпринимателей в Бурятии в период ограничительных режимов в связи с коронавирусом

© Е. С. Алексеева, 2020

Аннотация. Рассматриваются меры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, предусмотренные нормативными правовыми актами Республики Бурятия. Частично представлены показатели по объемам и результатам оказанной реальной помощи.

Ключевые слова: поддержка бизнеса во время пандемии на региональном уровне; отсрочка по уплате региональных, местных налогов; снижение арендной платы; поддержка туристического бизнеса; содействие в открытии собственного дела; Фонд поддержки малого предпринимательства Бурятии.

В связи с ситуацией, связанной с распространением новой коронавирусной инфекции, Правительством Бурятии разработаны и принимаются меры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства республики.

По предварительным данным, бюджет Бурятии потеряет более 1,5 млрд руб. дохода, которые пойдут на поддержку бизнеса во время пандемии. Но так как перечень сфер бизнеса, нуждающихся в поддержке в условиях распространения коронавируса, постоянно расширяется, то с учетом последних поправок сумма выпадающих доходов, вероятно, превысит прогнозируемую.

В регионе было принято более 20 Законов Республики Бурятия и Постановлений Правительства Республики Бурятия о поддержке бизнеса в связи с распространением COVID-19.

1. В соответствии с Постановлением Правительства РБ от 05.06.2020 № 328 [1] определен региональный перечень пострадавших отраслей, для предприятий которых предоставлена отсрочка по уплате авансовых платежей по налогу на имущество, транспортному, земельному налогу, УСН, ЕНВД за II квартал 2020 г. до 30 декабря 2020 г.

2. Согласно Закону Республики Бурятия от 12.05.2020 № 937-VI «О внесении изменения в ст. 1.4 Закона РБ «О некоторых вопросах налогового регулирования в Республике Бурятия, отнесенных законодательством Российской Федерации о налогах и сборах к ведению субъектов Российской Федерации» [2] снижается сумма налога на имущество организаций на 50 % при условии снижения арендных платежей арендаторам помещений.

3. В соответствии с Законом Республики Бурятия от 12.05.2020 № 932-VI «О внесении изменений в Закон Республики Бурятия «О некоторых вопросах налогового регулирования в Республике Бурятия, отнесенных законодательством Российской Федерации о налогах и сборах к ведению субъектов Российской Федерации» [3] предусмотрено на 2020 г. уменьшение на 90 % потенциально возможного дохода для расчета уплаты налога по патентной системе налогообложения.

4. Распоряжением Правительства РБ от 5 апреля 2020 г. № 167-р [4] субъекты МСП – арендаторы государственного имущества освобождаются от уплаты арендных платежей с 1 марта 2020 г. сроком на 6 месяцев.

5. В соответствии с постановлениями Правительства РБ от 08.05.2020 № 254, от 08.05.2020 № 258, от 05.06.2020 № 329 [5] возмещается часть затрат на выполнение работ, связанных с осуществлением регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом по муниципальным и межмуниципальным маршрутам на территории Республики Бурятия.

6. Для республики Бурятия важно было поддержать туристический бизнес как одно из приоритетных направлений развития региона. Правительством Бурятии за счет средств республиканского бюджета введены дополнительные меры поддержки. В соответствии с Постановлением Правительства РБ от 19.05.2020 № 279 [6] туроператорам в период распространения коронавируса была предусмотрена субсидия – компенсация затрат на аренду помещений в размере 80 % от стоимости аренды, но не более 400 руб. за квадратный метр, на срок 3 месяца, начиная с 1 апреля 2020 г.

7. Кроме того, Постановлением Правительства РБ от 29.05.2020 № 317 [7] было предусмотрено возмещение гостиницам и прочим коллективным средствам размещения 80 % затрат по оплате коммунальных услуг (электро- и теплоэнергия, холодная вода) с 1 марта по 31 мая 2020 г. В республике данная мера была доступна 284 предпринимателям, имеющим основной вид деятельности, и 55 – предоставляющим места для временного проживания. Поступило 66 заявок, из которых 49 одобрено, общая сумма предоставленной субсидии составила 9,4 млн руб.

Были предоставлены субсидии на возмещение затрат санаторно-курортным организациям на выплату заработной платы, обеспечение

исполнения рекомендаций Управления Роспотребнадзора по Республике Бурятия.

Оказана адресная поддержка градообразующим организациям «Байкалкурорт» и «Нилова Пустынь», которые не могут воспользоваться предусмотренными для субъектов малого и среднего предпринимательства мерами поддержки. Данным учреждениям предоставлены субсидии из регионального бюджета в объеме 24,4 млн руб.

Совокупный объем адресной финансовой господдержки организаций туристской отрасли из республиканского бюджета в 2020 г. ориентировочно составляет 49,4 млн руб.

Благодаря принятым мерам поддержки численность работников в отрасли удалось сохранить на уровне 1079 человек, что составляет приблизительно 90 % от численности до ограничительных мероприятий, введенных в связи с распространением COVID-19.

По отчетным данным, в туристской отрасли Бурятии работают 27 туроператоров, 14 санаторно-курортных организаций, 65 турагентств, 486 коллективных средств размещения.

8. В период распространения новой коронавирусной инфекции необходимо было поддерживать трудовую занятость населения. Правительством Республики Бурятия было принято Постановление от 17.04.2020 № 207 [8] о разработке мероприятий по стимулированию создания предпринимателями, открывшими собственное дело при содействии органов службы занятости, дополнительных рабочих мест для трудоустройства граждан, оставшихся без работы.

Из республиканского бюджета было выделено 6 млн руб. на создание 100 рабочих мест. На создание одного рабочего места выделялся грант в размере 60 тыс. руб. Предельная сумма гранта – 300 тыс. руб. для создания 5 рабочих мест. В течение мая – сентября текущего года в органы службы занятости Республики Бурятия поступили заявки на предоставление грантов от 41 предпринимателя. Решением комиссии Республиканского агентства занятости населения их бизнес-проекты были одобрены. Срок подачи заявок от предпринимателей завершился 1 октября 2020 г.

Руководители малых предприятий используют гранты на приобретение оборудования, материалов, необходимых для осуществления предпринимательской деятельности, выплату заработной платы, приобретение, строительство, ремонт и переустройство производственных и складских зданий, приобретение сельскохозяйственных животных, оплату аренды помещений, где осуществляется предпринимательская деятельность. Предпринимателями созданы рабочие места в сферах образования, общественного питания, лесного хозяйства, торговли, оказания услуг (по

установке пластиковых окон, ремонту компьютерной техники, пошиву и ремонту обуви, одежды, в сфере пассажирских перевозок).

9. За счет средств республиканского бюджета произведена докапитализация Фонда поддержки малого предпринимательства республики. С начала пандемии Фонд поддержки малого предпринимательства Бурятии реструктурировал 137 действующих договоров микрозайма на общую сумму 191,6 млн руб. Всего за весь период действия ограничительных мер фонд выдал займов на общую сумму 227,8 млн руб.

Фондом разработан продукт «Антикризисный» с льготной процентной ставкой не более 5 %. Займы предоставляются всем субъектам МСП вне зависимости от отрасли ведения бизнеса, на любые подтвержденные предпринимательские цели. Средства займа помогают предпринимателям сохранять рабочие места, продолжать выплачивать работникам зарплату. Предприниматели начали получить микрозаймы с апреля 2020 г.

Малому и среднему бизнесу предоставлена отсрочка до 6 месяцев по действующим займам, которые выдаются Фондом поддержки малого предпринимательства Бурятии, на уплату основного долга без применения штрафных санкций.

10. На весь 2020 г. приостановлены региональные проверки бизнеса исполнительными органами государственной власти Республики Бурятия и органами местного самоуправления, за исключением проведения внеплановых проверок. Основанием для внеплановых проверок является причинение вреда жизни, здоровью граждан, а также возникновение чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Предусмотрены республиканским законодательством и другие меры поддержки предпринимателей, населения региона.

На сегодняшний день в Бурятии ограничена деятельность кинотеатров, театров, детских развлекательных, общественных, игровых зон, зон отдыха, аттракционов, ночных клубов, иных развлекательных заведений с массовым одномоментным пребыванием людей. А также бассейнов общего назначения, предприятий общественного питания, расположенных внутри многоквартирных торговых центров, торговых комплексов, торгово-развлекательных комплексов, СПА-салонов, массажных салонов, соляриев и иных объектов, в которых оказываются подобные услуги, предусматривающие очное присутствие клиентов.

В регионе насчитывается 234 такие организации, где трудоустроено около 1,5 тыс. сотрудников. Все они относятся к числу пострадавших отраслей и воспользовались как федеральными, так и региональными мерами поддержки: большинство получили льготные кредиты и субсидии на выплату зарплат, на проведение мероприятий по профилактике новой коронавирусной инфекции, воспользовались правом на

отсрочку и сокращение арендной платы, отсрочку и освобождение от уплаты налогов и т. д.

Но пандемия не утихает. В связи со второй волной коронавируса глава Бурятии дал ряд поручений министерству промышленности и торговли республики: предоставить предприятиям, деятельность которых приостановлена, отсрочку по всем платежам в Фонд поддержки малого предпринимательства на полгода, просчитать для них возможность субсидирования коммунальных платежей и процентных ставок по коммерческим кредитам, а также части фонда заработной платы для организаций с условием сохранения рабочих мест.

Таким образом, для поддержания спокойствия в обществе Правительство Бурятии принимает определенные меры поддержки предпринимателей, содействует занятости населения, поощряет поддержку сотрудников в негосударственном секторе экономики.

Но аналитики отмечают в определенной мере индивидуальный подход, существенную поддержку крупным предпринимателям благодаря лоббистской деятельности влиятельных фигур.

Литература

1. О реализации отдельных положений Федерального закона от 1 апреля 2020 года № 102-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»: постановление Правительства Республики Бурятия от 05.06.2020 № 328. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0300202006100013>

2. О внесении изменения в статью 1.4 Закона РБ «О некоторых вопросах налогового регулирования в Республике Бурятия, отнесенных законодательством Российской Федерации о налогах и сборах к ведению субъектов Российской Федерации»: закон Республики Бурятия от 12.05.2020 № 937-VI. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0300202005180029>

3. О внесении изменений в Закон РБ «О некоторых вопросах налогового регулирования в Республике Бурятия, отнесенных законодательством Российской Федерации о налогах и сборах к ведению субъектов Российской Федерации»: Закон Республики Бурятия от 12.05.2020 № 932-VI. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0300202005180032>

4. Распоряжение Правительства РБ от 5 апреля 2020 г. № 167-р. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0300202004080007>

5. Об утверждении Порядка предоставления субсидии муниципальным образованиям на возмещение юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям, уполномоченным участникам договора простого товарищества части недополученных доходов, возникающих при осуществлении регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом по муниципальным маршрутам на территории Республики Бурятия в период с 1 по 30 апреля 2020 года: постановление Правительства РБ от 08.05.2020 № 258. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0300202005120017>

6. Об утверждении Порядка предоставления субсидий из республиканского бюджета юридическим лицам на финансовое обеспечение затрат по аренде нежилых помещений (офисов), используемых для оказания услуг по реализации туристского продукта, в условиях ухудшения экономической ситуации из-за распространения новой коронавирусной инфекции: постановление Правительства РБ от 19.05.2020 № 279. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0300202005270007>

7. Об утверждении Порядка предоставления субсидий из республиканского бюджета юридическим лицам (за исключением государственных и муниципальных учреждений), индивидуальным предпринимателям, предоставляющим круглогодично услуги средств разме-

щения, на возмещение затрат по оплате коммунальных услуг в условиях ухудшения экономической ситуации из-за распространения новой коронавирусной инфекции и о внесении изменений в сводную бюджетную роспись республиканского бюджета на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов : постановление Правительства РБ от 29.05.2020 № 317. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0300202006050006>

8. Об утверждении Порядка предоставления грантов за счет средств республиканского бюджета индивидуальным предпринимателям и юридическим лицам, открывшим собственное дело при содействии органов службы занятости в целях поддержки занятости граждан, проживающих на сельских территориях : постановление Правительства Республики Бурятия от 17.04.2020 № 207. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0300202004210009>

Regional Measures to Support Entrepreneurs in Buryatia during the Period of Restrictive Measures in Connection with the Coronavirus

© Е. С. Alekseeva, 2020

Abstract. The article considers the measures of support to small and medium-sized businesses provided by the normative legal acts of the Republic of Buryatia. Indicators on the volume and results of real assistance provided are partially presented.

Keyword: support for businesses during the pandemic at the regional level; deferral of regional and local taxes; reduction of rent; support for tourism business; assistance in starting your own business; small business support Fund of Buryatia.

Алексеева Елена Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент, кафедра конституционного, административного и муниципального права, Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия, e-mail: alslena22@yandex.ru

Alekseeva Elena Sergeevna – Candidate in Law, Associate Professor, Department of Constitutional, Administrative and Municipal Law, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russian Federation, e-mail: alslena22@yandex.ru

УДК 342.417:347.734

О соблюдении конституционных принципов единства экономического пространства и равенства бремени налогообложения при установлении режима федеральной территории

© Н. В. Васильева, Ю. В. Пятковская, 2020

Аннотация. Рассматриваются проблемы соблюдения принципов единства экономического пространства и равенства налогового бремени при создании федеральных территорий. Отмечается, что соблюдение этих принципов возможно при установлении, введении и взимании налогов и сборов на всей территории Российской Федерации.

Ключевые слова: федеральные территории, единство экономического пространства, равенство налогового бремени.

Основопологающими конституционными принципами налогообложения и сборов являются принципы всеобщности и равенства налогообложения, единства налоговой политики и единства экономического пространства. На это обращается внимание и Конституционным Судом Российской Федерации, что, в частности, выражается в таких его правовых позициях, как закрепление обязанности федерального законодателя при установлении любого налога, вне зависимости от его уровня, определения его налоговой ставки (в том числе в максималь-

ном размере) [1–3], установление отсутствия права субъекта Российской Федерации вводить налоги, не предусмотренные федеральным законодательством [4; 5].

Соблюдение обозначенных принципов налогообложения возможно только при установлении, введении и взимании всех налогов и сборов (как федеральных, так и региональных и местных) на всей территории Российской Федерации без каких-либо изъятий. Вместе с тем реализация принципов единства экономического пространства и равенства бремени налогообложения ставится под сомнение при создании федеральных территорий, появление которых вызывает многочисленные вопросы в части правовой регламентации налогообложения.

Существующая система налогов и сборов отражает федеративное устройство Российской Федерации, что предопределяет наличие компетенции в области налогообложения представительных органов государственной власти субъекта Российской Федерации и местного самоуправления. Однако при создании федеральных территорий приходится говорить об отсутствии субъекта Российской Федерации, а в случае ненаселенных федеральных территорий и об отсутствии муниципальных образований. В связи с этими рассуждениями логично предположить, что в федеральных территориях ввиду отсутствия органов государственной власти субъектов Российской Федерации и возможного отсутствия органов местного самоуправления будут взиматься только федеральные налоги и сборы либо федеральные и местные налоги и сборы.

Такое положение будет нарушать вышеобозначенные основополагающие принципы налогообложения. Считаем невозможным предположение об отсутствии в федеральных территориях объектов налогообложения и, соответственно, налогоплательщиков по налогам на имущество организаций и физических лиц, транспортному и земельному налогам. Невзимание в федеральных территориях региональных и местных налогов будет нарушать равенство налогообложения.

Для установления, введения и взимания региональных и местных налогов в федеральных территориях необходимо решить вопрос: на кого будет возложено полномочие принимать решения по налогам, которые в настоящее время законодательством о налогах и сборах отнесены к полномочиям законодательных органов государственной власти субъектов Российской Федерации и представительных органов местного самоуправления? Полагаем, что данный вопрос должен решаться не путем механического «переложения», а пересмотром самой концепции: могут ли в ситуации отсутствия разграничения предметов ведения разграничиваться уровни налогов?

К настоящему времени в России построена централизованная система налогов и сборов, что повлекло за собой концентрацию на феде-

ральном уровне налоговых полномочий [6, с. 250]. Полномочия субъектов Российской Федерации и муниципальных образований ограничены: они определяют в порядке и пределах, которые предусмотрены Налоговым кодексом Российской Федерации, налоговые ставки, порядок и сроки уплаты налогов. Причем в ст. 12 Налогового кодекса Российской Федерации [7] сделана оговорка «если эти элементы налогообложения не установлены Налоговым кодексом Российской Федерации», т. е. установлена возможность абсолютной концентрации полномочий на федеральном уровне. Также обращает на себя внимание наличие норм, позволяющих взимать региональные и местные налоги при отсутствии соответствующего закона (решения) субъекта Российской Федерации (муниципального образования). В соответствующих главах Налогового кодекса Российской Федерации получило нормативное закрепление положение о том, что, если налоговые ставки регионального (местного) налога не определены соответственно законами субъектов Российской Федерации либо нормативными правовыми актами представительных органов муниципальных образований, налогообложение производится по налоговым ставкам, указанным в Налоговом кодексе Российской Федерации (например, п. 4 ст. 361, п. 3 ст. 394 Налогового кодекса Российской Федерации [8]).

Представляется, что такой способ регулирования в отношении транспортного налога, земельного налога, налога на имущество физических лиц и налога на имущество организаций применим и при установлении и введении этих налогов в федеральных территориях.

Литература

1. По жалобе гражданина Борисова А. Б. на нарушение его конституционных прав положениями статей 2, 3 и 6 Закона Российской Федерации «О дорожных фондах в Российской Федерации» и статьи 1 Закона Псковской области «О ставках налога с транспортных средств на 2001 год»: определение Конституционного Суда РФ от 10 апреля 2002 г. № 104-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2002. № 6.
2. По запросу Конституционного Суда Республики Карелия о проверке конституционности п. 2 и 5 ст. 6 Закона Российской Федерации «О дорожных фондах в Российской Федерации»: определение Конституционного Суда РФ от 10 апреля 2002 г. № 107-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2002. № 6.
3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Баукина В. В. на нарушение его конституционных прав положениями п. 1 и 2 ст. 361 Налогового кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 23 июня 2005 г. № 272-О. Документ официально не опубликован.
4. По делу о проверке конституционности частей первой, второй и третьей ст. 2 и части шестой ст. 4 Закона Московской области от 5 июля 1996 г. «О сборе на компенсацию затрат бюджета Московской области по развитию инфраструктуры городов и других населенных пунктов области и обеспечению социально-бытовыми условиями граждан, прибывающих в Московскую область на постоянное жительство» в связи с жалобами граждан И. В. Шестопалько, О. Е. Сачковой и М. И. Крючковой: постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 1997 г. № 10-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1997. № 5.
5. По делу о проверке конституционности Закона Санкт-Петербурга от 14 июля 1995 г. «О ставках земельного налога в Санкт-Петербурге в 1995 году»: постановление Конституци-

онного Суда РФ от 8 октября 1997 г. № 13-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1997. № 5.

6. Goal setting in the mechanism of public-legal regulation of finance / E. Bochkareva, S. Mironova, A. Selyukov, I. Tsindeliani // *Opicion*. 2019. Т. 35, № SpecialEdition24. С. 247–259.

7. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть первая : федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (в ред. от 20.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3824.

8. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть вторая : федер. закон от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (в ред. от 31.07.2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 32. Ст. 3340.

About Observance of the Constitutional Principles of Unity of Economic Space and Equality of Tax Burden when Establishing the Regime of the Federal Territory

© N. V. Vasileva, Yu. V. Pyatkovskaya, 2020

Abstract. The authors draw attention to the problems of compliance with the principles of unity of the economic space and equality of the tax burden when creating Federal territories.

Keywords: federal territories, unity of economic space, equality of tax burden.

Васильева Наталья Викторовна – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой предпринимательского и финансового права, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: nativi@yandex.ru

Vasileva Natalya Viktorovna – Doctor in Law, Associate Professor, the Head of the Department of Business and Financial Law, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: nativi@yandex.ru

Пятковская Юлия Валерьевна – доктор юридических наук, доцент, профессор, кафедра предпринимательского и финансового права, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: julart@yandex.ru

Pyatkovskaya Yulia Valerievna – Doctor in Law, Associate Professor, Professor, Department of Business and Financial Law, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: julart@yandex.ru

УДК 351.713(470)(091)

Правовой механизм изменения законодательства по налогообложению предпринимателей в условиях территориальных чрезвычайных ситуаций в России во второй половине XIX в.

© И. В. Ганусенко, 2020

Аннотация. Рассматривается специфика действия механизма правового регулирования в Российской империи второй половины XIX в., реализации мер государственной поддержки отечественным предпринимателям на отдельных территориях, подвергшихся воздействию чрезвычайных ситуаций, осуществлявшейся с помощью применения системы налогового стимулирования их деятельности.

Ключевые слова: Российская империя, чрезвычайная ситуация, торгово-промышленная деятельность, пошлина за право торговли, промысловый налог, податный инспектор.

Периодичность возникновения в отдельных регионах Российской Федерации чрезвычайных ситуаций различного характера, влекущих за собой значительные экономические убытки для данной территории, предопределяет естественную необходимость поиска эффективного правового механизма минимизации таких последствий и обращения к изучению уже накопленного отечественного исторического опыта. Наибольший интерес в этом отношении представляет анализ правового механизма оказания государственной поддержки, основанной на использовании мер налогового стимулирования для отечественных предпринимателей, осуществлявших свою деятельность на таких территориях, в России во второй половине XIX в. Именно данный период для Российской империи характеризуется общим подъемом экономического развития, чему способствовал высокий уровень отечественной законотворческой деятельности, при котором были наиболее тщательно продуманы и внедрены механизмы правового регулирования обозначенной сферы общественных отношений.

В частности, в соответствии с нормами отечественного налогового законодательства по обложению предпринимателей во второй половине XIX в. [1–3] размер налоговой ставки устанавливался в зависимости от классности местности Российской империи и соответствующего ей уровня социально-экономического развития. Для оценки такого уровня развития в качестве одного из показателей учитывалась степень развития в данной местности торгово-промышленной деятельности и соответствующих ей предприятий (примечание к ст. 28 [1], примечание к ст. 27 [2], ст. 3 [3]).

При этом согласно нормам действующего законодательства министру финансов предоставлялось право инициировать перевод отдельных местностей из высших классов в низшие в случае «упадка» в них торговли и других промыслов (ст. 4 [3]).

Свое предложение министр финансов должен был согласовывать с соответствующими ведомствами, но в первую очередь с министром внутренних дел, принималось специальное распоряжение Сената по результатам рассмотрения такой инициативы, момент вступления в юридическую силу которого определялся с 1 января следующего года после его общего опубликования (примечание к ст. 28 [1] и примечание к ст. 27 [2]). Установление указанных сроков было связано с общими правилами уплаты налога лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, которые уплачивали его в текущем календарном году за право осуществления своей деятельности в будущем году (ст. 30 [2] и ст. 62 [3]).

С 1885 г. размер налоговой ставки для предпринимателей стал включать в себя дополнительный процентно-раскладочный сбор с получаемой ими прибыли [4]. Такие расчеты производились непосредственно для каждой территории губернии и уезда Российской империи. Прежде всего учитывались общие сведения о количестве местных торгово-промышленных предприятий и сумме их оборота с прибыли, а также состояние местной торговли и других промыслов за истекший годовой период и перспективы его развития на будущий год (ст. 121 [3]).

Примечательно, что при таких расчетах принимались во внимание и общие сведения по различным обстоятельствам, могущим оказывать значительное влияние на развитие деятельности торгово-промышленных предприятий. К таким сведениям относились показатели значительного увеличения или уменьшения прибыли предприятий на территории соответствующего податного участка в текущем году в сравнении с предыдущим, характерные именно для местных условий [5, с. 160–161]. В них включались как общие, так и случайные причины «развития или упадка данной отрасли торговли или промышленности ...» [6, с. 244].

К числу указанных причин могло относиться, например, изменение общих экономических условий данной местности, связанное с проведением железных дорог или улучшением водных и грунтовых путей сообщений [9, с. 245] либо с последствиями возникших в их результате чрезвычайных ситуаций. В перечень таких ситуаций в соответствии с нормами Положения 1898 г. входили: крупные пожары, наводнения, эпидемии и т. п. (примечание к ст. 121 [3])

При этом вопрос об изменении размера налоговой ставки раскладочного сбора мог быть рассмотрен только в случае, если все предприятия данного податного участка пострадали от указанных чрезвычайных ситуаций [7, с. 437]. Для отдельного предприятия, пострадавшего в таких ситуациях, также предусматривалось освобождение от платежа дополнительного раскладочного сбора. Однако это правило вступало в действие только в случае прекращения деятельности предприятия до окончательного распределения суммы раскладочного сбора на территорию упомянутого податного участка.

При этом факт причинения отдельному торгово-промышленному предприятию ущерба от пожара или другого чрезвычайного обстоятельства удостоверялся специальным актом, составляемом в присутствии податного инспектора [8, с. 37]. В соответствии с положениями типовых Наказов податным инспекторам для различных губерний и областей указанные обстоятельства должны были носить временный характер. Также такие обстоятельства должны были признаваться как независимые от воли субъекта предпринимательской деятельности.

Перечень содержал, например, неурожай сельхозпродукции, пожар, градобитие, падеж скота и т. п. [8, с. 37]. Также при этом могли быть иные неблагоприятные для данного предприятия обстоятельства, могущие повлиять на его годовой оборот и процент прибыльности с него [Там же, с. 19].

На основании установленных фактов по обстоятельствам чрезвычайной ситуации податный инспектор имел право изложить свое мнение в специальном отчете для территориальной казенной палаты о необходимости снижения размера налоговой ставки или освобождения от нее хозяйствующих субъектов, если такие взимания могли повлечь за собой общее расстройство хозяйства налогоплательщика [Там же].

Мнение податного инспектора затем принималось во внимание органами власти и управления соответствующей губернии и также являлось юридическим основанием для начала осуществления законодательного процесса как производства по нормативно-правовому оформлению принятия решения об изменении размера налоговой ставки для предпринимателей вследствие установленных обстоятельств чрезвычайной ситуации в отношении отдельно взятой территории как административно-хозяйственной единицы.

Таким образом, опыт отечественной законодательной практики второй половины XIX в. свидетельствует о более индивидуализированном подходе к установлению размеров налоговой ставки с предпринимателей-налогоплательщиков как основных хозяйствующих субъектов, не допускающем их ликвидацию и оказывающем тем самым необходимую государственную поддержку для их дальнейшего развития.

Думается, что современному российскому законодателю как федерального, так и регионального уровней при разработке соответствующей нормативной правовой базы необходимо учитывать указанный положительный опыт. На примере законодательной практики наиболее отчетливо проявилась эффективность правового механизма оказания мер государственной поддержки отечественному предпринимательству в нашей стране в обстоятельствах чрезвычайной ситуации, что в целом способствовало повышению общего уровня развития экономики, несмотря на временный характер действий таких обстоятельств.

Литература

1. Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов от 1 января 1863 года // Полное собрание законов Российской империи. Изд. 2-е. Т. 38 (ч. 1), № 39118. СПб., 1866.
2. Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов от 9 февраля 1865 года // Полное собрание законов Российской империи. Изд. 2-е. Т. 40 (ч. 1), № 41779. СПб., 1867.

3. Положение о государственном промысловом налоге от 8 июня 1898 года // Полное собрание законов Российской империи. Изд. 3-е. Т. 18 (ч. 1), № 15601. СПб., 1901.
4. Правила об обложении торговых и промышленных предприятий дополнительным сбором (процентным и раскладочным) от 15 января 1885 года // Полное собрание законов Российской империи. Изд. 3-е. Т. 5, № 2664. СПб., 1887.
5. Недошивин А. М. Справочная книга для чинов податной инспекции : сб. законоположений, правил и распоряжений, касающихся деятельности и служеб. Положения податных инспекторов и их помощников / сост. и изд. А. Недошивин, подат. инспектор 8 участка г. С.-Петербурга. СПб., 1902. 363 с.
6. Дмитриев Н. А. Сборник циркуляров Министерства финансов казенным палатам / с разреш. Деп. гос. казначейства сост. и изд. Н. А. Дмитриев. [Вып. 1. За 1865–1894 гг.]. СПб. : Киев, 1895. 1000 с.
7. Цур Ф. К. Положение о государственном промысловом налоге: Со всеми позднейшими законодательными доп. и изм., по Прод. Св. зак. 1906, 1908 и 1909 гг. и с прил. изд. к сему Положению инструкций, а также решений Правительствующего Сената, циркуляров и предложений М-ва фин. / сост. и изд. Ф. фон Цур-Мюлен, пом. столонач. Отд-ния по промысл. налогу Деп. оклад. сборов. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1913. 1086 с.
8. Чичинадзе Д. Сборник узаконений, распоряжений и разъяснений для руководства податных инспекторов: настольная справочная книга для податных присутствий и должностных лиц податного и торгового надзора, с сенатскими и министерскими разъяснениями и с приложением: 1) Уставов о пошлинах и о прямых налогах и положения о государственном квартирном налоге, по последним официальным изданиям; 2) наказов, данных в руководство податным инспекторам различных местностей Империи; 3) извлечений из различных частей Свода Законов и в том числе положений о сельских обывателях различных наименований; 4) оглавления и предметного указателя в алфавитном порядке и 5) исторического очерка института податных инспекторов : изд. неофиц. СПб., 1897. 582 с.

Legal Mechanism for Changing Legislation on Taxation of Entrepreneurs in the Context of Territorial Emergencies in Russia in the Second Half of the 19th Century

© I. V. Ganusenko, 2020

Abstract. The article deals with the issues of the specifics of the mechanism of legal regulation in the Russian Empire during the second half of the 19th century for the implementation of measures of state support for domestic entrepreneurs in certain areas affected by emergencies, using the system of tax incentives for their activities.

Keywords: Russian empire, emergency, commercial and industrial activities, duty for the right to trade, trade tax, tax inspector.

Ганусенко Ирина Владимировна – старший преподаватель, кафедра конституционного права и теории права, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: constkaf@lawinstitut.ru

Ganusenko Irina Vladimirovna – Senior Lecturer, Department of the Constitutional Law and Theory Law, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: constkaf@lawinstitut.ru

О деятельности органов государственного жилищного надзора в России

© Ч. Д. Цыренжапов, 2020

Аннотация. Акцентируется внимание на отдельных вопросах организации и функционирования органов государственного жилищного надзора в России.

Ключевые слова: государственный жилищный надзор, жилищно-коммунальное хозяйство, управление многоквартирным домом.

Органы государственного жилищного надзора осуществляют контрольно-надзорную деятельность в конкретной сфере экономических отношений на региональном уровне. Будучи звеном механизма государственного вмешательства в общественные процессы в отрасли жилищно-коммунального хозяйства, эти контрольно-надзорные органы могут вносить в соответствующий экономический оборот элементы конструктивного или, напротив, деструктивного характера. Каждый орган государственного жилищного надзора на своей территории в зависимости от качества реализации функций может воздействовать на правопорядок в жилищно-коммунальной отрасли.

В силу жилищного законодательства органы государственного жилищного надзора осуществляют прежде всего непосредственно государственный жилищный надзор, т. е. деятельность за соблюдением разнообразных требований относительно жилища, являющихся по своей натуре техническими, экономическими и сугубо правовыми знаниями. С 2015 г. органы государственного жилищного надзора ведут лицензирование деятельности по управлению многоквартирными домами, включая лицензионный контроль (со всеми его проявившимися плюсами и минусами) [1]. В первом случае к поднадзорным органам относятся граждане, ресурсоснабжающие организации, региональные фонды капитального ремонта многоквартирных домов, региональные операторы по обращению с твердыми коммунальными отходами, органы местного самоуправления и пр. Во втором случае подконтрольными могут быть исключительно управляющие организации – хозяйствующие субъекты, на профессиональной основе осуществляющие предпринимательскую деятельность по управлению многоквартирными домами.

Помимо этого, органы государственного жилищного надзора реализуют предоставленные полномочия по юридической оценке тех или иных событий в сфере управления многоквартирными жилыми домами (например, принятие решения общим собранием собственников помещений в многоквартирном доме, создание товарищества собственников

жилья, избрание правления жилищного кооператива и т. п.), а также свои полномочия в рамках законодательства об административных правонарушениях.

Отличительной особенностью деятельности органов государственного жилищного надзора можно считать тот факт, что за последнее десятилетие их зона ответственностикратно приросла новыми задачами и функциями. Так, к последним можно отнести надзор за требованиями энергетической эффективности и оснащенности помещений многоквартирных домов (жилых домов) приборами учета энергетических ресурсов; контроль за соблюдением Правил пользования газом в части обеспечения безопасности при использовании и содержании внутридомового и внутриквартирного газового оборудования при предоставлении коммунальной услуги по газоснабжению; надзор за требованиями к деятельности региональных операторов по финансированию капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах; ведение проверок за соблюдением требований к обоснованности размера платы за содержание жилого помещения для собственников жилых помещений, которыми не принято решение о выборе способа управления многоквартирным домом, решение об установлении размера платы за содержание жилого помещения, и соблюдению предельных индексов изменения размера такой платы; и мн. др. За относительно небольшой промежуток времени органы государственного жилищного надзора прошли путь от государственного регулятора узкой специализации до «полумегарегулятора» жилищно-коммунального рынка.

Краткая характеристика основных направлений деятельности органов государственного жилищного надзора указывает на сложность и неоднородность спектра поднадзорных (подконтрольных) субъектов, а также природы выполняемых задач и функций. Причины такого положения вещей нами видятся в трудностях и противоречиях жилищно-коммунальной реформы на разных ее этапах, в неизменности базовых принципов правового регулирования жилищных и публично-властных отношений и, наконец, в эволюционном движении отраслевого контроля (надзора) от «государственного контроля за использованием и сохранностью жилищного фонда» до «государственного жилищного надзора». В дополнение скажем, что желаемый уход государства из жилищно-коммунальной сферы так и не состоялся, а рыночные механизмы в полной мере до сих пор не заработали.

Востребованность органов государственного жилищного надзора на современном этапе преобразования жилищно-коммунальных отношений обусловлена не только ведением разноплановой деятельности, быстрым расширением функций и задач, а в первую очередь ценно-

стью жилища как экономического блага, материальной основы соответствующего конституционного права каждого человека и гражданина. Весь функционал органов государственного жилищного надзора собирается в одной точке, имя которой – жилой дом; многоквартирный, индивидуальный; жилые и нежилые помещения в нем.

На наш взгляд, главное предназначение органов государственного жилищного надзора заключается в противодействии нарушениям обязательных требований к сохранности и использованию жилищного фонда страны. Эффективная работа органов государственного жилищного надзора является важнейшим элементом системы технической эксплуатации жилищного фонда, существенным препятствием для ускоренного износа жилых домов. Обновление жилищного фонда страны всегда было делом общегосударственного значения, требующим колоссальных материально-финансовых и трудовых затрат для общества. Поэтому контрольно-надзорный орган обязан принять все доступные меры для того, чтобы «сохранить» жилой дом для будущих поколений и обеспечить его безопасное использование в текущем моменте.

Отсутствие же правильно работающего органа государственного жилищного надзора приводит к ситуации бесконтрольности исполнителей жилищно-коммунальных услуг, что влечет бесхозяйственность в сфере управления многоквартирными домами, приводящее к неестественному увеличению объема аварийного (ветхого) жилья, а зачастую к крупным авариям и несчастным случаям в домах. Устранение последствий этих аварий и несчастных случаев в последующем требует значительных расходов бюджетных и иных публичных средств (например, средств региональных фондов капитальных ремонтов многоквартирных домов) при проведении ремонтных работ.

Деятельность органов государственного жилищного надзора востребована еще и по причине наличия массовых нарушений прав и законных интересов граждан в жилищно-коммунальной сфере. Количество обращений граждан в органы государственного жилищного надзора, органы прокуратуры, к уполномоченным по правам человека и другим уполномоченным субъектам по жилищно-коммунальной тематике существенно не уменьшается за последние годы и все еще остается тревожным показателем недовольства граждан ситуацией в жилищно-коммунальной отрасли. В этой связи для органов государственного жилищного надзора правозащитная функция продолжает быть в приоритете, так как баланс интересов в хозяйственных отношениях между исполнителем и потребителем жилищно-коммунальных услуг нуждается в выравнивании, что связано с наличием механизмов дополнительной правовой защиты «слабой» стороны этих отношений.

Однако функционирование органов государственного жилищного надзора, в том числе в части реализации правозащитной функции, с годами усложняется. Расширение функций и задач государственного жилищного надзора без достаточного кадрового и ресурсного обеспечения – это полбеды. Главное же кроется, по нашему мнению, в противоречивом понимании направлений и показателей качества деятельности соответствующих органов, что само проистекает из целого ряда обстоятельств. Так, органы государственного жилищного надзора являются органами двойного подчинения, т. е. их деятельность как региональных органов координируется главным государственным жилищным инспектором РФ в статусе заместителя министра строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ. Кроме того, прокурорский надзор за исполнением законов в жилищно-коммунальной сфере вносит свои коррективы в работу органов государственного жилищного надзора, когда нельзя не принимать во внимание замечания и установки, изложенные в актах прокурорского реагирования. Реформа контрольно-надзорной деятельности тоже вносит свои новшества в функционирование органов государственного жилищного надзора; порой задача по снижению административного давления на жилищно-коммунальный бизнес воспринимается ответственными за реформу ведомствами как первостепенная. Противоречивость миссии органов государственного жилищного надзора очевидна, поскольку для одних «начальников» важны исключительно административные показатели (проверки, предписания, протоколы и пр.), для других – техническое состояние и безопасность жилищного фонда, для третьих – удовлетворенность населения жилищно-коммунальными услугами и снижение количества жалоб, для четвертых – позитивные оценки и мнения со стороны жилищно-коммунального бизнеса.

Отсюда думается, что сегодня деятельность органов государственного жилищного надзора и ее результаты подлежат серьезному и глубокому переосмыслению. Во-первых, прошло уже двадцать пять лет с момента начала функционирования в стране системы государственных жилищных инспекций субъектов РФ. Во-вторых, востребованность деятельности органов государственного жилищного надзора и фундаментальность потребности человека в жилище диктует необходимость решительных шагов по трансформации системы государственных жилищных инспекций, имея в виду концептуальные взгляды на цели/задачи/функции/полномочия/ресурсы, новую оценку степени соотношения централизации/децентрализации, уход от устаревших практик и т. д. В-третьих, деятельность органов государственного жилищного надзора в условиях политико-правового ориентира на пер-

вичность частной собственности на жилище, развитость договорных отношений между хозяйствующими субъектами в жилищно-коммунальной сфере, самостоятельность и автономность воли сообществ собственников помещений в многоквартирных домах, судебную защиту прав и законных интересов сторон в жилищных отношениях может свернуться до «технического надзора» или, наоборот, развернуться до реального мегарегулятора для жилищно-коммунальной отрасли.

Литература

1. Цыренжапов Ч. Д. Некоторые проблемы лицензирования деятельности по управлению многоквартирными домами // Проблемы формирования правового социального государства в современной России : материалы XI Всерос. науч.-практ. конф. 25 окт. 2015 г. Новосибирск : Изд-во НГАСУ, 2015. С. 71–74.

About Activity State Housing Supervision Authority in Russia

© Ch. D. Tsyrenzhapov, 2020

Abstract. The author draws attention to certain issues of organization and functioning state housing supervision authority in Russia.

Keywords: state housing supervision, housing and communal services, management of the apartment building.

Цыренжапов Чингис Дымбрылович – кандидат юридических наук, доцент, кафедра экономики, организации, управления строительством и жилищно-коммунальным комплексом, Томский государственный архитектурно-строительный университет, г. Томск, Россия, e-mail: lab-gkh@yandex.ru

Tsyrenzhapov Chingis Dymbrylovich – Candidate in Law, Associate Professor, Department of Economics, Organization, Management of Construction and Housing and Communal Complex, Tomsk State University of Architecture and Building, Tomsk, Russian Federation, e-mail: lab-gkh@yandex.ru

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВА В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ И ИНЫХ СМЕЖНЫХ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ

УДК 340(438)

Некоторые юридические аспекты «антикризисного щита», принятого в Польше из-за пандемии коронавируса

© В. Жбиковский, 2020

Аннотация. Представлены ключевые юридические аспекты действий, предпринятых в Польше из-за пандемии коронавируса, особенно мер, которые являются частью так называемых «антикризисных щитов». Обращено внимание на самые главные средства, направленные правительством на борьбу с негативными последствиями коронавируса.

Ключевые слова: Польша, коронавирус, спецзакон, помощь.

Все в мире слышали уже о пандемии коронавируса. Ее последствия очевидны практически во всех странах, и Польша не является исключением. Я постараюсь представить некоторые юридические аспекты этой пандемии в моей стране.

Первая волна пандемии коронавируса появилась в Польше 4 марта 2020 г. Вскоре количество больных начало быстро увеличиваться, и правительство ввело сначала «положение эпидемиологической угрозы», а потом «положение эпидемии», которые связаны с различными ограничениями – перемещения людей, публичных собраний, функционирования ресторанов, фитнес-клубов, кинотеатров, туризма и др.

Конечно, это стало причиной серьезных проблем многих предприятий, из-за чего правительство решило принять так называемый «антикризисный щит», т. е. правовые и экономические меры, которые должны помочь находящимся в тяжелом состоянии предприятиям. Главной его составляющей являются законы: об особенных мерах, связанных с предотвращением, противодействием и борьбой с COVID-19, другими контагиозностями и вызванными ими кризисными ситуациями (принят

еще 2 марта, но много раз в последние месяцы модифицировался) [1], и об особенных мерах помощи в связи с распространением вируса SARS-Cov-2 (принят 16 апреля [2]).

Надо заметить, что практически это был не один «щит», но целая серия, сейчас говорится уже о шестом таком щите [3]. Конечно, в рамках статьи невозможно описать все детально, поэтому я представлю только самые важные элементы. Более подробную информацию, но только на польском языке, можно получить, на специальных правительственных сайтах [4].

Во-первых, были приняты некоторые послабления в налоговой сфере. Убыль за 2020 г. разрешено отсчитать от прибыли 2019 г. и получить больше налогового возврата (добавочные денежные средства) в этот тяжелый период. Приостановлено также взыскание некоторых (но не самых главных) налогов. Пожертвования, предназначенные для борьбы с коронавирусом, стало возможным исключить из объема прибыли. Немаловажно, что приостановлены также авансовые платежи на налог от зарплаты за несколько месяцев.

Второй тип послабления, о котором стоит сказать, – это освобождение от уплаты взносов в систему социальных страхований. Характер этих взносов в Польше близок к характеру налогов, и для небольших предпринимателей он является тяжелым бременем [5]. Впоследствии для предпринимателей из некоторых экономических отраслей введено это освобождение (не отсрочку, а точно дефинитивное освобождение).

Для некоторых предпринимателей правительство предназначило прямые субсидии. Конечно, при этом были поставлены разные условия, такие как, например, удержание прежнего уровня рабочих мест. Эти субсидии имели свои особенности: – одни были предусмотрены для индивидуальных предпринимателей, другие – для более крупных, а также для предпринимателей, которые занимаются определенным видом экономической деятельности (например, туристической).

На практике это оказалось очень спорным элементом поддержки из-за того, что в некоторых программах субсидии были предоставлены на основе принципа «первым прибыл – первым получил», а средства иссякли уже в течение нескольких минут (с заявлением надо было обратиться через интернет) [6].

Кроме этого, была разработана программа специальных кредитов под низкие проценты с возможностью продления срока этих кредитов, а в некоторых случаях даже освобождения от их возврата.

Все вышеупомянутые действия призваны помочь компаниям сохранить финансовую ликвидность и рабочие места. В обстоятельствах тяжелого экономического кризиса риск упадка компании, несомненно,

высок, что может еще более осложнить ситуацию, но правительство предпринимает различные меры для предотвращения этого сценария.

В сфере трудового права законодатель принял решения, временно сделавшие правила работы и отдыха более гибкими (например, продление ежедневного рабочего времени в некоторых случаях). Работодатели получили также возможность отправить работника в не использованный до сих пор отпуск без его согласия.

Некоторые изменения стали постоянными. Например, в области коммерческого права стало возможным проведение общих собраний участников в режиме онлайн даже без соответствующих положений устава компании [7]. Но если члены компании этого не хотят, есть также возможность ограничения в этой сфере.

Конечно, это только небольшая часть мер, принятых в сегодняшних обстоятельствах. Очень много других – это довольно «технические» и специфические моменты, такие как смена сроков для предоставления бухгалтерских отчетов и деклараций.

Еще стоит сказать, что, несмотря на указанные попытки позитивных действий, реакция правительства на пандемию подверглась резкой критике. Во-первых, многие отмечают отсутствие надлежащей готовности службы здравоохранения [8]. Во-вторых, другие считают, что реакция правительства довольно хаотична и не выглядит спланированной. В последнее время, после «свободного» периода летом, правительство внезапно закрыло фитнес-клубы, а затем рестораны, не предложив при этом никаких прямых мер помощи. В-третьих, законодательный уровень вводимых положений является низким (например, ограничения передвижения были первоначально введены решением министра без соответствующего законодательного разрешения) [9]. В-четвертых, решением Конституционного трибунала, воспринимаемого как зависимого от правящей партии, радикально был ужесточен закон об абортах, что вызвало волну массовых протестов по всей стране [10]. Все это конечно, не помогает в борьбе с коронавирусом

Коронавирус и все эти действия негативно сказываются на состоянии государственных финансов. Бюджетный дефицит сейчас – крупнейший в новейшей истории, но без этих мер ситуация могла бы быть еще хуже. По моему мнению, Польша на данный момент является примером страны, где правительство пытается облегчить сложные условия, возникшие из-за коронавируса, но действует, к сожалению, без хорошо продуманного плана, слишком хаотично. Хотя сегодня трудно представить, как события будут развиваться дальше.

Литература

1. Ustawa o szczególnych rozwiązaniach związanych z zapobieganiem, przeciwdziałaniem i zwalczaniem COVID-19, innych chorób zakaźnych oraz wywołanych nimi sytuacji kryzysowych z dnia 2 marca 2020 r., t. j. Dz. U. z 2020 r. poz. 1842 ze zm.
2. Ustawa o szczególnych instrumentach wsparcia w związku z rozprzestrzenianiem się wirusa SARS-CoV-2 z dnia 16 kwietnia 2020 r., Dz. U. z 2020 r. poz. 695 ze zm.
3. Rzemek M. *Tarcza antykryzysowa 6. 0: świadczenia postojowe trafią tylko dla samozatrudnionych*. URL: <https://www.rp.pl/Firma/310279914-Tarcza-antykryzysowa-60-swiadczenia-postojowe-trafia-tylko-dla-samozatrudnionych.html> (data обращения: 29.10.2020).
4. Правительственный сайт про антикризисный щит. URL: <https://www.gov.pl/web/tarczaantykryzysowa> (data обращения: 28.10.2020).
5. Kostrzewski L. *Koronawirus. Apel rzecznika przedsiębiorców: firmy bez składek do ZUS*. URL: <https://wyborcza.biz/biznes/7,147584,25788482,kazda-firma-przez-pol-roku-nie-bedzie-musiala-placic-skladek.html> (data обращения: 28.10.2020).
6. Osiecki A. *Koronawirus. Ruszają unijne dotacje obrotowe dla polskich firm z sektora MŚP*. URL: <https://firma.rp.pl/finansowanie/fundusze-ue/6156-dotacje-obrotowe-dla-polskich-firm-z-sektora-msp-parp-polska-agencja-rozwoju-przedsiębiorczosci> (data обращения: 28.10.2020).
7. Изменения к Кодексу хозяйственных товариществ и обществ: Кодекс spółek handlowych z dnia 15 września 2000 r., t. j. Dz. U. z 2020 r. poz. 1526 (ze zm.).
8. Kowalska K. *Koronawirus: system ochrony zdrowia chwieje się w posadach*. URL: <https://www.rp.pl/Lekarze-i-pielęgniarki/310139893-Koronawirus-system-ochrony-zdrowia-chwieje-sie-w-posadach.html> (data обращения: 28.10.2020).
9. Письмо ombudsmana Адама Боднара министру внутренних дел из 29.04.2020. URL: <https://www.rpo.gov.pl/sites/default/files/Pismo%20RPO%20do%20MSWiA%2C%2029.04.2020.pdf> (data обращения: 28.10.2020).
10. Czermiński J. *W całej Polsce protesty, m. in. przed kościołami*. URL: <https://www.rp.pl/Spor-o-aborcje/201029534-W-calej-Polsce-protesty-min-przed-kosciolami.html> (data обращения: 28.10.2020).

Chosen Legal Aspects of the „Anti-Crisis Shield” Adopted in Poland Due to the Coronavirus Pandemic

© Żbikowski Wawrzyniec, 2020

Abstract. This text presents the crucial legal aspects of the activities undertaken by the government of Poland due to the pandemic of coronavirus, particularly – those being part of the so-called „anti-crisis shields”. Author describes the most important ways of countering coronavirus’ negative impact on the economy.

Keywords: Poland, coronavirus, special regulations, aid.

Żbikowski Wawrzyniec – Postgraduate, Chair of Civil, Commercial and Insurance Law, Adam Mickiewicz University, Poznań, Republic of Poland, e-mail: wawrzyniec.zbikowski@amu.edu.pl

Жбиковский Вавжинец – аспирант, кафедра гражданского, коммерческого и страхового права, Университет имени Адама Мицкевича в Познани, Республика Польша, e-mail: wawrzyniec.zbikowski@amu.edu.pl

Реализация государствами права на отступление от международных обязательств в сфере прав человека в период пандемии COVID-19

© Л. В. Пастухова, 2020

Аннотация. В сравнительном аспекте анализируется практика отступления от обязательств по МПГПП 1966 г. и ЕКПЧ 1950 г.: объем соблюдения условий уведомления в части своевременного указания конкретных норм международных договоров, разъяснения причин их введения, предоставления соответствующего национального законодательства; какие права подлежали вмешательству в большинстве случаев.

Ключевые слова: международные договоры, права человека, отступление от международно-правовых обязательств, Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Конвенция о защите основных прав и свобод человека 1950 г.

Исходя из необходимости привлечения как можно большего круга участников международных договоров в сфере прав человека и сохранения стабильности договорных отношений, некоторые договоры предусматривают в исключительных случаях возможность *дерогации*¹. Пределы осуществления определенных прав человека (таких как, к примеру, право на свободу передвижения и выбор места проживания, право на свободу выражения мнения и свободу ассоциаций, право на уважение личной и семейной жизни, право на свободу и личную неприкосновенность) уже ограничены возможным вмешательством со стороны государства в условиях обеспечения государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения или прав и свобод других. Тем не менее острота ситуации может потребовать дополнительных, более жестких ограничений либо вмешательства в осуществление тех прав, которые изначально это не предусматривают. При этом государства пользуются *широкой свободой усмотрения* в отношении принимаемых мер. Как отметил Европейский суд по правам человека (далее – *ЕСПЧ*) в деле «Ирландия против Соединенного Королевства», «каждое Договаривающееся государство, несущее ответственность за “жизнь нации”, в первую очередь определяет, угрожает ли этой жизни “чрезвычайное положение” и если да, то насколько на это необходимо пойти в попытке преодолеть чрезвычайную ситуацию. В этом вопросе п. 1 ст. 15 (ЕКПЧ – *авт.*) оставляет этим органам широкую свободу усмотрения» [1, п. 207].

¹ Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. (далее – МПГПП), Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – ЕКПЧ), Американская конвенция о правах человека 1969 г., Арабская хартия прав человека 2004 г.

По итогам заседания Комитета ММСП (международных медико-санитарных правил) по чрезвычайной ситуации в отношении COVID-19 30 января 2020 г. Генеральный директор ВОЗ объявил, что вспышка представляет собой *чрезвычайную ситуацию в области общественного здравоохранения, имеющую международное значение*, и, приняв рекомендации Комитета, издал их как *Временные рекомендации ММСП*. Как позднее отметил Европейский парламент, «эта вспышка создает беспрецедентные институциональные проблемы и обязывает правительства принимать *строгие* меры, затрагивающие права граждан, не имеющие аналогов со времен Второй мировой войны» [2, с. 2].

Государства в такой ситуации должны исполнять ряд обязательств как по сотрудничеству в противодействии распространению опасного вируса, так и по обеспечению *права на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья посредством предупреждения и лечения эпидемических болезней и борьбы с ними и создания условий, которые обеспечивали бы всем медицинскую помощь и медицинский уход в случае болезни*. Отметим, что указанные обязательства относятся к *обязательствам-целям*, предопределяют самостоятельный выбор внутригосударственных средств обеспечения их реализации. Задача также состоит в гарантии соблюдения необходимого баланса между обеспечением одних прав человека и ограничением других.

Воспользовались ли государства своим правом на отступление от обязательств, к примеру, по МПГПП и ЕКПЧ? Российская Федерация не в их числе, поскольку власть не стала вводить чрезвычайное положение (как на всей территории страны, так и в отдельных ее частях), посчитав, по-видимому, что текущая ситуация не может быть квалифицирована как в п. 6 ст. 3 ФКЗ «О чрезвычайном положении» [3]. Принятые Президентом РФ указы [4; 5] были направлены на улучшение санитарно-эпидемиологического благополучия населения.

За 10 месяцев 2020 г. Генеральным секретарем ООН, являющимся депозитарием МПГПП, было принято 84 уведомления, касающегося отступления от обязательств по указанному международному договору от 21 государства-участника¹ (Армения заявила об отступлении по двум основаниям: пандемия и военные действия на территории Нагорного Карабаха). Что касается ЕКПЧ [6], то за 10 месяцев 2020 г. такие уведомления сделали 10 государств-участников. При этом из упомянутых 10 государств – участников ЕКПЧ, которые одновременно являются и участниками МПГПП, три государства – Албания, Северная Маке-

¹ Данные являются результатом самостоятельных подсчетов автора по материалам, размещенным на https://treaties.un.org/pages/CNs.aspx?cnTab=tab2&clang=_en

дония и Сербия – не делали соответствующих уведомлений по МПГПП. В декларациях Албании и Северной Македонии (в уведомлениях Сербии ссылки на конкретные нормы отсутствуют) указывается на ограничения по ст. 8–11 ЕКПЧ, ст. 2 Протокола № 4. Аналогичные нормы, как известно, содержатся и в МПГПП. Соответственно, в части уведомления об ограничениях эти государства как участники Пакта свои обязательства не выполнили. Возможно, на их добросовестное исполнение обязательств именно по ЕКПЧ позитивно влияет перспектива рассмотрения индивидуальных жалоб Европейским судом по правам человека, решения которого обязательны (в отличие от заключений Комитета ООН по правам человека (далее – *КПЧ ООН*)).

Если сравнивать требования, регламентированные в МПГПП и ЕКПЧ, относительно реализации права на отступление, то обнаруживается сходство: наличие угрожающего жизни нации чрезвычайного положения; официальное объявление (хотя такой нормы и нет в ЕКПЧ, но правовые позиции органов Конвенции говорят о необходимости такого формального публичного акта [7, п. 527]); пропорциональность принимаемых мер тяжести ситуации; соответствие другим обязательствам по международному праву; временный характер; соблюдение принципа недискриминации; а также официальное уведомление депозитария. Процедура уведомления позволяет другим государствам-участникам владеть информацией о том, что конкретная договорная сторона правомерно не выполняет свои обязательства в полном объеме, а не нарушает их. На необходимость соблюдения такой процедуры указывал и КПЧ ООН [7].

Анализируя содержание уведомлений по МПГПП, мы пришли к выводу, что некоторые государства – участники МПГПП ограничиваются лишь информацией о факте введения чрезвычайных мер (иногда не указывая срок их продолжительности) и перечнем ограничиваемых прав человека, не представляя информацию о самих мерах, конкретных причинах их применения и национальном законодательстве: к примеру, Армения (в отличие от своего уведомления по ЕКПЧ), Палестинское Государство, Парагвай. Некоторые договорные стороны ЕКПЧ (Румыния, Сан Марино, Сербия) не указали конкретные статьи Конвенции, выполнение обязательств по которым они ограничивают.

Стороны достаточно дисциплинированно подошли к информированию о *продолжении, окончании* чрезвычайного положения или *введении дополнительных ограничений* как в рамках МПГПП, так и в рамках ЕКПЧ.

Государства – участники МПГПП в основном заявляли об отступлении от обязательств по ст. 9, 12, 14, 17, 21, 22. Государства – участ-

ники ЕКПЧ – об отступлении от ст. 8, 11 ЕКПЧ, ст. 1 и 2 Протокола и ст. 2 Протокола № 4, за исключением Грузии и Эстонии, заявивших также и о ст. 5. и 6 Конвенции. Отступления от обязательств по обеспечению права на справедливое судебное разбирательство будет, думается, объектом особого внимания со стороны международных органов, поскольку некоторые элементы этого права не могут быть ограничены ни при каких обстоятельствах [9, с. 3–4, п. 11,15].

Известно, что часть общественности во многих странах выступает с резкой критикой «антивирусных» мер, международные органы обеспокоены угрозой злоупотребления правом со стороны государств, особенно в части строгости мер юридической ответственности. В дальнейшем следует ожидать обращений в международные органы по правам человека, и тогда, возможно, государства, сделавшие официальные заявления, окажутся в более выгодном положении. Международные органы, в частности Европейский Суд по правам человека, будут оценивать критерий пропорциональности через восприятие тяжести положения именно государством, которое должно будет обосновать необходимость каждого ограничения.

Литература

1. European Court of Human Rights (ECHR), Case of Ireland v. the United Kingdom. Judgement of 18 January 1978 (№ 91).
2. States of emergency in response to the coronavirus crisis: Situation in certain Member States/ PE 649. 408 – June 2020. URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=EPRS_BRI\(2020\)652002](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=EPRS_BRI(2020)652002) (дата обращения: 14.11.2020).
3. О чрезвычайном положении : федер. конституц. закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ (ред. от 03.07.2016). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31866/ (дата обращения: 14.11.2020).
4. О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19): указ Президента РФ от 02.04.2020 № 239. URL: <http://base.garant.ru/73964751/#ixzz6dmC57QCq> (дата обращения: 14.11.2020).
5. Об определении порядка продления действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения в субъектах Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19): указ Президента РФ от 11.05.2020 № 316. URL: <https://base.garant.ru/74002168/> (дата обращения: 14.11.2020).
6. Notifications under Article 15 of the Convention in the context of the COVID-19 pandemic. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/webContent/62111354> (дата обращения: 14.11.2020).
7. European Commission of Human Rights. Applications Nos. 9780/74 AND 6950/75. Cyprus against Turkey. Report of the Commission (10 July 1976). URL: <http://www.cyprus-conflict.org/materials/echr/index.html> (дата обращения: 14.11.2020). Par. 527.
8. CCPR/C/128/23 заявление об отступлениях от положений Пакта в связи с пандемией COVID-19 30 апреля 2020.
9. UN Doc.CCPR/C/GC/32; 23 August 2007. General Comment No. 32. Article 14: Right to equality before courts and tribunals and to a fair trial.

States' Exercise of the Right to Derogate from International Human Rights Obligations during the COVID-19 Pandemic

© L. V. Pastukhova, 2020

Abstract. The article in a comparative aspect analyzes the practice of derogation from obligations under the ICCPR of 1966 and the ECHR of 1950: the scope of compliance with the terms of notification in terms of timeliness, specifying specific norms of international treaties, explaining the reasons for their introduction, providing the relevant national legislation; what rights were subject to interference in most cases.

Keywords: human rights, derogation from international legal obligations, International Covenant on Civil and Political Rights 1966, Convention for the Protection of Fundamental Human Rights and Freedoms 1950.

Пастухова Лариса Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, кафедра государственно-правовых дисциплин, Крымский филиал Российского государственного университета правосудия, Симферополь, Россия, e-mail: lapas68@gmail.com

Pastukhova Larisa Viktorovna – Candidate in Law, Associate Professor, Department of State and Law subjects of the Crimean Branch of the Russian State University of Justice, Simferopol, Russian Federation, e-mail: lapas68@gmail.com

УДК 340.155

Протрузия права в автократических и чрезвычайных режимах: сравнительно-правовые аспекты

© М. Г. Тирских, 2020

Аннотация. В контексте анализа права, действующего в условиях авторитарных политических и чрезвычайных административных режимов, делается вывод о возникновении явления протрузии права. Описываются причины возникновения данного явления, а также формы, в которых оно выражается.

Ключевые слова: право, правотворчество, правоприменение, правосознание, авторитаризм, чрезвычайные ситуации.

В условиях чрезвычайных ситуаций независимо от их генезиса, а равно в случае существования автократического политического режима, стремящегося к сохранению (консервации) существующего порядка политического управления обществом, возникают существенные, иногда кардинальные деформации правового пространства, приводящие к формированию в обществе явления, которому, как мы полагаем, может быть присвоено наименование протрузии права.

Очевидно, что основополагающими целями и задачами, стоящими перед любым государством, является поддержание такого уровня развития права, которое было бы адекватным имеющемуся уровню развития общественных отношений, соответствовало бы задачам развития соответствующего государства.

Одним из свойств права как системы выступает гармоничность, которая рассматривается многогранно. Ракурсами этой многогранности становятся в том числе гармоничное сочетание отдельных компонен-

тов системы права, такое как гармонизация развития права с текущим уровнем развития общественных отношений, гармонизация целей правового регулирования и тех правовых средств, которые используются для того, чтобы обеспечить базовое назначение правового регулирования.

В случае если гармония в праве нарушается, образуется совокупность реактивных последствий, порождающих потребность в изменении (корректировке) правового регулирования, а в случае если такая корректировка невозможна (затруднительна) или не реализуется по политическим и иным мотивам, такие последствия могут оказаться крайне болезненными для общества, повлечь разрушение существующего политико-правового континуума, стать основанием коренных преобразований, угрожающих государственному строю.

Так, например, принятие нормативного правового акта, содержание которого существенно отступает от общего, распространенного порядка правового регулирования, создает целый комплекс негативных последствий.

В числе таких последствий можно назвать:

- во-первых, как правило, невозможность осуществить полномасштабное надлежащее регулирование иных, смежных общественных отношений, а в некоторых случаях и фактическое приостановление, замораживание регулирования таких общественных отношений, что формирует в обществе состояние правовой неурегулированности и, соответственно, все последствия, возникающие по ее причине;

- во-вторых, формирование в обществе состояния правового нигилизма, в связи с тем что норма поведения, по мнению граждан, «смещается» в результате произвольного ее установления органами государственной власти и должностными лицами, участвующими в нормотворческом процессе, а следовательно, воспринимается обществом как не отвечающая принципам и назначению права;

- в-третьих, формирование специфического подхода органов государственной власти и должностных лиц к нормотворческой деятельности, в функционировании которых укрепляется принцип, связанный с допустимостью отступления от ранее принятых норм в угоду конъюнктурной целесообразности;

- в-четвертых, состояние социальной неудовлетворенности и недоверия общества к решениям органов государственной власти и должностных лиц, связанной с невозможностью определить базис правильного (логически обоснованного и подтвержденного практикой правоприменения) поведения на фоне возникающих особых порядков регулирования, на которые не распространяются некоторые общие ограничения или предоставляются какие-либо правовые льготы.

В таком случае мы, очевидно, имеем дело с комплексным явлением, суть которого заключается в комплексном несоответствии отдельных норм и правил привычному для общества, укоренившемуся правовому порядку. Такие изменения не приводят к прекращению существования прежнего правового порядка и установлению нового, основанного на совершенно иных принципах и основаниях, но реализуются в рамках уже существующего правового порядка, фактически разрушая его отсутствием когерентности с ним.

В современной науке теории права не дается какого-либо четкого определения такому явлению, не обозначаются его параметры и условия. Более того, нет даже терминологии, которая бы позволяла в должной мере охарактеризовать данное явление. На наш взгляд, для описания этой совокупности последствий, возникающих в результате образования в законодательстве инородной правовой материи, более всего подходит медицинская терминология и использование термина «протрузия права». Под протрузией в медицине понимают выбухание тканей из позвоночного канала, что приводит к болезненным эффектам, утрате человеком гибкости, угнетению функций нервной системы. Подобно протрузии в организме человека, протрузия в праве связана с возникновением массива правовых норм, которые являются по сути выходящими из общего порядка регулирования «выбухающими» и приводят к негативным последствиям, болезненным и потенциально опасным для общества. Со всей очевидностью полагаем, что такое сравнение более чем корректно и оправдано потребностями анализа данного явления.

Протрузии в праве в наибольшей степени характерны для авторитарных режимов и чрезвычайных ситуаций. В условиях чрезвычайной ситуации принимаются экстренные решения, в том числе по установлению новых норм и правил поведения, призванных предупредить негативные последствия чрезвычайной ситуации и обеспечить осуществление эффективной ликвидации их последствий. Однако с учетом ограничений временного характера такие меры не могут по определению иметь высокой степени и качества проработки, зачастую страдают низким правовым качеством и использованием неудачных формулировок. При условии, что такие, вновь сформулированные и принятые в экстренном порядке, нормы и правила устанавливают значимые для общества правила поведения (преломляющиеся в жизни общества, а не только в сфере деятельности органов государственной власти или местного самоуправления) и функционируют достаточно длительное время, общество начинает испытывать негативный эффект от внедрения этих чужеродных норм. Очевидно, что необходимость

таких норм вызвана в первую очередь текущим моментом устранения последствий чрезвычайной ситуации. Однако правовые последствия от их введения могут распространяться в течение длительного времени и влиять на широкий круг регулируемых общественных отношений.

В условиях авторитарного политического режима (авторитарный, тоталитарный режимы) попытка без изменения законодательства (а даже в национал-социалистической Германии 1933–1945 гг. базис действующего законодательства практически не менялся со времен Веймарской республики, за исключением отдельных институтов права, действовало Германское гражданское уложение, большая часть ранее созданных нормативных правовых актов) установления новой нормы (правила поведения), не соотносимой с прежним порядком, позволяющая обеспечить продолжение осуществления властвования конкретному авторитарному лидеру или обеспечивающая уменьшение возможности легального применения методов общественной реакции (митинги, забастовки, петиции и т. д.), приводит к формированию таких иностранных («выступающих») норм, которые очевидно для общества не соотносятся с ранее созданной правовой материей.

В обоих случаях имеет место возникновение в обществе неблагоприятных правовых последствий, болезненных реакций, когда весь массив законодательства в данном государстве и отдельные конкретные нормы не соотносятся друг с другом, вызывая отторжение и возмущение широких слоев общества.

В таком случае, на наш взгляд, целесообразно говорить о возникновении протрузий в праве, констатировать факт их негативного воздействия на общий режим законности и правопорядка в обществе.

Protrusion of Law in Autocratic and Emergency Regimes: Comparative Legal Aspects

© M. G. Tirsikh, 2020

Abstract. In the context of the analysis of the law operating in the conditions of authoritarian political and extraordinary administrative regimes, the conclusion is made about the emergence of the phenomenon of the protrusion of law. The reasons for this phenomenon, as well as the forms in which it is expressed, are described.

Keywords: law, lawmaking, law enforcement, legal consciousness, authoritarianism, emergency situations.

Тирских Максим Геннадьевич – кандидат юридических наук, доцент, профессор, кафедра международного права и сравнительного правоведения, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: tirskm@mail.ru

Tirsikh Maksim Gennadievich – Candidate in Law, Associate Professor, Professor, Department of International and Comparative Law, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: tirskm@mail.ru

К вопросу о корреляции уровня правового нигилизма с развитием пандемии COVID-19 (на примере некоторых стран)

© С. И. Шишкин, Д. В. Шорников, 2020

Аннотация. Исследованы некоторые аспекты соотношения уровня правового нигилизма на примере некоторых стран с развитием пандемии COVID-19, основываясь на дихотомии «внутреннего» и «внешнего» права.

Ключевые слова: правовой нигилизм, пандемия COVID-19, «внутреннее» право, «внешнее» право.

Хотелось бы начать с цитаты, пожалуй, самого известного в современный период развития России теоретика права Сергея Сергеевича Алексеева: «О правовом нигилизме много говорят на самом высоком уровне, а я бы сказал жестче: мы сталкиваемся с тотальной недооценкой права. Именно с этим связаны все трудности, переживаемые нашим обществом. Стремление произвольно перекраивать существующую юридическую систему, манипулирование правовой материей приводят к крупным политическим и социально-экономическим просчетам, а то и к катастрофическим последствиям» [1].

Вообще, правовой нигилизм в России, с одной стороны, воспринимается как обыденность, как некий аксиоматичный общественный фон, но с другой, очень редко берется в практический расчет как сколько-нибудь действенный социальный фактор. Налицо некая раздвоенность, когда в своих теоретических пассажах мы отталкиваемся от того, что граждане России *en masse* отрицают или, как вариант, не признают право (имея в виду, очевидно, позитивное право), и одновременно мы планируем и реализуем свою правотворческую и правоприменительную деятельность, исходя чуть ли не из абсолютной эффективности наших правовых средств и способов регулирования общественных отношений.

Безусловно, вопрос о содержании и природе правового нигилизма чрезвычайно сложен, и мы не берем на себя ответственность в столь краткой ремарке построить авторскую конструкцию данного явления, но для того, чтобы было от чего оттолкнуться при разговоре о заявленной теме, предлагаем считать (еще раз оговорившись, что это крайне упрощенная, может быть даже, вульгарная модель), что для каждого из нас право делится на внешнее, то, которое ему «навязывается» извне (какими-либо социальными институтами, чаще всего, но не обязательно, государством), и «внутреннее», то, которое он воспринимает как

имманентное себе, считает своим. С известной и значительной долей допущения можно считать внешнее право позитивным, а внутреннее субъективным (равно как и в определенной степени естественным), но, повторим еще раз, это не всегда и не совсем одно и то же.

Здесь же следует уточнить, что понятие внутреннего права в определенном смысле близко понятию морали¹, но не в полной мере синонимично ему, под последней традиционно понимается некий универсум этических принципов, формирующих у той или иной личности ее «внутреннее» право и определяющих отношение этой личности к праву «внешнему» [2].

Представляется, что степень правового нигилизма в обществе, исходя из предложенной дихотомии, сводится к уровню противоречия между «внешним» и «внутренним» правом, т. е., чем меньше зазор между ними, чем в большей степени «внешнее» сливается с «внутренним», т. е. индивидуум разделяет и признает своими внешние социальные установки, тем ниже уровень нигилизма (при этом причины самого нигилизма могут быть совершенно различными и не являются сегодня предметом наших рассуждений).

Переходя непосредственно к теме нашей конференции, заметим, что нам изначально представлялась весьма любопытной и убедительной гипотеза, что уровень развития пандемии COVID-19 должен в значительной степени коррелировать с уровнем правового нигилизма в обществе.

Мы исходили из того предположения, что любая масштабная чрезвычайная ситуация, в том числе пандемия, разрешается в той степени эффективно и с наименьшими жертвами, в какой степени эффективно действуют социальные институты в современном обществе, прежде всего государство. Право как таковое является одним из наиболее, если не самым эффективным инструментом воздействия государства на общественные отношения. Соответственно, если право государства (внешнее по происхождению для индивидуума) является для него враждебным, отторгается им по той или иной причине, его воздействие будет минимальным, а принимаемые меры неэффективными. Грубо говоря, в обществе с высоким уровнем правового нигилизма, там, где внутреннее право диаметрально противоположно внешнему, государственные меры по преодолению чрезвычайной ситуации не будут работать вследствие их отторжения обществом, приводя в наиболее крайних случаях к социальному коллапсу.

¹ Во всяком случае, «внутреннее» право непосредственно проистекает из моральных принципов, которые исповедует тот или иной человек, определяется и формируется ими.

Для подтверждения данной теории мы попытались, насколько это возможно, проанализировать текущее развитие ситуации с пандемией в некоторых странах. Одной из наиболее успешно проходящих через развитие пандемии стран (как по уровню заболеваемости на 100 тыс. населения, так и по уровню смертности, а это, очевидно, основные факторы) является Южная Корея, где степень доверия к «внешнему» праву в силу ряда причин (традиционализма общества, сильных конфуцианских традиций и прочих факторов, характерных для неких условных «азиатских» государств) исключительно высока, а зазор между «внешним» и «внутренним» правом невысок [3]. На противоположном полюсе находится целый ряд государств, где уровень правового нигилизма, в силу порой совершенно различных причин, исключительно высок, а внешнее право либо населением в целом, либо значительными социальными группами в значительной степени отторгается. Нам кажется, что среди таких стран традиционно находимся мы, находится целый ряд развивающихся стран, где институты государства (в том числе и право как таковое) исключительно слабы (ярким примером здесь служит Бразилия), находятся, что может показаться на первый взгляд, достаточно неожиданным, Соединенные Штаты Америки, где в силу совпадения целого ряда причин в современный период уровень правового нигилизма у значительной части общества резко вырос (а у некоторых социальных страт он всегда был высоким), что привело опять же к отрицанию и отторжению внешнего права заметной частью общества и, как видится, к серьезному ухудшению динамики развития пандемии [4].

Безусловно, высказанные нами мысли нуждаются в дальнейшей теоретической обработке и обосновании. Наверное, могут быть найдены и предъявлены некие контраргументы к высказанным соображениям, однако на данный момент времени, как нам кажется, и мы, как исследователи, и государство (включая его социальные институты) при анализе развития ситуации, при прогнозировании ее развития, при планировании своих действий должны учитывать озвученные обстоятельства, с одной стороны, стремясь, насколько это возможно, снизить уровень правового нигилизма, совмещая «внешнее» право с «внутренним», с другой – трезво отдавая себе отчет в ничтожной эффективности своих действий в целом ряде случаев.

Литература

1. Умер один из авторов Конституции России. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1083904&1083904> (дата обращения: 28.10.2010).
2. Дробницкий О. Г. Понятие морали: Историко-критический очерк. М.: Наука, 1974. 388 с.

3. Воронцов А. В. Национальные особенности корейской нации, способствовавшие успеху борьбы против COVID-19 // Россия и Корея: взгляд из Сибири : тез. и докл. Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 10–11 окт. 2020 г. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 14–19.

4. WHO Health Emergency Dashboard. URL: <https://extranet.who.int/publicemergency> (дата обращения: 15.11.2020).

**On the Correlation of the Level of Legal Nihilism
with the Development of the Pandemic COVID-19
(on the Examples of Some Countries)**

© S. I. Shishkin, D. V. Shornikov, 2020

Abstract. The theses are devoted to some aspects of the relationship between the level of legal nihilism, on the example of some countries, with the development of the pandemic COVID-19, based on the dichotomy of “internal” and “external” law.

Keywords: legal nihilism, COVID-19 pandemic, “internal” law, “external” law.

Шишкин Сергей Иванович – доктор юридических наук, профессор, кафедра конституционного права и теории права, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: shishkina1957@rambler.ru

Shishkin Sergey Ivanovich – Doctor in Law, Professor, Department of Constitutional Law and Theory of Law, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: shishkina1957@rambler.ru

Шорников Дмитрий Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права и сравнительного правоведения, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: abirvalg35@mail.ru

Shornikov Dmitry Vladimirovich – Candidate in Law, Associate Professor, Head of the Department of International and Comparative Law, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: abirvalg35@mail.ru

ЗАЩИТА ОТ БЕДСТВИЙ: СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

УДК 504.75.06:05/07

Роль средств массовой информации в оценке восприятия риска бедствий

© Е. В. Арефьева, А. В. Дмитриева, 2020

Аннотация. Обобщается, что стихийные бедствия и катастрофы, вызванные деятельностью человека, представляют значительный риск для здоровья и благополучия людей. Журналисты и новостные организации могут выполнять множество ролей, связанных со стихийными бедствиями, от предупредительного информирования о бедствиях, оценки текущей ситуации, оценки смягчения последствий стихийных бедствий и готовности к ним и сообщения о происходящем до оказания помощи в долгосрочном восстановлении и повышения устойчивости к стихийным бедствиям. Делается вывод о том, что плохо подготовленные журналисты, представители средств массовой информации могут своими непродуманными действиями приводить к более негативным последствиям от ЧС, и, наоборот, если журналисты и СМИ понимают свою роль, правильно оценивают возможные негативные последствия в результате неверных действий, то могут быть важным инструментом в отношении общественного планирования, управления, реагирования и восстановления после ЧС.

Ключевые слова: чрезвычайная ситуация, риск, журналистика, СМИ, реагирование, информирование.

Чрезвычайные ситуации во всем мире приводят к значительным потерям как материального, так и социального характера. Стихийные (например, ураганы или землетрясения) и антропогенные (например, промышленная авария или техногенные катастрофы) бедствия нанесли экономический ущерб примерно на 1,5 трлн долл. США, унесли жизни примерно 750 тыс. человек во всем мире и затронули почти 2 млрд людей в период с 2006 по 2015 г. [1]. По оценкам экспертов, частота и последствия стихийных бедствий, вызванных опасными природными явлениями, увеличиваются, что может быть связано с изменением климата и увеличением числа людей, живущих в зонах риска [2]. Нельзя недооценивать роль, которую играют журналисты и новостные органи-

зации в предупреждении чрезвычайных ситуаций и смягчения последствий ЧС. Во всем мире журналисты и новостные организации привлекаются до, во время и после события, что может способствовать повышению устойчивости отдельных лиц, сообществ, населенных пунктов [3]. СМИ имеют известное преимущество перед отдельным человеком и даже аудиторией. Люди вынуждены воспринимать информацию, но не могут на нее ответить. При современной системе информирования люди в зоне ЧС почти обречены на пассивное выполнение роли объекта влияния. Так, с помощью ироничной интонации, обидчивых метафор и язвительных, внешне остроумных, реплик или комментариев со стороны журналистов у зрителей создается негативное отношение к источнику нежелательной информации, провоцируется желание оставить ее без надлежащего внимания или просто игнорировать [4]. Фрагментарной подачей информации, дроблением создается видимость ее глубокого анализа, но, по сути, затрудняется формирование целостной картины политических событий у большинства граждан. Ссылками на «информированные источники», «собственные источники в правительстве», «особенную осведомленность» данного телеканала (или газеты) о событиях, происходящих в стране и мире, создается ощущение объективности и независимости фактов или суждений, которые доходят до населения [Там же].

Существует множество академических и профессиональных подходов к различным аспектам оповещения в случае бедствий. Так, в работе [4] автор полагает, что «информирование о рисках помогает сосредоточиться на влиянии индивидуального отношения человека к вероятности и серьезности катастрофы». Журналистика катастроф – это процесс сбора данных и представление новостей и информации, относящихся к природным и антропогенным событиям, которые произошли, происходят или могут произойти в будущем. Так, к примеру, созданная модель оповещения о кризисных и чрезвычайных ситуациях центров по контролю и профилактике заболеваний США предназначена для управления информацией о чрезвычайных ситуациях и бедствиях правительства, органов здравоохранения и общественной безопасности [5]. Данная система предназначена для содействия восстановлению и устойчивости, а также предотвращения неадекватных результатов, связанных с бедствием [6].

Наиболее общими задачами журналистики катастроф (табл.) (на основе анализа некоторых публикаций) является предоставление максимально объективных сведений и сообщений о том, что фактически происходит или что уже произошло, с пониманием того, какой резо-

нанс может повлечь за собой неадекватное освещение событий, породить панику или, напротив, необоснованно успокоить население, когда нужно предпринимать конкретные действия.

Таблица

Задачи журналистики катастроф по материалам зарубежных источников

Задачи СМИ	Содержание	Источник
1. Предоставлять сведения и объективно сообщать о происходящих событиях	Оповещение о стихийном бедствии должно помогать обеспечивать «ситуационную осведомленность» общественности и органов власти, которая может определять и способствовать индивидуальным и институциональным действиям и мерам реагирования на бедствия	а) Houston, Pfefferbaum, and Rosenholtz. Public disaster mental/behavioral health communication: intervention across disaster phases. Journal of Emergency Management. № 10(4). pp. 283-292. 2012 [3]; б) Pantti, Wahl-Jorgensen, and Cottle. Disasters and the Media. Peter Lang Publishing Inc., New York, NY. 2012
2. Участвовать в действиях по смягчению последствий стихийных бедствий, обеспечивать готовность к бедствиям, восстановлению после и в целом способствовать повышению устойчивости городов и населенных пунктов	Смягчение последствий и готовность к действиям, которые могут предотвратить возникновение бедствия или уменьшить травмы или ущерб. (Для человека это может быть сбор комплекта вещей на случай экстренной ситуации; для общества это разработка эффективных мер борьбы с наводнениями и четкое определение путей эвакуации.) Изучение вопросов смягчения последствий и готовности в своих репортажах о бедствиях журналистами и новостными организациями. В частности, риски стихийных бедствий можно оценивать и идентифицировать в новостях, а журналисты могут описать шаги, которые отдельные лица и сообщества могут предпринять, чтобы уменьшить их последствия и подготовиться к ним	а) Burns and Eltham. "Catastrophic failure" theories and disaster journalism: evaluating media explanations of the Black Saturday bushfires. Media International Australia. № 137(1). 2010; pp. 90-99; б) Pantti, Wahl-Jorgensen, and Cottle. Disasters and the Media. Peter Lang Publishing Inc., New York, NY. 2012; в) Perez-Lugo. Media uses in disaster situations: a new focus on the impact phase'. Sociological Inquiry. № 74(2). pp. 210-225. 2004; г) Houston, Pfefferbaum, and Rosenholtz; Disaster news: framing and frame changing in coverage of major U. S. natural disasters, 2000–2010. Journalism and Mass Communication Quarterly. № 89(4). pp. 606-623. 2012; д) Houston et al. Social media and disasters: a functional framework for social media use in disaster planning, response, and research. Disasters. 39(1). pp. 1-22. 2015

В работе [4] представлен анализ результатов опроса 24 журналистов, которые работали в новостных организациях в США и имели опыт освещения одного или нескольких стихийных бедствий. Тематический анализ данных интервью позволил выявить пять основных тем, наиболее характерных при освещении событий:

- 1) изучение вопросов смягчения последствий стихийных бедствий и готовности к ним;
- 2) облегчение восстановления после бедствия;
- 3) забота о человеке во время бедствия и забота о журналистах;
- 4) распространение информации в социальных сетях;
- 5) журналистская этика катастроф.

Для журналистов важным аспектом при освещении событий является желание сделать репортаж ярким, запоминающимся, но при этом репортаж может сопровождаться озвучиванием некорректной необъективной информации, а иногда и слухов, что также может усугубить состояние как жертв, так и телесвидетелей происшедшего. К сожалению, по мнению психологов, криминальная проблематика пользуется у населения страны повышенным интересом [8]. Так, согласно результатам опроса, проведенного ВНИИ МВД России в апреле 2000 г. среди 133 журналистов ряда регионов России, информация на правовую тему присутствует в 63,9 % случаев в каждом номере российских газет, эфирном времени теле- и радиокompаний, затрагивающих в своих публикациях правоохранительную тематику. Особое значение придается информации, которая может вызвать большой общественный резонанс: наиболее часто в СМИ освещаются сведения о криминальных происшествиях за сутки – 81,2 %, а также о расследовании конкретных уголовных дел – 56,4 % [Там же].

В целом журналистика о бедствиях «играет решающую роль в общественной службе», поскольку может помочь людям понять стрессовые и опасные события и справиться с ними [9]. В существующих рекомендациях о том, как журналисты должны сообщать о стихийных бедствиях, отмечается, что журналисты должны обеспечивать быстрое, точное и четкое освещение событий [10]. Кроме того, они должны проявлять сочувствие к пострадавшим и уважительно относиться к ним. Если отдельные лица или сообщество находятся в опасности из-за стихийного бедствия, журналисты могут освещать ситуацию с большим эмоциональным откликом, чем обычно, и быть более вовлеченными в эту ситуацию, чем обычно.

Литература

1. IFRC (International Federation of Red Cross and Red Crescent Societies) World Disasters Report 2016 – Resilience: Saving Lives Today, Investing for Tomorrow. IFRC. Geneva, 2016.
2. UNISDR (United Nations International Strategy for Disaster Reduction) (2015) Sendai Framework for Disaster Risk Reduction 2015–2020. First edition. UNISDR, Geneva.
3. Houston J. B. Public disaster mental/behavioral health communication: intervention across disaster phases // *Journal of Emergency Management*. 2012. N 10(4). P. 283–292.
4. Houston J. B., Schraedley M., Worley E. M. Disaster journalism: fostering citizen and community disaster mitigation, preparedness, response, recovery and resilience across the disaster cycle. April, 2019. *Disasters* 43(6), DOI: 10.1111/disa.12352
5. Witte K. Generating effective risk messages: how scary should your risk communication be // B. R. Burlinson (ed.) *Communication Yearbook*. Sage Publishing, Thousand Oaks, CA. 1995. P. 229–254.
6. Reynolds B., Seeger M. W. *Crisis and Emergency Risk Communication: 2012 Edition*. Centers for Disease Control and Prevention, Atlanta, GA. P. 1–22.
7. Lindlof T. R. *Qualitative Communication Research Methods*. Thousand Oaks, CA, Sage Publishing, 1995. 383 с.
8. Варданян А. В. Состояние и тенденции криминального насилия и защита его жертв // *Насилие. Личность. Общество* : тез. науч.-практ. конф. М. : ВНИИ МВД России, 2000. С. 200–209.
9. Thorson E. The Quality of Disaster News: Frames, Disaster Stages, and a Public Health Focus // *Reporting Disaster on Deadline*. Routledge, 2012. С. 12.
10. Salwen M. B. News of Hurricane Andrew: the agenda of sources and the sources' agendas // *Journalism and Mass Communication Quarterly*. 1995. Vol. 72, N 4. P. 826–840.

Role of the Media in Assessing Disaster Risk Perceptions

© E. V. Arefieva, A. V. Dmitrieva, 2020

Abstract. Natural disasters and disasters caused by human activities pose significant risks to human health and well-being. Journalists and news organizations can fulfill a variety of disaster-related roles, from providing warning of disasters, assessing the current situation, assessing disaster mitigation and preparedness, and reporting on what is happening, to helping long-term recovery and building resilience to disasters. Poorly trained journalists, representatives of the media can lead to more negative consequences from emergencies by their ill-considered actions, and, conversely, if journalists and media understand their role, correctly assess the possible negative consequences as a result of wrong actions, then they can be an important tool in relation to public planning, management, response and recovery after an emergency.

Keywords: emergency, journalism, media, response, information.

Арефьева Елена Валентиновна – доктор технических наук, доцент, главный научный сотрудник, ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 121352, г. Москва, Россия, e-mail: elaref@mail.ru

Arefieva Elena Valentinovna – Doctor in Technical Sciences, Associate Professor, Chief Researcher of the Federal State Budgetary Institution VNII GOChS (FC), Moscow, Russian Federation, e-mail: elaref@mail.ru

Дмитриева Арина Вадимовна – младший научный сотрудник, ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), г. Москва, Россия, e-mail: kotova_arina@list.ru

Dmitrieva Arina Vadimovna – Junior Researcher, Federal State Budgetary Institution VNII GOChS (FC), Moscow, Russian Federation, e-mail: kotova_arina@list.ru

Международное сотрудничество в области борьбы с эпидемиями и чрезвычайными ситуациями: особенности правового регулирования

© А. В. Колосов, 2020

Аннотация. Проводится анализ международного сотрудничества в области борьбы с эпидемиями и чрезвычайными ситуациями. Подчеркивается, что отсутствие эффективных механизмов взаимодействия между странами делают исследование вопросов международного сотрудничества особенно актуальным.

Ключевые слова: международное сотрудничество, чрезвычайная ситуация, эпидемия.

В современном обществе безопасность – основа стабильных отношений. Многообразие угроз порождает необратимые последствия и ставит под угрозу жизни отдельных людей и население многих государств. При этом происходит значительное совершенствование и развитие науки, техники и экономики. В результате возникают риски появления новых чрезвычайных ситуаций и, как следствие, необходимость поиска новых подходов к обеспечению безопасности, методам и способам преодоления кризисных ситуаций.

Эпидемии, как показывает история, всегда представляли собой опаснейшую угрозу для всего человечества. Люди боролись с ними и пытались их искоренить.

Новые проблемы, с которыми столкнулось человечество в последнее время, и отсутствие эффективных механизмов взаимодействия между странами делают исследование вопросов международного сотрудничества в области борьбы с эпидемиями и чрезвычайными ситуациями особенно актуальным.

Прогнозы на перспективу показывают, что в ближайшие годы будет сохраняться высокая степень риска появления разнообразных масштабных чрезвычайных ситуаций в связи с наличием природных и техногенных угроз [1].

Особое значение приобретает «биотерроризм», который качественно отличается от других разновидностей терроризма. Появление заболевания в одном географическом регионе может рассматриваться как угроза для другого региона и для всего мира. Контролировать распространение инфекционного заболевания крайне сложно. В природе постоянно возникают новые патогены, против которых еще нет эффективных средств профилактики и лечения.

Человечество пришло к осознанию того, что самостоятельно бороться с эпидемиологическими заболеваниями, проводить превентив-

ные мероприятия и ликвидацию последствий чрезвычайных ситуаций очень сложно и малопродуктивно.

Предупреждение и ликвидация чрезвычайных ситуаций, сдерживание распространения эпидемий на международном уровне является элементом системы обеспечения международной безопасности. На основе системы международной безопасности возможно осуществление тесной взаимосвязи между государствами и иными субъектами международного права в сфере сотрудничества по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций, сдерживанию возникновения и распространения эпидемий.

Система международной безопасности основывается на принципах и нормах международного права. Среди таких принципов можно указать основные принципы международного права, такие как принцип суверенного равенства государств, принцип нерушимости государственных границ и др.

Также международное сотрудничество основывается на отраслевых принципах международного права, среди которых можно отметить следующие: принцип неделимости международной безопасности, принцип ненанесения ущерба безопасности других государств, принцип равной и одинаковой безопасности и др.

Международное сотрудничество в области борьбы с эпидемиями и чрезвычайными ситуациями осуществляется на глобальном, региональном и локальном уровнях. Соответственно, источники правового регулирования вопросов международного сотрудничества могут приниматься также на этих уровнях.

Как отмечает Организация Объединенных Наций, природные и техногенные катастрофы, распространение эпидемий приобретают в настоящее время большие масштабы, а ликвидация их последствий является проблемой для многих экономически развитых государств [2].

В связи с этим глобальный уровень взаимодействия становится все более актуальным, он реализуется посредством деятельности субъектов международного права в рамках Организации Объединенных Наций, Всемирной организации здравоохранения, Международного комитета Красного Креста и др.

Организация Объединенных Наций выступает форумом государств и иных субъектов международного права для изучения имеющегося опыта и подготовки резолюций и программ с целью решения глобальных проблем в области предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, сдерживания распространения эпидемий на международном уровне.

Однако Организация Объединенных Наций не обладает достаточными финансовыми ресурсами для решения этих проблем, и на помощь ей приходят международные экономические институты, например Всемирный банк. Международные экономические организации также берут на себя координационную роль по организации привлечения и накопления денежных средств, необходимых для решения глобальных проблем.

Среди источников глобального уровня правового регулирования можно отметить основные договоры универсального характера. Это, в частности, договоры, направленные на сдерживание гонки ядерных вооружений в пространстве, например Договор об Антарктике 1959 г. и т. п. Договоры, по ограничению количественного наращивания вооружений, такие как Договор о всеобъемлющем запрещении испытаний ядерного оружия 1996 г. и т. п. Договоры о запрете производства отдельных видов оружия, например Конвенция о запрещении разработки, производства и применения химического оружия и его уничтожении 1993 г. и т. п.

Также к группе глобального уровня следует относить документы и официальные материалы Всемирной организации здравоохранения, Всемирного банка, Международного комитета Красного Креста и иных международных организаций, которые принимают конкретные организационно-политические решения, требующие привлечения денежных средств.

Международное сотрудничество субъектов международного права на региональном уровне развивается на базе международных региональных организаций и источников права, создаваемых данными организациями.

В рамках Содружества Независимых Государств действует Межгосударственный совет по чрезвычайным ситуациям природного и техногенного характера, созданный на основе Соглашения о взаимодействии в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера от 22 января 1993 г. В соответствии с данным документом в случае чрезвычайной ситуации природного и техногенного характера участники соглашения оказывают помощь пострадавшему населению. Деятельность Межгосударственного совета призвана координировать действия участников Содружества Независимых Государств с целью региональной интеграции и координации совместных усилий по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Одно из приоритетных направлений деятельности Европейского союза – это борьба с глобальными эпидемиями и опасными инфекци-

онными заболеваниями. Например, на базе Декларации «О приверженности делу борьбы с эпидемией ВИЧ/СПИД» 2004 г. была разработана специальная политика и сформированы программы по реализации положений Декларации.

Также в Европейском союзе был создан механизм гражданской защиты Союза, состоящий из различных структур, таких как директоры, департаменты, министерства и т. п. Данные структурные подразделения оказывают поддержку государствам, которые пострадали от различного рода катастроф и бедствий.

К локальному уровню международного сотрудничества относят взаимодействие стран на двусторонней основе. Примером такого сотрудничества является международный договор, заключенный между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой «О добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» от 16 июля 2001 г. Договором предусматривается сотрудничество в военно-технической, научно-технической, торгово-экономической и иных областях.

На этом уровне международного сотрудничества разрабатываются и принимаются документы различных государственных органов, ведомств и структур политического, экономического, медицинского и иных профилей и направлений. Государства проводят активную внутреннюю политику в области ликвидации причин и последствий чрезвычайных ситуаций и борьбы с глобальными эпидемиями и являются инициаторами разработки программ и проектов в данной сфере в международном масштабе.

Например, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации отмечается, что развитие мира идет по пути глобализации всех сфер международной жизни, которая отличается высоким динамизмом и взаимозависимостью событий. Указывается, что на долгосрочную перспективу Российская Федерация будет стремиться выстраивать международные отношения на основе международных принципов, обеспечения надежной и равной безопасности государств.

Таким образом, международное сотрудничество в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, борьбы с эпидемиями и инфекционными заболеваниями представляет собой деятельность государств и других субъектов международного права, направленную на всестороннее взаимодействие и развитие механизма совместных действий при возникновении чрезвычайных ситуаций и эпидемий, основанную на принципах и нормах международного права.

Литература

1. Рамки для действий по осуществлению международной стратегии уменьшения опасности бедствий (МСУОБ). URL: https://www.un.org/ru/humanitarian/isdr/disaster_framework.pdf (дата обращения: 12.11.2020).

2. Пятый всадник: Генеральный секретарь ООН обновил список угроз человечеству и предложил пути их преодоления. URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/09/1386302> (дата обращения: 12.11.2020).

International Cooperation in the Fight Against Epidemics and Emergencies: Features of Legal Regulation

© A. V. Kolosov, 2020

Abstract. The article is devoted to the analysis of international cooperation in the field of combating epidemics and emergency situations. The lack of effective mechanisms for interaction between countries makes the study of international cooperation issues particularly relevant.

Keywords: international cooperation, emergency, epidemic.

Колосов Александр Викторович – кандидат юридических наук, доцент, кафедра международного права и сравнительного правоведения, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: lex.x@mail.ru

Kolosov Aleksandr Viktorovich – Candidate in Law, Associate Professor, International and Comparative Law Department, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: lex.x@mail.ru

УДК 341.1[(470)+(571)]+(574)

Опыт работы специалистов МЧС России в статусе экспертов МОГО в Республике Казахстан

© О. А. Морозова, 2020

Аннотация. Приводится информация об опыте работы специалистов МЧС России в статусе экспертов МОГО в Республике Казахстан в 2020 г. Предлагается описание учебного курса МОГО, ориентированного на обучение специалистов, работающих на действующем опасном производственном объекте добычи и переработки природных ресурсов. Кратко рассматривается роль трех международных организаций (ОБСЕ, МОГО, СНГ) в области снижения риска бедствий.

Ключевые слова: ОБСЕ, МОГО, СНГ, снижение риска бедствий, МЧС России, сотрудничество, Казахстан.

Когда мы говорим о роли международных организаций в области снижения риска бедствий, хотелось бы выделить три международные организации, в работе которых принимают участие специалисты МЧС России. Это международная организация гражданской обороны (МОГО), Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и Содружество Независимых Государств (СНГ).

СНГ – международная организация, регулирующая отношения сотрудничества между государствами, ранее входившими в состав

СССР. Учитывая важность объединения усилий государств, 22 января 1993 г. Совет глав правительств СНГ принял Соглашение о взаимодействии в области предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. В соответствии с данным соглашением для эффективной реализации его положений создан Межгосударственный совет по чрезвычайным ситуациям природного и техногенного характера, в рамках которого сформированы две рабочие структуры – Корпус сил Содружества Независимых Государств для ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и Научно-координационный совет базовой организации государств – участников СНГ в области науки и высоких технологий по защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций. Базовой организацией государств – участников Содружества Независимых Государств в области науки и высоких технологий по защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций является ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), головной научно-исследовательский институт МЧС России.

ОБСЕ – крупнейшая в мире региональная организация, занимающаяся вопросами безопасности. ОБСЕ придерживается всеобъемлющего подхода, охватывающего три измерения – военно-политическое, экономико-экологическое и человеческое. МЧС России выступает в ОБСЕ в рамках экономико-экологического измерения по теме снижения риска бедствий, докладывая о деятельности как на территории нашей страны, так и в регионе ОБСЕ. Снижение риска бедствий в Российской Федерации осуществляется с учетом обязательств, содержащихся в решении СМИД ОБСЕ № 6/14.

МОГО – единственная межправительственная организация, которая специализируется в области гражданской обороны и защиты гражданского населения на международном уровне. Российская Федерация является членом МОГО с 1993 г. Распоряжением Правительства РФ от 22 февраля 1993 г. представлять Россию в этой международной организации поручено также МЧС России. С этого времени министерство имеет представителей в постоянном секретариате МОГО и участвует во всех основных мероприятиях, проводимых этой организацией.

В рамках своего Устава МОГО:

- способствует сотрудничеству в области гражданской обороны между государствами-членами;
- создает форум, открытый для заинтересованных государств и организаций, для содействия обмену опытом в вопросах гражданской обороны и борьбы со стихийными бедствиями;

- принимает активное участие в распространении норм международного гуманитарного права, касающихся гражданской обороны;
- а также регулярно приглашает экспертов проводить работы по оценке рисков, оказывать консультативную помощь государствам-членам в реализации новых проектов.

Российские специалисты были приглашены в статусе экспертов-преподавателей МОГО в рамках подготовки в 2020 г. нового учебного курса под эгидой МОГО: «Комплексная оценка и управление рисками чрезвычайных ситуаций на объектах добычи и переработки природных ресурсов» (на примере магистральной трубопроводной системы для транспортировки нефти). Этот курс предназначен для руководителей и специалистов в области защиты от чрезвычайных ситуаций, руководителей и специалистов организаций, эксплуатирующих опасные производственные объекты. Впервые обучение по данному учебному курсу было проведено в Республике Казахстан с работниками аварийно-спасательной службы «Өрт сөндіруші» на примере действующего опасного производственного объекта – магистрального трубопровода КПК – Большой Чаган – Атырау. Магистральный трубопровод КПК – Большой Чаган – Атырау предназначен для транспортировки нефти месторождения от головной нефтеперекачивающей станции на Карачаганакском перерабатывающем комплексе до терминала в г. Атырау. Объем перекачки нефти составляет 10 млн т/год (1494 м³/час). Трасса нефтепровода проходит по территории Западно-Казахстанской и Атырауской областей, пересекая всю территорию Республики Казахстан, в том числе 22 автомобильные, 2 железные дороги и 25 водных преград.

Учебный курс является краткосрочным (72 часа) видом обучения и направлен на углубленное изучение актуальных проблем управления рисками чрезвычайных ситуаций на объектах добычи и переработки природных ресурсов. В занятиях участвовали 90 работников аварийно-спасательной службы, из них 60 человек теоретическую часть слушали удаленно, без отрыва от производственной деятельности. Учебный курс состоял из двух частей – теоретической и практической. В теоретической части слушатели учебного курса изучали теоретические основы оценки и управления рисками чрезвычайных ситуаций в общем, а также применительно к магистральной трубопроводной системе для транспортировки нефти, знакомились с международными нормами в области обеспечения безопасности на объектах добычи и переработки природных ресурсов и особенностями международного сотрудничества в сфере обеспечения безопасности на опасных производственных объектах.

Практическая часть была реализована в два этапа. На первом этапе слушатели закрепляли теоретические знания, полученные в первой (теоретической) части обучения, путем решения ситуационных задач (Table Top Exercises). В рамках решения ситуационных задач были определены параметры возможных ЧС, рассчитывались необходимые силы и средства локализации и ликвидации ЧС с учетом заданных исходных данных о чрезвычайной ситуации. На втором этапе практической части полученные теоретические и практические знания закреплялись в ходе тренировки по управлению рисками ЧС на объектах Карачаганак-Атырау транспортной системы (КАТС).

Данный учебный курс является объектно ориентированным – практические занятия в формате ситуационных задач и тренировок проводятся на реальном объекте или на его имитации. Для тренировки подготовлена специальная площадка на базе учебно-тренировочного комплекса ПАСЧ-35, созданы натурные участки КАТС, осуществлена имитация трех видов аварий: разгерметизация задвижки нефтяного трубопровода, задымление в насосной, разлив нефти в реку Урал.

В качестве методических материалов к учебному курсу подготовлен аналитический отчет «Комплексная оценка риска чрезвычайных ситуаций на магистральном трубопроводе Карачаганак-Атырау транспортная система». По завершении учебного курса был проведен круглый стол по обсуждению проблемных вопросов.

В 2020 г. на деятельность практических учебных курсов негативно повлияла коронавирусная пандемия, и данный учебный курс под эгидой МОГО стал единственным реализованным в рамках международного сотрудничества с учетом санитарно-эпидемиологических ограничений в различных странах мира.

Work Experience of EMERKOM OF Russia Specialists in the Status of ICDO Experts in the Republic of Kazakhstan

© O. A. Morozova, 2020

Abstract. This article provides information about the experience of EMERCOM of Russia experts on the status of MKO experts in the Republic of Kazakhstan in 2020. The article describes the ICDO's training course, which is aimed at training specialists working at an existing hazardous production facility for the extraction and processing of natural resources. Information is provided on the role of three international organizations (OSCE, ICD, CIS) in disaster risk reduction.

Keywords: OSCE, ICDO, CIS, disaster risk reduction, EMERCOM of Russia, cooperation, Kazakhstan.

Морозова Оксана Александровна – старший научный сотрудник, ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), г. Москва, Россия, e-mail: oxana_morozova@list.ru

Morozova Oxana Aleksandrovna – Senior Researcher, All-Russian Scientific Research Institute of Civil Defense and Emergency Situations EMERCOM of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: oxana_morozova@list.ru

Международные стандарты в области защиты от бедствий и управления рисками чрезвычайных ситуаций

© И. Ю. Олтян, О. А. Дерендяева, 2020

Аннотация. Представлены общие сведения о деятельности технического комитета Международной организации по стандартизации ИСО/ТК 292 «Безопасность и устойчивость». Обоснована необходимость и приведены подходы к разработке международного рамочного стандарта «Управление чрезвычайными ситуациями».

Ключевые слова: ИСО, международный стандарт, технический комитет, управление чрезвычайными ситуациями.

Затопление АПЛ «Курск» в Баренцевом море 12 августа 2000 г.¹ показало, что международному сообществу не хватает инструментов, необходимых для эффективного сотрудничества в чрезвычайных ситуациях. Вследствие этого Росстандарт выступил с инициативой создания международного комитета по стандартизации ISO/ТК 223 «Гражданская оборона» (Civil Defense) и стал его председателем [1, с. 53]. В первые годы комитет практически бездействовал, но после ряда крупномасштабных чрезвычайных ситуаций в 2005 г. возобновил свою работу, был переименован в ИСО/ТК 223 «Социетальная безопасность» (Societal Security) под председательством Швеции [Там же]. В русском языке термин «социетальный» уже используется в социологии и политологии, однако пока оставался и продолжает оставаться чуждым для специалистов в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций [2, с. 57], что несколько ограничивало деятельность профильных экспертов по безопасности в ЧС в данном комитете.

В 2015 г., после объединения нескольких технических и проектных комитетов, занимающихся вопросами безопасности: ИСО/ТК 223 «Социетальная безопасность», частично ИСО/ТК 8 «Судостроение и морские технологии», ИСО/ТК 247 «Меры по предотвращению и контролю мошенничества», ИСО/ПК 284 «Система менеджмента для качественной работы фирм по обеспечению личной безопасности. Требования и руководство», был создан международный технический комитет ИСО/ТК 292 «Безопасность и устойчивость» [3, с. 58].

По состоянию на 2020 г. технический комитет ИСО/ТК 292 «Безопасность и устойчивость» насчитывает 49 полноправных членов (национальных органов по стандартизации) и 20 наблюдателей² (рис. 1).

¹ https://ru.wikipedia.org/wiki/K-141_«Курск»#Спасательные_работы

² <https://www.isotc292online.org/>

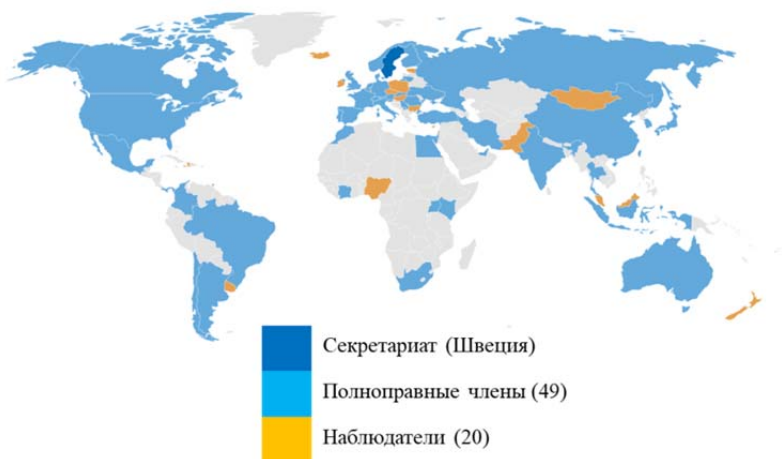

Рис. 1. Географическое распределение участников ISO/TK 292 «Безопасность и устойчивость»

Цель разработки международных стандартов в области безопасности – повышение эффективности управления ЧС, особенно в развивающихся странах. Международные эксперты по стандартизации в рамках работы проектных групп гармонизируют национальные и международные стандарты, унифицируют требования, обусловленные спецификой различных стран.

Техническим комитетом к настоящему моменту опубликовано 39 международных стандартов в области защиты от бедствий и управления рисками ЧС, среди которых:

ISO 22398 Социетальная безопасность – Руководство для проведения учений;

ISO 22320 Безопасность и устойчивость – Менеджмент чрезвычайных ситуаций – Руководство по управлению инцидентами;

ISO 22322 Социетальная безопасность – Менеджмент чрезвычайных ситуаций – Руководство по оповещению населения;

ISO 22324 Социетальная безопасность – Менеджмент чрезвычайных ситуаций – Руководство по цветовым кодам опасности;

ISO 22325 Социетальная безопасность – Менеджмент чрезвычайных ситуаций – Руководство по оценке потенциала;

ISO 22326 Безопасность и устойчивость – Менеджмент чрезвычайных ситуаций – Руководство по мониторингу объектов с идентифицированными опасностями;

ISO 22327 Безопасность и устойчивость – Менеджмент чрезвычайных ситуаций – Руководство по внедрению общинных систем раннего оповещения об оползнях;

ISO 22328-1 Безопасность и устойчивость – Менеджмент чрезвычайных ситуаций – Руководство по внедрению общинных систем раннего оповещения о природных опасностях.

В последние годы вопросы стандартизации приобретают важнейшее значение для решения задач в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций [4, с. 9]. Приказом Росстандарта от 22.01.2015 № 55 обязанности постоянно действующего национального органа в ISO/TK 202 «Безопасность и устойчивость» возложены на ТК 071 «Гражданская оборона, предупреждение и ликвидация чрезвычайных ситуаций».

С 2011 г. российскими международными экспертами по стандартизации в рамках деятельности в ISO/TK 292 «Безопасность и устойчивость»:

- рассмотрено более 30 проектов стандартов на различных стадиях разработки, российские эксперты приняли непосредственное участие в разработке 8 международных стандартов;
- зарегистрировано 6 официальных переводов международных стандартов;
- разработано 4 национальных стандарта на основе международных стандартов ИСО;
- разработан международный стандарт ISO 22326:2018 Security and resilience – Emergency management – Guidelines for monitoring facilities with identified hazards (Руководство по мониторингу объектов с идентифицированными опасностями).

Анализ утвержденных стандартов и бизнес-плана технического комитета показал, что в его работе отсутствует системный подход к разработке стандартов. Требуется разработка основополагающих стандартов в каждой из ключевых областей деятельности технического комитета, содержащих общие положения для рассматриваемой области.

Деятельность по разработке международных стандартов регламентирована Директивами ИСО/МЭК (Часть I: Процедуры технической работы). В соответствии с требованиями Директив в 2018 г. на 6-м пленарном заседании ИСО/TK 292 по предложению российских экспертов утверждена предварительная рабочая тема под названием Security and Resilience – Emergency Risk Management (Управление рисками ЧС). Началась разработка проекта международного стандарта. В соответствии с Директивами проектной группой под руководством российского эксперта подготовлен и утвержден решением № 877 от 21.02.2020 новый проект в программе работы комитета – ISO/NWIP

22350 (Security and resilience – Emergency Management – Framework) (Рамочный стандарт по управлению чрезвычайными ситуациями). Срок разработки стандарта – 36 месяцев.

В международном стандарте будут обобщены лучшие проверенные жизнью подходы к управлению чрезвычайными ситуациями, при этом стандарт должен быть кратким и четким.

Под управлением чрезвычайными ситуациями в стандарте понимается общий подход к предотвращению чрезвычайных ситуаций и действиям по реагированию и восстановлению. Процесс управления ЧС представлен непрерывным циклом в четырех фазах: предотвращение/смягчение последствий, готовность, реагирование и восстановление (рис. 2).

Рис. 2. Цикл управления ЧС

Стандарт будет иметь древовидную структуру, рассматривать все четыре упомянутые выше фазы ЧС.

Стандарт будет отнесен к основополагающим организационно-методическим стандартам, устанавливающим принципы, а также общие положения по проведению работ в каждой из четырех фаз чрезвычайной ситуации.

Литература

1. Крапухин В. В., Ляховец Т. Л. Международная стандартизация в области гражданской защиты // Технологии гражданской безопасности. 2014. Т. 11, № 1 (39). С. 52–57.
2. Крапухин В. В., Ляховец Т. Л. О работе ИСО/ТК 223 «Гражданская защита» // Стандарты и качество. 2014. № 5. С. 56–58.
3. Крапухин В. В., Ляховец Т. Л. Стандарты в области безопасности: реструктуризация ТК ИСО // Стандарты и качество. 2015. № 9. С. 58–61.
4. Стандартизация в области гражданской обороны и защиты от чрезвычайных ситуаций : в 2 т. / В. А. Акимов [и др.]. М., 2017. Т. 1. 468 с.

International Standards in Area of Civil Defense and Emergency Risk Management

© I. Yu. Oltyan, O. A. Derendyaeva, 2020

Abstract. Provides an overview of activities of the ISO / TK 292 Safety and Resilience Technical Committee. The necessity is substantiated and approaches to the development of an international framework standard are given "Emergency management".

Keywords: ISO, international standard, technical committee, emergency management.

Олтян Ирина Юрьевна – кандидат технических наук, ученый секретарь, ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), г. Москва, Россия, e-mail: irenaoltyan@mail.ru

Oltyan Irina Yurievna – Candidate in Technical Sciences, Scientific Secretary, All-Russian Research Institute for Civil Defense and Emergencies, Moscow, Russian Federation, e-mail: irenaoltyan@mail.ru

Дерендяева Ольга Александровна – младший научный сотрудник, ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), г. Москва, Россия, e-mail: derendyaeva94@mail.ru

Derendyaeva Olga Alexandrovna – Junior Researcher, All-Russian Research Institute for Civil Defense and Emergencies, Moscow, Russian Federation, e-mail: derendyaeva94@mail.ru

УДК 341.1(4)

Роль наднациональности ЕС в формировании системы защиты от бедствий

© Э. А. Павельева, 2020

Аннотация. Рассматривается формирование механизма оказания гуманитарной помощи в случае чрезвычайных ситуаций и стихийных бедствий в рамках Европейского союза. Раскрываются положения о регулировании и институциональном механизме, созданном в рамках европейского интеграционного объединения. Утверждается, что наднациональное регулирование, закрепленное Лиссабонским договором, осуществляется регламентарно и оказывает благоприятное воздействие на реализацию сотрудничества государств в рамках ЕС по вопросам оказания гуманитарной помощи при защите от бедствий.

Ключевые слова: Европейский союз, европейская солидарность, наднациональность, стихийные бедствия, чрезвычайная ситуация, гуманитарная помощь.

Европейский союз и его государства-члены являются ведущими донорами гуманитарной помощи в мире. Оказание помощи при чрезвычайных ситуациях следует рассматривать как выражение европейской солидарности по отношению к оказавшимся в трудном положении людям во всем мире. Программы ЕС направлены на спасение жизней, предотвращение и облегчение человеческих страданий и защиту неприкосновенности человеческого достоинства населения, пострадавшего от стихийных бедствий и антропогенных кризисов.

Управление гражданской защиты и операций по оказанию гуманитарной помощи, созданное в ЕС, ежегодно помогает миллионам жертв конфликтов и стихийных бедствий.

Гуманитарная помощь рассматривается ЕС как фундаментальное выражение универсальных ценностей солидарности между народами и является моральным императивом. ЕС благодаря бюджету, превышающему 1 млрд евро, является главным в мире донором гуманитарной помощи, осуществляющим эту деятельность посредством финансирования, предоставления товаров, услуг или технической помощи, направленной на безотлагательное преодоление кризисов, которые могут серьезно повлиять на население во всем мире.

Регулирование оказания помощи при стихийных бедствиях обеспечивается нормами учредительного акта – Договора о функционировании ЕС [1]. В частности, п. 4 ст. 4 предусматривает компетенцию ЕС на проведение мероприятий и общей политики в сферах сотрудничества в поддержку развития и гуманитарной помощи. В то же время указано, что такой объем компетенции не должен препятствовать государствам-членам осуществлять свою собственную компетенцию. Стоит отметить, что еще в Договоре, учреждающем Европейское сообщество (в редакции Ниццкого договора) [2], оказание помощи при чрезвычайных ситуациях и стихийных бедствиях производится только в рамках сообщества. Так, в п. 2 ст. 100 устанавливается возможность оказания финансовой помощи государству-члену, испытывающему сложности, вызванные стихийными бедствиями. Такая помощь может быть предоставлена на определенных условиях на основании решения Совета по предложению Комиссии и при обязательном информировании Европейского парламента. Интересной представляется ст. 87, где в ч. 2 п. 2b, где установлено, что помощь, имеющая целью возместить ущерб, причиненный стихийными бедствиями или какими-либо другими чрезвычайными происшествиями, может рассматриваться как совместимая с общим рынком.

Таким образом, можно резюмировать, что регулирование вопросов оказания помощи при стихийных бедствиях и чрезвычайных ситуациях на уровне интеграционного объединения было закреплено лишь в Лиссабонском договоре. Государства-члены наделили ЕС на то компетенцией, и это означало, что данный вопрос уже входит в сферу наднационального регулирования. Стоит отметить, что наднациональное регулирование в свою очередь затрагивает не только внутреннее оказание помощи, но и внешнее. То есть Союз закрепил полномочия на принятие решения по оказанию помощи третьим государствам. В то же время положения ст. 87 полностью были заимствованы ст. 107. То есть при оказании помощи государства не должны осуществлять действия,

противоречащие принципам внутреннего рынка, а также оказывающие на него негативное последствие.

Особое значение имеет гл. 3 Лиссабонского договора, закрепляющая положения о гуманитарной помощи. В статьях данной главы определяются механизмы оказания гуманитарной помощи Европейским союзом третьим странам. Это стало возможным, поскольку данная сфера относится к внешней политике ЕС. В статье 214 определено, что государства проводят мероприятия в области оказания гуманитарной помощи, исходя из целей общей внешней политики, и направлены они на предоставление в адресном порядке содействия, помощи и защиты населению третьих стран, пострадавшему от катастроф, вызванных природными факторами или человеком, в целях удовлетворения гуманитарных потребностей, которые возникают в результате этих различных ситуаций. В соответствии с п. 2 указанной статьи Европейский парламент и Совет устанавливают правовые основы осуществления таких мероприятий. Кроме того, в п. 6 определено право Комиссии на инициативу для содействия координации мероприятий Союза и государств-членов с целью усиления эффективности и взаимодополняемости существующих в Союзе и на национальном уровне механизмов гуманитарной помощи.

В соответствии с положениями Лиссабонского договора в 2007 г. подписан Советом, Европейским парламентом и Европейской комиссией Европейский консенсус по вопросам гуманитарной помощи [3]. Для улучшения согласованности, эффективности и качества гуманитарного реагирования ЕС были определены фундаментальные принципы гуманитарной помощи:

- гуманности, означающий, что необходимо оказывать помощь при наличии человеческих страданий, где бы человек ни находился, с особым вниманием к наиболее уязвимым людям, уважая в то же время достоинство всех жертв;
- нейтралитета, предполагающий оказание помощи независимо от стороны конфликта или пострадавшего от стихийного бедствия государства;
- беспристрастности, не допускающий дискриминации и основанный исключительно на необходимости;
- независимости, означающий автономию гуманитарных целей от политических, экономических, военных или других целей.

Гуманитарная деятельность ЕС также придерживается принципа солидарности, провозглашенного в Лиссабонском договоре, который

указывает, что ЕС предоставляет помощь и защиту жертвам стихийных бедствий и антропогенных катастроф, одновременно укрепляя сотрудничество между государствами-членами с этой целью.

В формировании механизма оказания помощи при стихийных бедствиях и чрезвычайных ситуациях значительную роль сыграл Совет, приняв в 1996 г. постановление об учреждении **Института гуманитарной помощи ЕС** [4], в котором излагаются условия осуществления гуманитарных операций Европейской комиссией от имени ЕС. Компетентным органом является рабочая группа по «гуманитарной помощи и продовольственной помощи», в сферу действий которой входят:

- мониторинг гуманитарных потребностей во всем мире и коллективное реагирование ЕС (государства-члены совместно с Европейской комиссией);
- подготовка заявлений ЕС перед соответствующими международными форумами и организациями;
- продвижение Европейского консенсуса по гуманитарной помощи, гуманитарных принципов и уважения международного гуманитарного права

Стоит отметить, что регулирование вопросов оказания помощи при чрезвычайных ситуациях осуществляется посредством регламентов. Это акты, нормы которых обладают верховенством и прямым действием. Так, например, 29 мая были приняты поправки в Регламент об оказании гуманитарной помощи, касающиеся вспышки коронавирусной болезни (COVID-19), объявленной Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) пандемией 11 марта 2020 г. В данных поправках предлагается оказывать содействие и помощь третьим государствам, наиболее уязвимым в условиях пандемии [5].

Разработка, принятие нормативного регулирования, а также реализация и контроль за реализацией осуществляются в рамках Европейской комиссии, а именно этим занимается Генеральный директорат по европейской гражданской защите и операциям по оказанию гуманитарной помощи – генеральное управление Европейской комиссии, которое ведает защитой жизней, предотвращением и облегчением человеческих страданий. Он состоит из главного офиса в Брюсселе и различных отделений на местах, которые предоставляют актуальный анализ существующих и прогнозируемых потребностей в данном регионе или стране, вносят свой вклад в разработку политики и оказывают техническую поддержку финансируемым операциям, обеспечивая таким образом адекватный мониторинг этих вмешательств. Также в рамках

ЕС создан **Координационный центр реагирования на чрезвычайные ситуации**. Этот центр является частью механизма гражданской защиты ЕС и координирует помощь странам, пострадавшим от стихийных бедствий, предоставляя предметы помощи, группы гражданской защиты, специализированное оборудование и знания; он координирует действия всех государств – членов ЕС, пострадавшей страны, а также экспертов по гражданской защите и гуманитарных вопросов. Центр работает круглосуточно и без выходных, помогая любой стране внутри или за пределами ЕС по запросу от органа Организации Объединенных Наций или от национальных властей.

Исходя из анализа Лиссабонского договора, который закрепляет гуманитарную помощь как сферу внешней политики, можно сделать вывод, что регулирование данного вопроса отведено на наднациональный уровень. Нормативно-правовая база, формируемая Советом и Комиссией из регламентов, также подтверждает это. Стоит учитывать, что наделение ЕС государствами – членами подобными полномочиями в данной сфере дает возможность создавать благоприятный имидж Союзу, а также контролировать государства-члены. Учреждение специальных органов в рамках ЕС позволяет говорить о важности регулирования оказания гуманитарной помощи, подчинения государств данным органам. Вся практика оказания помощи ЕС третьим государствам в случае чрезвычайных ситуаций приводит к заключению о достаточной эффективности механизма, выработанного в рамках интеграционного объединения. Более того, наднациональное регулирование основано на принципах европейской солидарности, что способствует более тесному сотрудничеству государств в условиях современных угроз.

Литература

1. Договор о функционировании Европейского союза (новая редакция). URL: <https://eulaw.ru/treaties/tfeu/>
2. Договор об учреждении Европейского экономического сообщества. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901771692>
3. The European consensus on humanitarian aid. The humanitarian challenge. URL: https://ec.europa.eu/echo/files/media/publications/consensus_en.pdf
4. EU humanitarian aid instrument. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=LEGISSUM%3Ar10001>
5. Proposal for a regulation of the European parliament and of the Council amending Regulation (EC) N° 1257/96 of 20 June 1996 concerning Humanitarian Aid COM/2020/461 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:52020PC0461&qid=1592225110024>

The Role of the EU's Supranational Character in Shaping a Disaster Protection System

© E. A. Paveleva, 2020

Abstract. The article discusses the formation of a mechanism for the provision of humanitarian assistance in case of emergencies and natural disasters within the European Union. The provisions on regulation and institutional mechanism created within the framework of the European integration association are disclosed. It is argued that the supranational regulation enshrined in the Lisbon Treaty is carried out in a regulatory manner and has a beneficial effect on the implementation of cooperation between states within the EU on the provision of humanitarian assistance to protect against disasters.

Keywords: European Union, European solidarity, supranationality, natural disasters, emergency, humanitarian aid.

Павельева Эвелина Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент, кафедра международного права, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия, e-mail: evelinap@mail.ru

Paveleva Evelina Anatolyevna – Candidate in Law, Associate Professor, Department of International Law, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, e-mail: evelinap@mail.ru

УДК 341.1/8:004.056

Защита персональных данных в период борьбы с бедствиями: международно-правовые аспекты

© Т. Ю. Сидорова, 2020

Аннотация. Отмечается, что пандемия 2020 г. не только бросила вызов системам здравоохранения, но и затронула другие болезненные аспекты взаимоотношений человека и государства, в частности защиты персональных данных, используемых в рамках противоэпидемических мероприятий. Анализируются основные проблемы и формулируются предложения по совершенствованию правового регулирования международного информационного обмена в этой сфере.

Ключевые слова: защита персональных данных, пандемия, GDPR.

Информационное пространство заставляет государства переосмысливать свои подходы к регулированию многих аспектов правоотношений. Довольно большим изменениям подвергается сфера прав человека. Пожалуй, самым существенным изменением последних нескольких лет стало ужесточение правил сбора и обработки персональных данных. Государства стремятся поставить под контроль деятельность организаций, работающих с персональными данными, не только исключив несанкционированный доступ к ним, но и установив ограничения на передачу их третьим лицам. Однако только 2020 г. показал, насколько большое значение имеет для государства вопрос сбора и обработки персональных данных в условиях проведения противоэпидемических мероприятий, связанных с контролем социальных контактов, перемещения граждан и т. п.

Как и в отношении многих новых для государств явлений, о защите персональных данных можно сказать, что как таковые универсальные правила, выраженные в форме международных обязательств, отсутствуют.

Если говорить о фундаментальных правилах, то следует базироваться на нормах о правах человека, в частности о защите частной жизни. Это право закреплено как во Всеобщей декларации прав человека [1], так и в Пакте о гражданских и политических правах [2], а также повторено во всех региональных конвенциях и конституциях государств. В цифровом мире неприкосновенность частной жизни распространяется и на сбор и обработку персональных данных.

В контексте специального регулирования данного вопроса можно отметить, например, Европейскую конвенцию о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных [3]. Данная конвенция требует от государств разработать и внедрить законодательство по обращению с персональными данными. На основе имплементации этой конвенции было принято законодательство о персональных данных в Российской Федерации [4]. Важное значение конвенции заключается в том, что она способствовала гармонизации законодательства стран – членов Совета Европы.

Однако не стоит забывать, что некоторые европейские страны являются еще и членами Европейского союза, где в настоящее время правовое регулирование защиты персональных данных унифицировано Регламентом по защите персональных данных – GDPR (General Data Protection Regulation) [5]. Одной из особенностей регламента в сравнении с национальным законодательством других стран является его экстерриториальность. Регламент не только является предметом научно-исследовательских работ, но и рассматривается едва ли не как образец законодательства, которое обеспечивает наилучшие условия по защите персональных данных для человека. Регламент устанавливает право человека обращаться к субъектам, занимающимся сбором персональных данных, с требованием раскрыть, какие данные были собраны. Еще одной отличительной чертой Регламента выступает разделение степени ответственности между субъектами, которые только обрабатывают персональные данные, и субъектами, которые их собирают, обрабатывают и используют. Последние несут повышенную ответственность.

Поскольку многие операторы персональных данных скрывают их утечку, то Регламент устанавливает штраф до 20 млн евро за утаивание и непринятие мер по защите персональных данных.

За пределами Европейского союза отсутствует унификация законодательства. Каждое государство имеет свои особенности. Так, например, Федеральный закон «О защите персональных данных» не содержит указания на его экстерриториальное действие, но включает норму об обязанности хранить персональные данные россиян только на территории России. Данное положение вызвало в свое время большое недовольство компаний. Социальная сеть LinkedIn вообще предпочла заявить о нежелании исполнять данное требование и была заблокирована по иску Роскомнадзора.

Пандемия коронавирусной инфекции в 2020 г. заставила государства быстро принимать решения относительно противозидемических мер, направленных на предотвращение распространения эпидемии и снижение ее неблагоприятных последствий. Опыт почти всех государств показал, что не удалось обойтись без ограничений прав человека. И если ограничение свободы передвижения в целом не является чем-то новым, то ограничение защиты частной жизни, затронувшее персональные данные, стало первым таким случаем массового использования государствами средств цифрового контроля за населением.

Опыт государств отличается, но можно отметить общие меры: тестирование на наличие инфекции, выявление контактов заболевших и их отслеживание, изоляция больных, которым не требуется госпитализация, требования по использованию защитных средств, соблюдению безопасной дистанции в общественных местах. Часть этих мер, таких как сбор информации о состоянии здоровья, передвижении, контактах, контроль физического местонахождения лица, круга общения, имеет непосредственное отношение к защите персональных данных. Действия властей Республики Корея, Китая, Израиля и многих других показывает, что государства не могут обойтись без сбора и обработки таких данных [6]. Более того, чем эффективнее организован этот процесс, тем более результативными являются все меры, направленные на предотвращение распространения заболевания.

Тем не менее стоит отметить, что в условиях пандемии входят в конфликт два основных принципа – свободного информированного согласия на сбор и обработку персональных данных и общественного интереса по сохранению здоровья неопределенного круга лиц. В целом можно сказать, что все акты, регулирующие защиту персональных данных, содержат указание на особые случаи отступления в интересах общества. Это позволяет государственным органам в период пандемии собирать и обрабатывать персональные данные без согласия и/или судебного решения.

Такое простое решение проблемы на самом деле несет в себе ряд угроз.

В первую очередь следует подчеркнуть, что в обработку персональных данных вовлечены организации, которые до этого не работали с большими массивами персональных данных, соответственно, не имеют опыта, оборудования и необходимого программного обеспечения. Как следствие, это создает опасность утечек данных. За все время пандемии среди всего объема несанкционированного доступа к данным 43 % пришлось на медицинские учреждения. Кроме того, известны случаи утечек из транспортных компаний, муниципальных и государственных органов [7]. Вопрос об их ответственности за это не ставился. Также надо отметить, что основной причиной утечки называют не хакерские атаки, а «социальный инжиниринг», который предполагает воздействие на жертву, с тем чтобы она добровольно совершила требуемые действия.

Основные проблемы с данными, полученными в ходе реализации противоэпидемических мер, не исчезнут с окончанием пандемии. Во-первых, не понятно, что будет с этими данными. Хотя анонсируется их уничтожение, но в действительности это может коснуться только их деперсонализации. А вот массивы собранных уже деперсонализированных данных представляют большой экономический интерес. Во-вторых, необходимо развитие культуры обращения с персональными данными и понимание ценности их для защиты права частной жизни. И, наконец, в-третьих, государствам следует рассмотреть вопрос о межгосударственном обмене персональными данными, с тем чтобы снизить, с одной стороны, риски распространения эпидемии, с другой стороны, не останавливать полностью деловую активность. В этом отношении государствам стоит задуматься над правовым регулированием такого международного обмена. В настоящее время никаких норм, устанавливающих обязательство государств в этой сфере, нет, хотя это могло бы помочь избежать закрытия границ, ограничений перемещения, выявлять контакты и их отслеживать. В то же время такие нормы должны учитывать правила обращения с персональными данными, разработанными в рамках отдельных юрисдикций, и не ставить под сомнение защиту частной жизни.

Литература

1. Всеобщая декларация прав человека: Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 25.10.2020).
2. Пакт о гражданских и политических правах 1966 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 25.10.2020).

3. Европейская конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных. URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=0900001680078c46> (дата обращения: 25.10.2020).
4. О персональных данных : федер. закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.04.2020). URL: https://legalacts.ru/doc/152_FZ-o-personalnyh-dannyh/ (дата обращения: 25.10.2020).
5. General Data Protection Regulation. URL: <https://gdpr-info.eu/> (дата обращения: 25.10.2020).
6. Остапюк А. Персональные данные в период пандемии: где граница свободы власти. URL: <https://www.epravda.com.ua/rus/columns/2020/04/13/659279/> (дата обращения: 25.10.2020).
7. Мельникова Ю. COVID-19 раздал 3,5 млн персональных данных. URL: <https://www.comnews.ru/content/208448/2020-08-05/2020-w32/covid-19-razdal-35-mln-personalnykh-dannykh> (дата обращения: 25.10.2020).

Protection of Personal Data during the Disaster: International Legal Aspects

© Т. Yu. Sidorova, 2020

Abstract. The 2020 pandemic challenged not only health systems of the states, but also affected other sensitive aspects of the relationship between a person and the government, in particular, the protection of personal data used in the framework of anti-epidemiological measures. The paper analyzes the main problems and formulates proposals for improving the legal regulation of international information exchange in this area.

Keywords: personal data protection, pandemic, GDPR.

Сидорова Татьяна Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий, кафедры международного права, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия, e-mail: sidorova@sfu-kras.ru

Sidorova Tatiana Yurievna – Candidate in Law, Associate Professor, Head of the Department of International Law, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation, e-mail: sidorova@sfu-kras.ru

УДК 341.1/8(98)

Международное сотрудничество спасательных служб государств в Баренцевом Евроарктическом регионе

© К. В. Хорошилов, 2020

Аннотация. Обсуждаются вопросы международного сотрудничества спасательных служб государств в Баренцевом Евроарктическом регионе, проблемы совместного взаимодействия и применения сводных группировок, а также рассмотрены вопросы оценки их возможностей. Приводятся сведения о международных учениях «Баренц Рескью».

Ключевые слова: международные учения, спасательные службы, «Баренц Рескью».

Совет Баренцева/Евроарктического региона (СБЕР) был создан в 1993 г. как орган межправительственного взаимодействия России, Дании, Исландии, Норвегии, Финляндии, Швеции и Комиссии Европейских сообществ в интересах обеспечения устойчивого развития региона, расширения двустороннего и многостороннего сотрудничества в области экономики, торговли, науки и техники, окружающей среды, инфраструктуры, образования и культурных обменов, туризма, а также

реализации проектов, направленных на улучшение положения коренного населения Севера.

В декабре 2008 г. правительства Финляндии, Норвегии, России и Швеции подписали соглашение о сотрудничестве в области предупреждения чрезвычайных ситуаций, обеспечения готовности к ним и реагирования на них в Баренцевом регионе. Соглашение предусматривает трансграничное сотрудничество в области предупреждения чрезвычайных ситуаций, обеспечения готовности к ним и реагирования на них в регионе.

Цель сотрудничества заключается в расширении возможностей оказания государствами помощи друг другу через национальные границы в случае аварий или стихийных бедствий. Низкая плотность населения в самом северном регионе Европы означает, что ресурсы спасательных служб ограничены и разбросаны по очень большой территории. Иногда ближайшие доступные ресурсы могут находиться в соседней стране. Другими словами, страны региона извлекают пользу из трансграничного сотрудничества в оказании помощи друг другу.

Для выполнения и координации реализации соглашения был назначен Совместный комитет Баренцева региона с участием представителей всех стран Баренцева региона. Соглашение подразумевает спасательные работы, обучение, упражнения. Еще одна цель соглашения – облегчить пересечение границы в случае чрезвычайных ситуаций.

Например, в Республике Карелия упрощенный переход государственных границ спасательными подразделениями осуществляется на основании Протокола взаимодействия между Пограничным комиссаром Российской Федерации по Суоярвскому району и Пограничным комиссаром Финляндской Республики по району Северная Карелия при осуществлении пересечения государственной границы в случаях осуществления спасательной деятельности от 15 марта 2016 г.

Региональное сотрудничество между спасательными службами организуется на основании инструкции по взаимодействию спасательных служб Северной Карелии (Финляндии) и пожарной охраны Республики Карелия (от 16 августа 2007 г., откорректированного 16 марта 2011 г.), утверждающей порядок оповещения, бланк запроса о помощи, действия должностных лиц соответствующих служб и сторон, а также порядок их привлечения [1].

Учения спасательных служб «Баренц Рескью» проводятся один раз в два года поочередно в каждом из четырех государств Баренцева региона. Первые маневры состоялись в 2001 г. в Швеции. Затем учения прошли в Норвегии и Финляндии соответственно в 2005 и 2007 гг. В 2009 г. «Баренц Рескью» проходили на территории Российской Феде-

рации в Мурманской области. За три дня спасатели отработали пять различных сценариев, в том числе радиоактивное заражение окружающей среды, разлив нефтепродуктов. В 2011 г. международные учения состоялись в Швеции, а в 2013 г. в Королевстве Норвегия, где спасатели четырех стран отработали ликвидацию последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Цели проводимых международных учений:

- проверка и оценка соглашения стран Баренцева региона с учетом правовых и административных рамок;
- проверка соответствующих национальных и международных систем оповещения и сигнализации в случае чрезвычайной ситуации;
- проверка и координация информационных потоков для разных целевых групп;
- проверка организации и улучшение связи по радиоканалам;
- оценка работы при медицинской эвакуации пострадавших;
- оценка организации работ при проведении спасательных операций;
- совершенствование знаний, умений и навыков спасательных служб участвующих сторон.

В 2015 г. в соответствии с принятой очередностью и периодом председательства в Совете Баренцева/Евроарктического региона страной проведения учений стала Финляндия.

В качестве основы для общего сценария международных учений спасательных служб «Баренц Рескью – 2015» было выбрано катастрофическое затопление в регионе Киттиля. Сценарий включал в себя тушение условного пожара в шахте, ликвидацию последствий крупного дорожно-транспортного происшествия и проведение учебных поисково-спасательных работ в районе затопления населенного пункта.

Международные учения «Баренц Рескью – 2015» были организованы Центром управления кризисными ситуациями Финляндии и Департаментом спасательных служб в сотрудничестве с Департаментом спасательных служб Лапландии и ведущим Университетом прикладных наук.

В соответствии с планом мероприятий на период председательства Российской Федерации в Совете Баренцева/Евроарктического региона в 2015–2017 гг., утвержденным распоряжением Правительства Российской Федерации № 2621-р от 19.12.2015, в 2017 г. на территории Республики Карелия были проведены международные учения спасательных служб Баренцева/Евроарктического региона «Баренц Рескью – 2017».

Международные учения «Баренц Рескью – 2017» включали в себя:

1) командно-штабные учения по теме «Взаимодействие органов управления, спасательных подразделений при тушении крупного лесного пожара на приграничной территории»;

2) учения по теме «Действия органов управления, спасательных подразделений при ликвидации последствий крупного ДТП на 423 км автодороги “Кола” (Е-105)»;

3) аварийно-спасательные учения по теме «Действия органов управления, спасательных подразделений при ликвидации последствий обрушения гостиницы в результате взрыва газа г. Петрозаводска»;

4) демонстрационные тактико-специальные учения по теме «Действия органов управления, спасательных подразделений при ликвидации последствий столкновения двух судов с последующим пожаром на пассажирском судне, с привлечением современной пожарно-спасательной техники (катеров (судов), авиации (беспилотных аппаратов), роботизированной техники, других наукоемких технологий) на акватории Петрозаводской губы Онежского озера».

Кроме того, в целях подготовки к указанным учениям состоялись три подготовительные конференции, две из которых прошли на территории Республики Карелия: первая коференция – в июне 2016 г. и третья, заключительная, – в июне 2017 г. для утверждения плана проведения международных учений, тематики отрабатываемых задач, состава сил и средств.

Одной из основных проблем, с которой сталкиваются спасательные службы из северных стран, – это социально-психологическая помощь пострадавшим. Те катастрофы, которые происходят на территории одной страны, а жертвами или пострадавшими становятся граждане другой страны, однозначно показывают, что в настоящий момент нет каких-либо четких и согласованных между странами указаний, как работать в такой ситуации.

Проведение учений «Баренц Рескью» полезно для обеспечения слаженной совместной работы спасательных служб, так как позволяет вырабатывать новые подходы к работе по организации взаимодействия.

Не стоит забывать и о том, что в разных странах ввиду различия требований нормативно-правовых документов могут отличаться приоритетные задачи (решающее направление) на месте чрезвычайной ситуации в тех или иных условиях, поэтому слаженность и единство в принятии решения является главным залогом успеха при достижении поставленных целей.

Литература

1. Сайт Главного управления МЧС России по Республике Карелия. URL: <http://www.10.mchs.ru> (дата обращения: 17.09.2020).

International Cooperation of State Rescue Services in the Barents Euro-Arctic Region

© К. В. Khoroshilov, 2020

Abstract. The article is devoted to International cooperation of rescue services of States in the Barents Euro-Arctic region. The problems for joint collaboration and implementation of the consolidated groups, the issues of evaluating their capabilities are also considered, this includes information on the ongoing international exercises Barents Rescue.

Keywords: international exercises, rescue service, Barents Rescue.

Хорошилов Константин Викторович – старший преподаватель, кафедра безопасности жизнедеятельности и здоровьесберегающих технологий, Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Россия, e-mail: ale-ks-na@yandex.ru

Khoroshilov Konstantin Viktorovich – Senior Lecturer, Department of Life Safety and Health-Saving Technologies, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russian Federation, e-mail: ale-ks-na@yandex.ru

**БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ,
ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ
ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ:
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ
И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

УДК 343.4(571.53)

**Влияние чрезвычайной ситуации на прогнозирование преступности
в отдельном субъекте Российской Федерации
(на примере Иркутской области)**

© С. А. Аверинская, В. В. Загайнов, 2020

Аннотация. Исследуются актуальные статистические данные, связанные с распространением пандемии COVID-19 в мире, на 1 октября 2020 г. Анализируются изменения действующего административного и уголовного законодательства России в части нарушения санитарно-эпидемиологических правил в период ЧС, карантина или угрозы распространения заболевания при размещении в СМИ или информационных сетях заведомо недостоверной информации, признаваемой общественно значимой. Изучается динамика состояния и структура преступности в Иркутской области и влияние на ее изменение криминализированных норм, связанных с пандемией.

Ключевые слова: пандемия, COVID-19, изменение административного и уголовного законодательства, санитарно-эпидемиологические правила, угроза распространения заболеванием, публичное распространение заведомо ложной и общественно значимой информации, динамика состояния и структура преступности.

Календарное окончание 2019 г. было ознаменовано появлением неизвестной вирусной инфекции, получившей в последующем наименование COVID-19, захватившей последовательно весь мир. Ни одна страна мира не осталась в стороне от новой угрозы и не смогла безболезненно пережить ее последствия. Ни имеющиеся современные научные медицинские разработки, ни масштабное развитие технического прогресса, ни передовые технологии не позволили легко и без потерь справиться со сложившейся в мире ситуацией. 11 марта 2020 г. Всемирная организация здравоохранения официально, в лице гендиректо-

ра Тедроса Адхана Гебрейесуса, на брифинге в Женеве объявила о состоянии глобальной пандемии – широкомасштабной эпидемии, при которой распространение инфекции наблюдается на территории многих стран и сопровождается повышенной смертностью и тяжелой формой протекания заболевания. По данным Роспотребнадзора, в мире по состоянию на 01.10.2020 зарегистрировано 33 866 783 подтвержденных случая (прирост за сутки 313 469 случаев; 0,93 %), 1 012 556 летальных исходов (прирост за сутки 6 274; 0,62 %) [1].

Реакция каждого государства на сложившуюся ситуацию в условиях пандемии вполне разумна и прогнозируема. Приняты исключительные меры организационного, экономического, политического, социального и правового характера. В этих целях в России приняты Федеральный закон от 01.04.2020 № 99-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» и Федеральный закон от 01.04.2020 № 100-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и ст. 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [2].

Анализ принятых изменений показал, что ужесточена административная ответственность за нарушения санитарно-эпидемиологических правил (невыполнение законных предписаний) в периоды ЧС, карантина или угрозы распространения заболевания; за распространение в СМИ или информационных сетях заведомо недостоверной информации, признаваемой общественно значимой. Криминализированы деяния, предусматривающие уголовную ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия, внесены изменения в ст. 236 УК РФ «Нарушение санитарно-эпидемиологических правил».

Изменение действующего законодательства и криминализация новых составов преступлений, несомненно, отразится на состоянии динамики и структуре преступности как в Российской Федерации в целом, так и непосредственно в отдельно взятом субъекте.

Для расчета прогнозных показателей развития оперативной обстановки в Иркутской области в 2020 г. используется наиболее распространенный метод прогнозирования – статистической экстраполяции динамических рядов. На базе имеющихся статистических данных прошлых лет, с сохранением общей тенденции динамического ряда и путем подбора соответствующей математической функции, будут произведены расчеты прогнозных показателей и построены графики аппроксимации динамических рядов.

Наряду с этим на основе анализа оперативно-служебной деятельности ОВД Иркутской области за 9 месяцев текущего года рассчитаны предполагаемые итоговые показатели по направлениям деятельности за 2020 г., которые будут использованы в графиках прогнозных показателей по состоянию на 1 января 2021 г. (табл.).

Таблица

Показатели	9 мес. 2019 г.	9 мес. 2020 г.	Октябрь 2020 г. (прогноз)	2019 г.	Прогноз на конец 2020 г.	Динами- ка роста/ сниже- ния, %
Зарегистрировано пре- ступлений	32 284	34 212	3752	44 971	45 600	+1,4
тяжкие и особо тяжкие	7433	8207	884	10 790	10 942	+1,4
убийства	220	187	23	278	249	-10,3
УПТВЗ со смертельным исходом	113	95	6	140	127	-9,3
грабежи	956	991	108	1287	1320	+2,6
разбои	120	115	15	177	153	-13,
кражи	12 504	14 754	1700	17 818	19 670	+10,4
квартирные кражи	775	768	298	1093	1024	-6,3
кражи транспорта	356	325	47	446	433	-2,8
незаконный оборот наркотиков	2193	1672	203	2943	2230	-24,2
сбыт наркотиков	915	724	57	1279	965	-24,5
мошенничества	2088	2456	296	2955	3275	+10,8
Выявлено ЭБиПК	1160	1210	93	1522	1613	+6
выявлено ЭБиПК тяж- ких, особо тяжких	553	408	38	708	544	-23
рубки леса (ст. 260 УК РФ)	2085	1715	136	2620	2286	-12,7
Совершено в обще- ственных местах (без ст. 264. 1 УК РФ)	9104	9607	1108	12 790	12 810	+0,2
Совершено на улицах (без ст. 264. 1 УК РФ)	5393	5363	636	7449	7150	-4
Совершено несовер- шеннолетними	1079	874	105	1461	1165	-20,2
Совершено ранее со- вершавшими преступ- ления	5679	5760	684	7664	7680	+0,2

Из приведенных статистических показателей следует, что существенного изменения динамики и структуры преступности на территории Иркутской области по окончании 2020 г. не ожидается.

Изменения уголовного законодательства России весной 2020 г. не отразились на показателях, используемых при прогнозировании развития преступности в отдельном регионе, так как, по данным ГУ МВД России по Иркутской области по состоянию на 1 октября 2020 г., не зарегистрировано ни одного деяния, предусмотренного ст. 207.1 и 207.2 УК РФ.

Литература

1. Статистика коронавируса в мире на 1 октября 2020 года. URL: <https://coronavirus-tracking.ru/statistika-world-01-10-2020/>
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и ст. 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федер. закон от 01.04.2020 № 100-ФЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45406>

Impact of an Emergency Situation on Crime Forecasting in a Separate Subject of the Russian Federation (on the Example of the Irkutsk Region)

© S. A. Averinskaya, V. V. Zagainov, 2020

Abstract. The article discusses current statistics related to the state of the COVID-19 pandemic in the world as of October 1, 2020. The article analyzes changes in the current administrative and criminal legislation of Russia in terms of violations of sanitary and epidemiological rules during an emergency, quarantine, or threat of spreading the disease, when spreading false information in the media or information networks that is recognized as socially significant. We also studied the dynamics of the state and structure of crime in the Irkutsk region and the impact of criminalized norms related to the pandemic on its change.

Keywords: pandemic, COVID-19, changes in administrative and criminal legislation, sanitary and epidemiological rules, threat of spread of the disease, public.

Аверинская Светлана Александровна – кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного права, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: aver27@mail.ru

Averinskaya Svetlana Alexandrovna – Candidate in Law, Associate Professor, Department of Criminal Law, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: aver27@mail.ru

Загайнов Владимир Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного права и криминологии, Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Иркутск, Россия, e-mail: vladzagain@mail.ru

Zagainov Vladimir Vladimirovich – Candidate in Law, Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Irkutsk Institute (Branch) of VSUY (RPA of the Ministry of justice of Russia), Irkutsk, Russian Federation, e-mail: vladzagain@mail.ru

УДК 343.4(571.53)

Особенности прогнозирования состояния преступности в отдельном регионе Российской Федерации в период действия чрезвычайной ситуации (на примере Иркутской области)

© С. А. Аверинская, О. В. Радченко, 2020

Аннотация. Приведены данные оценки состояния и тенденций развития преступности на территории Иркутской области. Представлена характеристика современной криминальной ситуации в различных ее проявлениях: насильственная преступность, преступность в сфере незаконного оборота наркотиков, преступность несовершеннолетних, коррупционные преступления, экономические преступления, бытовая преступность и другие ее виды, – что позволило сформировать прогноз развития преступности на территории Иркутской области.

Ключевые слова: пандемия, COVID-19, состояние, динамика, прогноз, тенденции.

В связи с масштабным распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) в стране и мире среди правоприменителей бытуют два мнения. Первое заключается в том, что в странах, где введены жесткие меры карантина, уровень преступности идет на спад, поскольку большинство людей находятся дома и выходят на улицу в случае крайней необходимости, а это снижает шансы стать жертвой нападения.

Вторая позиция сводится к тому, что если тотальный карантин затянется надолго, то это может стать поводом для роста числа краж, грабежей, мародерства и голодных и обнищавших бунтов. Если люди потеряют источник дохода (рабочее место или накопленные сбережения), это повлечет увеличение числа преступлений [1].

Одним из компонентов прогнозного анализа является экспертная оценка, применяемая в данном научном исследовании для исключения односторонности проецирования ожидаемого результата.

На основании анализа статистических показателей, отраженных в таблице статьи «Влияние чрезвычайной ситуации на прогнозирование преступности в отдельном субъекте Российской Федерации (на примере Иркутской области) С. А. Аверинской и В. В. Загайнова¹, по итогам 2020 г. общий объем преступлений незначительно возрастет на 1–2 %; прирост преступлений, отнесенных к категории тяжких и особо тяжких, составит более 5 %. Основанием для подобной динамики в первую очередь станет активность в выявлении экономических составов (+2 %), в том числе должностных (+6 %) и коррупционных (+2 %).

С учетом объективных обстоятельств, вызванных наличием ограничений в период пандемии, – временного закрытия магазинов, кафе, отдельных предприятий, увеличения убытков, банкротства, сокращения людей, роста безработицы, следует предположение, что будет зафиксирован рост отдельных видов преступлений, в том числе краж (на 10 %), угонов автотранспорта (на 4 %), мошенничеств (на 8 %), мошенничеств, совершаемых, с использованием технических средств (на 5–7 %), грабежей (на 1 %). Помимо этого, 65 % респондентов – представителей органов внутренних дел прогнозируют рост числа преступлений, совершенных в общественных местах и на улицах (на 1 %) [2].

Вместе с тем ожидается увеличение (на 10–15 %) количества заявлений граждан о преступлениях и происшествиях. Это связано с реализацией принципиального подхода руководства ГУ МВД России по Иркутской области к укреплению учетно-регистрационной дисциплины;

¹ Статья является продолжением проведенного исследования с детализированным рассмотрением влияния чрезвычайной ситуации при прогнозировании уровня преступности.

повышению уровня правовой культуры граждан и доверия к органам внутренних дел; с сохранением негативных социально-экономических условий, способствующих совершению преступлений и правонарушений.

Следует предположить, что сохраняется наметившиеся в прошлом году тенденции к росту числа преступлений, относящихся к категории тяжких и особо тяжких (на 1–3 %). Тенденцию к снижению будут демонстрировать преступления против личности, в том числе убийства (на 5–8 %), факты умышленного причинения тяжкого вреда здоровью со смертельным исходом (на 3–6 %). Одним из условий снижения преступной активности станет повышение плотности профилактической работы среди лиц, ведущих деструктивный образ жизни в быту.

Прогноз показателей общего уровня преступности будет в пределах 190 преступлений на 10 тыс. населения, в том числе тяжких и особо тяжких преступлений – до 45 преступлений на 10 тыс. населения.

В современных условиях политической, социальной и экономической нестабильности экономическая преступность как социальное и криминальное явление набирает обороты. В связи с этим одним из приоритетных направлений обеспечения экономической безопасности в данной сфере является повышение оперативной осведомленности и, соответственно, выявление преступлений.

Учитывая нарабатанную в 2019 г. практику выявления и регистрации фактов незаконного сбыта наркотических веществ неустановленным лицом, а также стабильное снижение уровня наркотизации в регионе по итогам 2020 г., можно предположить незначительное снижение преступности в сфере незаконного оборота наркотиков (на 1–2 %), в том числе фактов сбыта (на 1–3 %).

Опираясь на результаты скоординированных действий, принятых в 2019 г. и направленных на декриминализацию лесопромышленного комплекса, можно предположить снижение числа фактов регистрации незаконных рубок леса (на 9–13 %) по итогам 2020 г. [2].

Согласно прогнозу, объем преступлений, совершаемых в общественных местах (без учета ст. 264. 1 УК РФ), будет увеличиваться в среднем на 3–6 %, на улице – на 2 %. Данные тенденции обусловлены недостаточной плотностью патрульно-постовых нарядов и отвлечением их на обслуживание заявок дежурных частей на фоне невысокой активности общественности в работе по обеспечению правопорядка.

С большой долей вероятности по итогам 2020 г. увеличится число преступлений, совершенных ранее судимыми лицами (на 3 %), а также в состоянии алкогольного опьянения (без учета ст. 264. 1 УК РФ) (на 3–5 %).

Преступность несовершеннолетних может возрасти на 1–5 %. Прогнозирование преступности по структуре позволяет предположить вероятность роста деяний, совершенных ранее привлекавшимися к уголовной ответственности несовершеннолетними, в общественных местах, в группе (на 5 %) [3].

Одной из причин может стать демографический фактор – прирост детского населения в регионе, а также виртуализация социальной жизни, неограниченный доступ к информационным порталам и интернет-ресурсам, зачастую пропагандирующим жестокость и насилие. Кроме того, дополнительными факторами могут послужить: слабая профилактика правонарушений среди несовершеннолетних; недостаточная организация общественной работы с несовершеннолетними; отсутствие воспитательной функции в системе обучения; проблемы межведомственного взаимодействия.

Предполагается, что сократится бытовая преступность (на 3–5 %), в том числе в тяжких и особо тяжких формах проявления (на 2–4 %). Способствовать этому будут повышение уровня квалификации сотрудников, осуществляющих профилактическую работу; нарабатанная практика исполнения уголовного и административного законодательства.

С учетом вышеизложенного общая регистрация преступности при неблагоприятном прогнозе (рост мобильных краж и мошенничеств) может возрасти на 4 %, при благоприятном – сохраниться на уровне прошлого года или незначительно уменьшиться (на 2 %).

Таким образом, прогноз развития оперативной обстановки на территории Иркутской области по состоянию на 1 января 2021 г. выглядит среднеблагоприятным. В следующем году органы внутренних дел в полной мере сохраняют контроль над криминальной ситуацией, в первую очередь за счет повышения качества и эффективности правоохранительной деятельности.

Результаты проведенного исследования показали, что главными направлениями деятельности должны стать: пресечение коррупционных схем в области реализации национальных проектов (программ); противодействие деяниям в лесопромышленном комплексе, жилищно-коммунальном хозяйстве, а также совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий; профилактика рецидивной преступности, социально опасного и деструктивного поведения подростков, правонарушений в отношении несовершеннолетних и лиц пожилого возраста; противодействие незаконному обороту наркотиков; оздоровление оперативной обстановки на территориях компактного размещения иностранных граждан; укрепление учетно-регистрационной и статистической дисциплины.

Литература

1. Криминал во время «чумы». Как коронавирус отразился на уровне преступности в мире. URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/27113.7/4190902/> (дата обращения: 20.09.2020).
2. Статистические данные ГИАЦ МВД РФ. URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen/ (дата обращения: 20.09.2020).

Features of Forecasting the State of Crime in a Particular Region of the Russian Federation during an Emergency (on the Example of the Irkutsk Region)

© S. A. Averinskaya, O. V. Radchenko, 2020

Abstract. In the context of the global coronavirus pandemic, data on the assessment of the state and trends in crime development in the Irkutsk region are presented. The article presents a description of the current criminal situation in its various manifestations-violent crime, crime in the field of drug trafficking, juvenile delinquency, corruption crimes, economic crimes, domestic crime and other types of crime, which made it possible to form a forecast of crime development in the Irkutsk region.

Keywords: pandemic, COVID-19, status, dynamics, forecast, trends.

Аверинская Светлана Александровна – кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного права, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: aver27@mail.ru

Averinskaya Svetlana Alexandrovna – Candidate in Law, Associate Professor, Department of Criminal Law, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: aver27@mail.ru

Радченко Ольга Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного права, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: radchenko.ov@mail.ru

Radchenko Olga Viktorovna – Candidate in Law, Associate Professor, Department of Criminal Law, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: radchenko.ov@mail.ru

УДК 343.2:342.9

Распространение заведомо ложной информации: соотношение административной и уголовной ответственности

© Е. Ю. Антонова, 2020

Аннотация. Исследуется соотношение административных и уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за распространение заведомо ложной информации. Делается вывод о том, что основным признаком, по которому следует отграничивать данные нормы, является предмет преступления. Уточняется, что для устранения создавшейся конкуренции норм и иных противоречий требуется законодательная корректировка диспозиций, описывающих административные правонарушения.

Ключевые слова: общественно значимая информация, угроза жизни, безопасность граждан, заведомость, недостоверность, ложность, публичность.

Распространение заведомо не соответствующей действительности (фейковой) информации в последние годы стало «пандемией» нашего общества. Информация о тех или иных ситуациях, которые могут представлять опасность для личности, общества и государства, полу-

ченная через мессенджеры или сеть Интернет, порой порождает беспорядок, может повлечь за собой причинение существенного и даже необратимого вреда указанным объектам правовой охраны (например, в случае возникновения паники возможны человеческие жертвы). Государство отреагировало на данные деяния путем установления юридической (административной и уголовной) ответственности за распространение заведомо ложной информации.

В 2019 г. законодатель регламентировал административно-правовую ответственность за распространение заведомо недостоверной общественно значимой информации (ч. 9, 10 ст. 13.15 КоАП РФ). В 2020 г. российское законодательство было дополнено нормами, предусматривающими: *административные наказания* за распространение заведомо недостоверной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ч. 10. 1 ст. 13.15 КоАП РФ), и распространение заведомо недостоверной общественно значимой информации (ч. 10. 2 ст. 13.15 КоАП РФ) и *уголовные наказания* за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ст. 207¹ УК РФ), и публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия (ст. 207² УК РФ).

Установление данных видов юридической ответственности создало конкуренцию норм КоАП РФ и УК РФ. Основная сложность состоит в разграничении действий, описанных в ч. 9, 10 ст. 13.15 КоАП РФ и ст. 207¹, 207² УК РФ. Проведем соотношение предмета данных противоправных деяний.

Предметом правонарушений (ч. 9, 10 ст. 13.15 КоАП РФ) выступает общественно значимая информация, которая является заведомо недостоверной, предметом преступного действия, запрещенного в ст. 207¹ УК РФ, – заведомо ложная информация об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств, а согласно ст. 207² УК РФ – заведомо ложная общественно значимая информация.

При описании административного правонарушения законодатель говорит о «заведомо недостоверной», а при описании преступления – о «заведомо ложной» информации. Использование разных терминов «недостоверность» и «ложность» представляется условной. В обоих случаях предполагается, что субъект, распространяющий соответству-

ющую информацию, должен достоверно (заведомо) знать о том, что она не соответствует действительности.

Суть же информации, распространяемой в процессе совершения рассматриваемых деяний, несколько различна. Законодатель указывает на информацию «общественно значимую» и «об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан».

Считаем, что понятие информации, которая является «общественно значимой», полностью охватывает категорию «информация об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан» и не сводится только к ней, что вытекает из положения Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ [1]. Общественно значимой, согласно данному закону, можно признать только такую информацию, которая может создать угрозу наступления негативных последствий, а именно:

- вреда жизни и (или) здоровью граждан,
- вреда имуществу,
- массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности или
- помех функционирования или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи.

Создание угрозы наступления указанных негативных последствий является обязательным условием административно-правовой ответственности по ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ. Таким образом, предмет правонарушения, о котором идет речь в данной норме, шире предмета преступления, предусмотренного в ст. 207¹ УК РФ. Описывая административное правонарушение, законодатель указывает на то, что совершенные субъектом действия не должны содержать признаков преступления. Соответственно, рассматриваемая норма КоАП РФ не может применяться в том случае, когда распространяется заведомо недостоверная информация об обстоятельствах, которая представляет угрозу для жизни и безопасности граждан, а также о тех мерах, которые применяются для обеспечения безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от соответствующих обстоятельств. Распространение такой информации будет образовывать признаки уголовно наказуемого деяния. В связи с этим полагаем, что содержание диспозиции ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ требует уточнения в части создания возможных угроз и для исключения возникшей конкуренции.

Законодатель ограничивает объективную сторону правонарушения, предусмотренного в ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ, распространением

указанного выше предмета только в двух источниках – в СМИ или информационно-телекоммуникационных сетях. В статье 207¹ УК РФ законодатель говорит о публичном распространении указанной выше информации.

Согласно разъяснениям, приведенным Верховным Судом РФ в Обзоре № 1 [2], отличие между правонарушениями (ч. 9 и 10 ст. 13.15 КоАП РФ) и преступлениями, описанными в ст. 207¹, 207² УК РФ, состоит в таком признаке, как публичность. Признак публичности используется законодателем при описании преступлений (ст. 207¹, 207² УК РФ), но не конкретизируется им. Публичность как признак уголовно наказуемого деяния не сводится только к использованию в процессе распространения указанной информации в СМИ и информационно-телекоммуникационных сетях. Это могут быть выступления на лекциях, митингах, демонстрациях, собраниях, распространение листовок или рассылка сообщений в мессенджерах и т. д.

Отсюда можно заключить, что норма уголовного законодательства, с одной стороны, имеет более широкие рамки своего действия, но с другой стороны, не решает проблему разграничения указанных деяний по признаку публичности, поскольку он охватывает и распространение данной информации в СМИ и информационно-телекоммуникационных сетях.

Верховный Суд РФ в Обзоре № 1 предлагает также проводить разграничение указанных правонарушений и преступления по цели и мотиву их совершения. В частности, в Обзоре № 1 сказано, что в ст. 207¹ УК РФ речь идет о таком распространении указанной выше информации, при котором субъект стремится к провоцированию среди населения паники, нарушению правопорядка.

Представляется, что Верховный Суд РФ, разъясняя данное положение, отталкивается от объекта преступления, которым по ст. 207¹ УК является общественная безопасность. Устанавливая административную ответственность за рассматриваемые правонарушения, законодатель исходил из того, что их объектом являются общественные отношения в области связи и информации. Вместе с тем такое толкование некорректно, поскольку в диспозиции ст. 207¹ УК РФ ничего не сказано о мотивах и целях, соответственно, они не должны влиять на квалификацию преступления и при разграничении со смежными правонарушениями. Субъект не обязательно должен преследовать цель спровоцировать панику среди населения или нарушить общественный порядок. Он может стремиться, например, дезорганизовать работу органов власти или организаций либо вообще не ставить перед собой конкретных це-

лей. При этом субъекта может подтолкнуть на совершение данного преступления как корыстный мотив, так и хулиганские побуждения. К тому же при совершении смежных административных правонарушений субъект может преследовать эти же мотивы и стремиться достичь этих же целей.

Отличие правонарушения, о котором идет речь в ч. 10 ст. 13.15 КоАП РФ, от преступления, предусмотренного в ст. 207² УК РФ, необходимо проводить по наступившим последствиям. Если последствиями правонарушения могут быть лишь создание помех функционированию объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи, то совершение указанного преступления влечет по неосторожности причинение вреда здоровью человека (ч. 1), смерти человека или иных тяжких последствий (ч. 2). Понятие «тяжкие последствия» в уголовном законе не раскрывается, соответственно, данная категория является оценочной (например, это может быть смерть двух и более лиц; тяжкий вред здоровью, причиненный двум и более лицам; самоубийство лица; крупный имущественный ущерб и т. д.).

Законодатель идентично описывает действия в ст. 207¹ и 207² УК РФ и ч. 10.1 и 10.2 ст. 13.15 КоАП РФ. Данные преступления и правонарушения отличаются лишь субъектами, подлежащими ответственности. Если к уголовной ответственности по указанным нормам привлекаются физические вменяемые лица, достигшие к моменту совершения данных действий 16 лет, то субъектами административно-правовой ответственности являются только коллективные образования, имеющие статус юридического лица.

Исходя из этого, можно заключить, что в случае совершения действий, описанных в ст. 207¹ и 207² УК РФ, от имени и (или) в интересах коллективного образования наступают два вида правовых последствий – уголовная ответственность, к которой привлекается физическое лицо, административно-правовая ответственность в отношении юридического лица. Применение административно-правовых мер воздействия за совершенное преступление принято именовать квазиуголовной ответственностью [3, с. 55–61].

С учетом того, что названные уголовно-правовые и административно-правовые нормы разграничиваются между собой только по субъекту, не следует ограничивать распространение заведомо недостоверной информации только в СМИ и в информационно-телекоммуникационных сетях. Логичнее вести речь в ч. 10.1 и 10.2 ст. 13.15 КоАП РФ о публичном распространении данной информации. Кроме

того, последствия, указанные в ст. 207² УК РФ, описаны законодателем шире за счет употребления категории «иные тяжкие последствия». С учетом того, что эта категория, как было сказано выше, является оценочной, она не сводится только к тем, о которых исчерпывающим образом говорится в ч. 10.2 ст. 13.15 КоАП РФ. Считаем необходимым расширить перечень последствий в данной норме, в противном случае не все возможные последствия повлекут за собой правовые последствия для коллективного субъекта правонарушения.

Литература

1. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 03.04.2020) // Российская газета. 2006. 29 июля.
2. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020. URL: http://www.supcourt.ru/press_center/news/28855/
3. Антонова Е. Ю. Квазиуголовная корпоративная ответственность // Деятельность правоохранительных органов по обеспечению законности и правопорядка в Дальневосточном регионе : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. 29–30 мая 2014 / Дальневост. юрид. ин-т МВД России. Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД России, 2014. С. 55–61.

Dissemination of Knowingly False Information: the Ratio of Administrative and Criminal Liability

© E. Yu. Antonova, 2020

Abstract. The article deals with the correlation of administrative and criminal law norms that provide for liability for the dissemination of knowingly false information. It is concluded that the main feature by which these norms should be delimited is the subject of a crime. To eliminate the created competition of norms and eliminate other contradictions, a legislative adjustment of the dispositions describing administrative offenses is required.

Keywords: socially significant information, threat to life, security of citizens, knowingness, unreliability, falsity, publicity.

Антонова Елена Юрьевна – доктор юридических наук, профессор, заведующий, кафедра уголовного права и криминологии, Хабаровский государственный университет экономики и права, г. Хабаровск, Россия, e-mail: antonovy@yandex.ru

Antonova Elena Yurievna – Doctor in Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Khabarovsk State University of Economics and Law, Khabarovsk, Russian Federation, e-mail: antonovy@yandex.ru

Новеллы в УК РФ в связи с COVID-19: уголовно-правовой анализ

© Е. Н. Бархатова, 2020

Аннотация. Проанализированы ст. 207¹ и 207² УК РФ в части целесообразности их введения в УК РФ и разграничения предмета регулирования. Сделаны выводы об отдельных неточностях в формулировках диспозиций рассматриваемых норм. Предложена новая редакция ст. 207¹ УК РФ.

Ключевые слова: общественно значимая информация, COVID-19, эпидемия, заведомо ложная информация, вред здоровью, общественная безопасность.

Введенные в уголовный закон в связи с фактами дезинформации о COVID-19 ст. 207¹ и 207² необходимо подвергнуть критическому анализу с позиций целесообразности и обоснованности данной меры.

Статья 207¹ УК РФ предусматривает ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан. Согласно примечанию к статье к таким обстоятельствам следует относить чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайные экологические ситуации, в том числе эпидемии, эпизоотии и иные обстоятельства, возникшие в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных и иных бедствий, повлекшие (могущие повлечь) человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей и окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения. Как видно, законодатель предусмотрительно не стал ограничиваться лишь указанием эпидемии и расширил круг подобных обстоятельств.

Согласно разъяснению Президиума Верховного Суда Российской Федерации под публичным распространением понимается распространение информации, адресованной группе или неограниченному кругу лиц¹. Исходя из этого, можно сделать вывод, что информация может быть распространена двум или более лицам любым доступным для доведения и восприятия способом. Заведомая ложность информации, также согласно разъяснению Президиума Верховного Суда Российской Федерации, предполагает, что лицо распространяет информацию, которая для него заведомо является ложной. В таком случае лица, которые распространяли «слухи», уголовной ответственности не подлежат.

¹ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30 апреля 2020 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Вместе с тем основная масса неблагоприятных последствий относится именно к распространению неподтвержденной информации. Лица, ее распространяющие, не осведомлены о ее ложности или истинности. Как правило, субъектами деяния, предусмотренного данной статьей, выступают представители власти, журналисты, возможно, предприниматели в области фармацевтической деятельности, заинтересованные в продаже соответствующих медицинских препаратов. Примечательно, что, предлагая в своем обзоре определение заведомо ложной информации для целей ст. 207¹ УК РФ и заведомо ложной общественно значимой информации для целей ст. 207² УК РФ, Президиум Верховного Суда Российской Федерации использует одну и ту же формулировку без каких-либо дополнений. В чем состоит общественная значимость, о которой речь идет в ст. 207² УК РФ, не понятно. Представляется, что информацию о событиях, угрожающих жизни и безопасности граждан, сложно не назвать общественно значимой. В таком случае две рассматриваемые статьи отличаются друг от друга только наличием в ст. 207² УК РФ указания на такой обязательный признак объективной стороны преступления, как последствия в виде вреда здоровью человека. В диспозиции ст. 207¹ УК РФ конкретизируется характер информации, которая являлась заведомо ложной и была распространена неопределенному кругу лиц, – об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств. Учитывая неопределенность в трактовке термина «общественно значимая информация», исходя из характера сведений, речь о которых идет в ст. 207¹ УК РФ, представляется, что данные сведения тоже должны быть отнесены к категории общественно значимых. В таком случае ввиду незначительных различий в характере и общественной опасности деяний, описанных в ст. 207¹ и 207² УК РФ, следует отметить нецелесообразность существования в уголовном законе двух рассматриваемых статей одновременно. Полагаем, последствия в виде вреда здоровью могут образовывать квалифицирующий признак и быть закреплены в ч. 2 ст. 207¹ УК РФ.

Кроме того, сомнительным представляется указание в диспозиции ст. 207¹ УК РФ одновременно на такие объекты воздействия, как жизнь и безопасность граждан. Если речь идет о безопасности конкретного лица, логично предположить, что под угрозой в том числе находится его жизнь. Если речь идет об общественной безопасности в целом, которая выступает видовым объектом группы преступлений, в число статей о которых включена ст. 207¹ УК РФ, тогда в принципе указание на него в статье излишне. Разумеется, законодатель счел необходимым

подчеркнуть характер обстоятельств, которые являются общественно значимыми. Вместе с тем считаем более корректным сформулировать объект посягательства как «личная и общественная безопасность», поскольку вред может быть причинен не только жизни, но и здоровью либо выразиться в нарушении неприкосновенности частной жизни. В целом же полагаем, что дополнение УК РФ нормой об ответственности за распространение ложной общественно значимой информации своевременно ввиду наличия возможности делиться информацией в социальных сетях, зачастую умышленно искажая ее, что неблагоприятным образом сказывается на жизни и благополучии общества.

Таким образом, предлагаем исключить из УК РФ ст. 207² и изложить диспозицию ст. 207¹ УК РФ в следующей редакции:

Статья 207¹. Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан

«1. Публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной общественно значимой информации, в том числе об обстоятельствах, представляющих угрозу личной и общественной безопасности, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств, –

наказывается...

2. То же деяние, повлекшее по неосторожности причинение вреда здоровью человека, –

наказывается...».

Novels in the Criminal Code of the Russian Federation in Connection with COVID-19: Criminal Legal Analysis

© E. N. Barkhatova, 2020

Abstract. Analyzed Art. 207.1 and 207.2 of the Criminal Code of the Russian Federation for the expediency of their introduction into the Criminal Code of the Russian Federation and delineation of the subject of regulation. Conclusions are drawn about some inaccuracies in the wording of the dispositions of the norms under consideration. A new version of Art. 207.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: socially important information, COVID-19, epidemic, knowingly false information, harm to health, public safety.

Бархатова Екатерина Николаевна – кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного права и криминологии, Восточно-Сибирский институт МВД РФ, г. Иркутск, Россия, e-mail: solncevelvet@rambler.ru

Barkhatova Ekaterina Nikolaevna – Candidate in Law, Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminology, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: solncevelvet@rambler.ru

Обеспечение в особых условиях безопасности осужденных по уголовно-исполнительному законодательству государств – участников СНГ

© Л. И. Беляева, 2020

Аннотация. Дается характеристика особых условий, предусмотренных уголовно-исполнительным законодательством государств – участников СНГ, а также мер обеспечения при этом безопасности осужденных.

Ключевые слова: особые условия, осужденные, меры безопасности, исправительные учреждения, уголовно-исправительный кодекс, государства – участники СНГ.

Государства – участники СНГ в организации исполнения уголовных наказаний основываются на положении об ответственности государства за обеспечение безопасности своих граждан от каких бы то ни было угроз и руководствуются при этом принципами гуманизма и законности. Намерения государств – участников СНГ в части обеспечения безопасности осужденных нашли отражение в соответствующих статьях Модельного уголовно-исполнительного кодекса для государств – участников СНГ (ст. 12, 81, 82) [1].

Основные его положения получили закрепление и развитие в соответствующих статьях национальных кодексов государств Содружества, уголовно-исполнительные кодексы¹ которых содержат самостоятельные главы, посвященные вопросам особых условий в исправительных учреждениях (ИУ): Казахстана [2, ст. 80], Киргизии [3, ст. 85], России [4, ст. 85], Таджикистана [5, ст. 86], Туркменистана [6, ст. 56]. Кодексы Беларуси [7, ст. 76] и Узбекистана [8, ст. 74] содержат нормы об особом положении в ИУ, кодекс Азербайджана – об условиях чрезвычайного положения [9, ст. 77], кодекс Армении – о чрезвычайной ситуации [10, ст. 71], а кодекс Молдовы – об особом режиме в пенитенциарных учреждениях [11, ст. 220]. УИК абсолютного большинства названных государств связывают указанные обстоятельства с режимом отбывания наказаний в условиях, отличных от обычных. При этом в кодексе Азербайджана говорится об особенностях условий содержания в чрезвычайном положении [9, ст. 77], а в кодексе Узбекистана – о введении особого положения в учреждениях по исполнению наказаний [8, ст. 74]. Непосредственно в УИК государств, входящих в Содружество, понятие используемых терминов не дается. Сравнительный анализ соответствующих статей УИК государств – участников СНГ показывает,

¹ Здесь, в целях экономии места, используется обобщенный термин – уголовно-исполнительные кодексы (УИК), на самом деле некоторые из них имеют иные названия, на которые делаются ссылки.

что содержание терминов в целом совпадает. Как правило, к условиям, требующим дополнительных мер обеспечения безопасности, относятся: стихийные (природные) бедствия, чрезвычайное или военное положение в зоне дислокации учреждения, исполняющего наказания, массовые беспорядки, групповые неповиновения осужденных, побеги или задержания при них в целях пресечения указанных противоправных действий и предотвращения причинения этими лицами вреда себе или другим. В некоторых государствах эти условия понимаются более детально или наоборот. Так, например, в Таджикистане [5, ст. 86] к числу угроз, кроме перечисленных, отнесена угроза реального нападения извне. В Беларуси [7, ст. 76] такими условиями, кроме стихийных бедствий, считаются групповые отказы от работы, приема пищи, иные неповиновения, а равно действия, грубо нарушающие внутренний распорядок. Молдова [11, ст. 220] к таким условиям относит также эпидемии, эпизоотии, аварии, захват заложников, внешнюю конъюнктуру, войну или другие форс-мажорные обстоятельства, ставящие под угрозу жизнь и здоровье людей. В Азербайджане [9, ст. 77] такими условиями, кроме массовых беспорядков и природных бедствий, являются другие чрезвычайные ситуации.

Возникновение предусмотренных законом условий вызывает к жизни необходимость применения мер обеспечения безопасности и защиты жизни и здоровья осужденных и других лиц, находящихся в учреждениях. Перечень таких мер, а также основания их применения предусмотрены соответствующими статьями УИК [2, ст. 102; 3, ст. 86; 4, ст. 86; 5, ст. 87; 6, ст. 86; 9, ст. 78;] В УИК некоторых государств перечень мер безопасности включен в отдельные части статей о режиме особых условий в ИУ [7, ч. 2 ст. 76; 8, ч. 3 ст. 74; 11, ч. 3 ст. 71; 11, ст. 220].

Как правило, в период особых условий по законодательству большинства государств Содружества могут применяться следующие меры обеспечения безопасности: приостановление осуществления некоторых предусмотренных соответствующими статьями УИК прав осужденных; введение усиленного варианта охраны и надзора; введение особого порядка допуска на объекты; изменение распорядка дня; ограничение (или приостановление) деятельности производственных, коммунально-бытовых, культурно-просветительных, медико-санитарных и других служб.

УИК Армении, кроме приостановки реализации некоторых прав осужденных, установленных соответствующими статьями кодекса, усиления мер охраны и надзора, предусматривает прекращение почтовых отправок и свиданий, а также принятие иных мер, закрепленных законодательством [10, ч. 3 ст. 71]. В соответствии с ч. 2 ст. 76 УИК Беларуси [7] введение особого положения в ИУ предполагает:

приостановку почтовых отправлений (за исключением писем, направляемых в прокуратуру и иные государственные органы), предоставления свиданий, продажи продуктов питания и предметов первой необходимости; ограничение передвижения осужденных в пределах жилой и производственных зон; отмену или ограничение выхода (вывоза) осужденных за пределы учреждения; запрет (ограничение) посещения учреждения представителями общественных объединений, религиозных организаций и средств массовой информации; запрет на проведение культурно-массовых и физкультурно-спортивных мероприятий.

Как мы видим, общим для государств – участников СНГ является признание необходимости обеспечения безопасности осужденных во всех случаях, когда создается угроза их жизни, здоровью, иным правам и свободам. Законодатель каждого государства Содружества очерчивает, с учетом опыта, традиций, правовых институтов, круг источников угроз безопасности как для осужденных, так и для других лиц. Соответственно этому законодательное закрепление получают и меры по обеспечению безопасности. Стоит отметить, что, несмотря на некоторые особенности в формулировке и изложении правовых предписаний в УИК государств – участников СНГ, противоречий в положениях законов нет.

Литература

1. Модельный уголовно-исполнительный кодекс для государств-участников СНГ принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 2 ноября 1996 г.). URL: normative.contur.ru
2. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан от 5 июля 2014 г. № 234-V (с изм. и доп. по состоянию на 07.07.2020). URL: onlain.zakon.kz.
3. Уголовно-исполнительный кодекс Кыргызской Республики от 24 января 2017 г. № 10 (в ред. закона от 15 мая 2019 г. № 62). URL: cbd.minjust.gov.kg
4. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 31.07.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.09.2020). URL: www.consultant.ru
5. Кодекс исполнения уголовных наказаний Республики Таджикистан от 6 августа 2001 г. (с изм. и доп. по состоянию на 18.07.2017). URL: onlain.zakon.kz.
6. Уголовно-исполнительный кодекс Туркменистана от 25 марта 2011 г. № 164-IY (с изм. и доп. на 02.03.2019). URL: online.zakon.kz
7. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь от 11 января 2000 г. № 365-3 (с изм. и доп. по состоянию на 17.07.2020). URL: online.zakon.kz
8. Уголовно-исполнительный Кодекс Республики Узбекистан от 25 апреля 1997 г. № 409-I (с изм. и доп. по состоянию на 30.06.2020). URL: online.zakon.kz
9. Кодекс Азербайджанской Республики об исполнении наказаний от 14 июля 2000 г. № 908-IQ (с изм. и доп. по состоянию на 19.05.2020). URL: online.zakon.kz.
10. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Армения от 18 января 2005 г. № ЗР-60 (с изм. и доп. на 13.11.2019г. №ЗР-192). URL: www.parliament.am
11. Исполнительный кодекс Республики Молдова от 24 декабря 2004 № 443-XV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 15.11.2020). URL: onlain.zakon.kz

Ensuring the Security of Convicts under the Criminal Executive Legislation of the CIS Member States in Special Conditions

© L. I. Belyaeva, 2020

Abstract. The article describes the special conditions provided for by the criminal Executive legislation of the CIS member States, as well as measures to ensure the safety of convicts

Keywords: special conditions, convicts, security measures, correctional institutions, penal code, CIS member States.

Беляева Лариса Ивановна – доктор юридических наук, профессор, кафедра уголовной политики, Академия управления МВД России, заслуженный юрист РФ, г. Москва, Россия, e-mail: beliaeva_055@mail.ru

Belyaeva Larisa Ivanovna – Doctor in Law, Professor, Department of Criminal Policy, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Honored Lawyer of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, e-mail: beliaeva_055@mail.ru

УДК 343.34

Защита интересов общества от недостоверной информации в условиях чрезвычайной ситуации

© А. А. Волчкова, 2020

Аннотация. Анализируются законодательные новеллы об уголовной ответственности за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ст. 207¹ УК РФ), а также заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия (ст. 207² УК РФ). На основе исследования позиций Верховного Суда РФ и правоприменительной практики раскрыты объективные и субъективные признаки преступлений, проведено разграничение смежных составов.

Ключевые слова: преступление, распространение, ложная информация, чрезвычайная ситуация.

В России информация в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, а также о деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций в этой сфере является гласной и открытой, за исключением особых случаев введения военного или чрезвычайного положения.

Законом установлен правовой запрет на сокрытие, несвоевременное представление либо представление (распространение) заведомо ложной информации в рассматриваемой области под угрозой привлечения виновных лиц к административной и уголовной ответственности. К такой информации прежде всего относятся сведения о прогнозируемых и возникших чрезвычайных ситуациях, их последствиях, а также сведения об экологической, медико-биологической, радиационной, химической, взрывной, пожарной безопасности.

Государственные гарантии своевременного и достоверного информирования общества о потенциальных угрозах выступают одним из важнейших инструментов обеспечения национальной безопасности. Указанные гарантии обеспечиваются системой права, особую роль в которой играют уголовно-правовые нормы.

Распространение новой коронавирусной инфекции (COVID-19) в 2020 г. актуализировало вопрос о необходимости повышения эффективности уголовно-правовой защиты общества от недостоверной информации. 1 апреля текущего года законодатель криминализировал публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ст. 207¹ УК), а также заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия (ст. 207² УК). Данные нормы были призваны ликвидировать пробельность закона, который до их введения предусматривал в ст. 237 уголовную ответственность за сокрытие или искажение информации о событиях, фактах или явлениях, создающих опасность для жизни или здоровья людей либо для окружающей среды, только в случае, если деяние совершалось лицом, обязанным обеспечивать население и органы, уполномоченные на принятие мер по устранению такой опасности, указанной информацией.

Объектом новых преступлений являются общественные отношения в сфере обеспечения общественной безопасности в области информированности об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, об общественно значимой информации.

Если у виновного не было намерений спровоцировать панику среди населения, нарушить правопорядок, а объектом преступного посягательства выступает честь и достоинство конкретного лица (или лиц), содеянное квалифицируется по ст. 128¹ УК РФ как клевета.

Так, например, рабочий одного из предприятий г. Уссурийска Приморского края был привлечен к уголовной ответственности по ч. 4 ст. 128¹ УК РФ (клевета о том, что лицо страдает заболеванием, представляющим опасность для окружающих) за размещение в сети Интернет видео с недостоверной информацией о заболевших коронавирусной инфекцией сотрудниках организации [1].

Предметом преступления, предусмотренного ст. 207¹ УК, выступает информация о чрезвычайных ситуациях, в том числе эпидемий, эпизоотий и иных обстоятельств, возникших в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных бедствий, повлекших (способных повлечь) жертвы среди людей, нанесение вреда здоровью человека и окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения (например, о

распространении COVID-19 на территории нашей страны), а также о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств.

В диспозиции ст. 207² УК законодатель говорит об общественно значимой информации, дефиницию которой в кодексе не раскрывает, делегируя правоприменителю возможность самостоятельного толкования. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 08.06.2020) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в ст. 15.3 как общественно значимую характеризует информацию, которая «создает угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи» [2].

Возникает закономерный вопрос о том, как соотносятся между собой предметы преступлений в ст. 207¹ и 207² УК РФ, конкурируют ли между собой рассматриваемые составы. По мнению Верховного Суда РФ, общественно значимая информация подразумевает в том числе и информацию об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых в связи с этим мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств, т. е. они соотносятся как целое и его часть. Поэтому публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, о которой идет речь в ст. 207¹ УК, повлекшее по неосторожности причинение вреда здоровью человека, его смерть или иные тяжкие последствия, образует состав преступления, предусмотренный ст. 207² УК. Если в результате таких действий вышеуказанные последствия не наступили, содеянное квалифицируется по ст. 207¹ УК РФ [3].

Объективная сторона обоих преступлений характеризуется действием – публичным распространением под видом достоверной заведомо ложной информации, а в ст. 207², кроме того, – последствиями и прямой причинно-следственной связью между ними.

Публичное распространение информации подразумевает неограниченный перечень адресатов (возможность доступа двух и более лиц). Форма выражения может быть различной – в средствах массовой информации, на собрании, расклеивание листовок, вывешивание плакатов и т. п. Как публичное расценивается распространение заведомо ложной информации в массовой рассылке электронных сообщений

абонентам мобильной связи, с помощью информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе мессенджеров (Telegram, Viber, WhatsApp и т. п.). Верховный Суд России для установления признака публичности предлагает учитывать место, способ, обстановку и другие обстоятельства распространения информации [4].

Так, например, житель г. Радужного Ханты-Мансийского автономного округа в мае 2020 г. написал видеообращение с информацией о несуществовании новой коронавирусной инфекции, о недостоверности российской тест-системы по диагностике инфекции и с призывами к игнорированию населением разработанных государственными органами правил индивидуальной защиты. Кроме общих фраз, выражающих недоверие автора роликов к действиям властей, он сообщил, что в некоторых странах ближнего зарубежья, а также в России гражданам выплачивают 1 млн руб. за то, что люди подтверждают болезнь, за согласие указать причину смерти родственника от коронавируса независимо от фактического заболевания. Кроме того, ролики содержали недостоверную информацию о том, что любую смерть, вплоть до последствий ДТП, власти квалифицируют как от новой коронавирусной инфекции. С целью провокации паники, страха и беспокойства среди пользователей сети Интернет виновный с помощью мобильного телефона разместил изготовленные им ролики на своей странице в социальной сети «Инстаграм», открытой для просмотра неопределенным кругом лиц, чем распространил заведомо ложную информацию об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, под видом достоверной. Указанные действия были квалифицированы следственными органами по ст. 207¹ УК РФ [5].

Юридическое лицо, распространившее такую информацию в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях, при наличии признаков состава подлежит административной ответственности по ст. 13.15 КоАП РФ «Злоупотребление свободой массовой информации».

Для привлечения к уголовной ответственности по ст. 207¹, 207² УК РФ необходимо доказать, что лицо, достоверно зная, что распространяет заведомо ложную, изначально не соответствующую действительности информацию, желает ее распространить. Добросовестное заблуждение о ложности информации исключает квалификацию по рассматриваемым статьям.

Также необходимо установить, что ложной информации умышленно был придан вид достоверных сведений. К такому выводу можно прийти, если исследовать способы и формы ее изложения (фейковые ссылки на высказывания официальных должностных лиц, на публикации в официальных источниках, демонстрация несуществующих доку-

ментов, поддельных видео- и аудиозаписей, использование документов и записей, имеющих отношение к иным фактам или событиям, и т. п.). Поэтому преступным может признаваться только такое создание и (или) размещение (в том числе репост) в сети Интернет (на своей странице в социальных сетях или страницах других пользователей) ложного контента, когда будет установлено, что лицо действовало с прямым умыслом, т. е. сознавало, что размещенная им под видом достоверной информация является ложной, и имело цель довести эту информацию до сведения других лиц.

Так, например, к уголовной ответственности по ст. 207¹ УК РФ привлечена Т. за распространение ложной информации о массовом вывозе из обсерватора Москвы тел людей, якобы погибших от коронавирусной инфекции. Установлено, что мотивом виновной явилась корыстная заинтересованность в увеличении числа подписчиков группы в социальной сети, что позволило бы получать прибыль от размещения в ней рекламы [6].

Особенностью субъективной стороны ст. 207² УК РФ является неосторожное отношение к наступившим последствиям – вреда здоровью человека (ч. 1), смерти или иных тяжких последствий (ч. 2).

Таким образом, юридическая оценка распространения заведомо недостоверной информации заключается в установлении объекта посягательства, признаков объективной и субъективной стороны, а также субъекта. Специфичность объективных и субъективных признаков позволяет разграничить смежные составы преступлений между собой, а также с административными правонарушениями.

Выражаем надежду, что новые нормы, призванные усилить защиту интересов общества от недостоверной информации в условиях чрезвычайной ситуации, окажутся эффективным средством противодействия фейковому контенту.

Литература

1. В Приморском крае завершено расследование первого уголовного дела о распространении недостоверной информации о коронавирусной инфекции // Офиц. сайт Следственного комитета РФ. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1461092> (дата обращения: 10.10.2020).
2. Российская газета. 2006. 29 июля.
3. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 5.
4. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 6.
5. В Ханты-Мансийском автономном округе местный житель предстанет перед судом за распространение фейковой информации и мошенничество // Офиц. сайт Следственного комитета РФ. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1481062> (дата обращения: 13.10.2020).
6. Завершено расследование уголовного дела о публичном распространении заведомо ложной информации, касающейся коронавирусной инфекции // Офиц. сайт Следственного комитета РФ. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1468103> (дата обращения: 17.10.2020).

Protecting Public Interests from False Information in an Emergency Situation

© A. A. Volchkova, 2020

Abstract. The article analyzes legislative novels on criminal liability for public dissemination of knowingly false information about circumstances posing a threat to the life and safety of citizens (Art. 207¹ of the Criminal Code of the RF), as well as knowingly false socially significant information, which entailed grave consequences (Art. 207² of the Criminal Code of the RF). On the basis of a study of the positions of the Supreme Court of Russia and law enforcement practice, objective and subjective signs of crimes are revealed, and a distinction is made between related structures.

Keywords: crime, distribution, false information, emergency situation.

Волчкова Анна Александровна – кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного и уголовно-исполнительного права, Нижегородская академия МВД России, г. Нижний Новгород, Россия, e-mail: anna-volchkova@yandex.ru

Volchkova Anna Aleksandrovna – Candidate in Law, Associate Professor, Department of Criminal and Penal Law, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Nizhny Novgorod, Russian Federation, e-mail: anna-volchkova@yandex.ru

УДК 343.34

Ответственность за преступления техногенного характера в сфере общественной безопасности

© Я. В. Гармышев, 2020

Аннотация. Рассмотрены вопросы, определяющие основы отечественного уголовного законодательства за преступления техногенного характера. Определена современная уголовная политика России в сфере противодействия преступлениям, связанным с нарушениями специальных правил безопасности. Проанализированы основные характеристики элементов составов техногенных преступлений в сфере общественной безопасности в теории и практике.

Ключевые слова: общественная безопасность, уголовная ответственность, квалификация.

На сегодняшний день актуальность изучения вопросов общественной безопасности в России характеризуется тем, что их социальная ценность, в том числе и самих правил безопасности, обуславливается их направленностью на предупреждение негативных чрезвычайных последствий с учетом содержания объекта регулирования и характера источника опасности [1, с. 93].

Правовые аспекты в области противодействия неосторожным преступлениям в сфере реализации стандартов общественной безопасности предопределены: во-первых, наличием существенных юридико-технических проблем при установлении признаков субъектов преступлений в рассматриваемой области; во-вторых, существованием сложностей в установлении признаков непосредственного объекта при совершении преступных посягательств.

Уголовное законодательство современной России в отношении преступлений против общественной безопасности за последние 20 лет значительно развилось. Кроме этого, не стоит исключать взаимосвязь российского уголовного законодательства с международным, следует учитывать «положительные» моменты, которые обусловлены спецификой юридической ответственности по зарубежному законодательству, выражающейся в том, что лицо подлежит ответственности не за сам факт «поставления в опасность», а при наступлении указанных последствий, и предусмотрена дифференциация ответственности в зависимости от субъекта преступления.

В действующем уголовном законодательстве России все преступления в области техносферной безопасности установлены отдельными составами преступлений – в области общественной безопасности (ст. 216; 217; 217.1; 217.2 и др.), некоторыми видами экологических преступлений (например, в ст. 246, 247 др.), а также предусмотрены гл. 27 УК РФ «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта» (например, ст. 263, 263.1, 266, 267, 268 и др.).

В научной литературе, как справедливо отмечает О. А. Чеснокова, для реализации принципа системности юридической ответственности «техносферных» преступлений законодателю следует предусмотреть самостоятельный раздел «Преступления в области техносферной безопасности», в котором будут аккумулированы преступления, имеющие единый родовый объект и который, возможно, частично снимет проблемы, связанные со сложностью правовой оценки направленности деяния: определением правильности объекта посягательства правоприменителем [2, с. 423].

Рассматривая объективные признаки техногенных преступлений, следует также правильно оценивать их общественную опасность с точки зрения криминологического аспекта. До недавнего времени в отраслевом законодательстве – технических регламентах распространена была концепция «нулевого» риска, заимствованная из законодательства Голландии, которая сегодня показала свою неэффективность. До сих пор остаются в технических регламентах ее отдельные элементы, которые содержат нормативы, которые «допускают» возможность стать жертвой преступления, однако они по фактическим последствиям преступных деяний не соответствуют интересам общества в сфере предупреждения неосторожной преступности. Законодателю целесообразно изменить данные подходы к их оценке.

Как правило, одну сторону субъективного состава общественных отношений по соблюдению правил безопасности образуют лица, которые в процессе своей служебной деятельности соприкасаются с источниками повышенной опасности, что может повлечь чрезвычайную ситуацию. В этой связи представляется более правильным уточнить диспозицию некоторых статей в уголовном законе России: заменить термин «соблюдение» на «ответственность», так как соблюдать законы и иные нормативные правовые акты обязаны все члены общества, но субъектом преступления всегда выступает конкретное лицо, которое было ответственно за соблюдение норм безопасности на каком-либо объекте, что в конечном итоге поможет правильно определить субъекта преступления.

Признаки техносферных преступлений связаны с нарушением специальных норм и правил, установленных для того или иного объекта техносферы и сформулированных в соответствующих федеральных законах, подзаконных актах, деяние проявляется в форме бездействия либо смешанного бездействия (например, ст. 215 УК РФ). Но в ряде случаев деяние носит активный характер, т. е. реализуется в форме действия (например, ст. 215. 3 УК РФ). Анализ действующего уголовного закона дает прямое основание для деления бездействия на полное и частичное (неисполнение – ненадлежащее исполнение).

Однако возникают случаи, когда некоторые составы содержат нарушение каких-либо правил, установленных иными отраслями права, что может создать условия для нарушения принципа законности в уголовном праве. Наличие значительного нормативного материала может и дезориентировать практического работника, особенно в тех случаях, когда одни и те же стандарты по-разному рассматривают критерии «вредоносности». Отсутствие системности в административном и уголовном законодательстве и правоприменительной практике, где присутствуют «двойные» стандарты при толковании одних и тех же оценочных понятий в разных характеристиках объекта правового регулирования, только усугубляет проблему.

При квалификации преступных нарушений правил безопасности следует комплексно оценивать конструктивные признаки состава. В частности, отличать объективную сторону некоторых преступлений, к примеру предусмотренных ст. 215, 216, 217 УК РФ, от преступных нарушений правил охраны труда: отличие заключается в характере последствий и содержании нарушенных правил [3, с. 129].

Данные о способе совершения преступления, повлекшего чрезвычайную ситуацию, составляют один из самых важных элементов ана-

лизируемой структурной системы криминологической характеристики деяния. Способ совершения преступления, оставляющий в следах-последствиях свои специфические признаки, является важным источником сведений о качественной стороне преступного поведения правонарушителей. Существенная информация содержится также в данных о механизме совершения преступления, характеризующих, в отличие от сведений о способе его совершения, не качественную, а последовательную, технологическую сторону преступного деяния.

В последнее время в литературе при анализе субъективных аспектов техносферных преступлений рассматривается подход, в соответствии с которым предлагается выделить самостоятельные нормы, дифференцирующие ответственность за умышленное и неосторожное нарушение специальных правил безопасности, с непосредственным указанием формы вины [4, с. 118]. Однако, реализуя его, сторонники создадут проблему с определением формы вины анализируемых преступлений в целом, тем не менее в некотором аспекте данный подход поможет в какой-то степени дифференцировать ответственность. Представляется, что оценка субъективных характеристик вины в преступлениях, связанных с нарушением специальных правил безопасности, на сегодняшний момент требует переосмысления в связи с появлением новых технических систем или видов производств, необходим системный их анализ, постоянная оценка отраслевого законодательства и правоприменения с учетом реалий развития общественных отношений.

Таким образом, в отечественном уголовном законодательстве наиболее полно представлены меры юридической ответственности за преступления в сфере общественной безопасности, однако законодательно следует более системно подходить к признакам общественной опасности некоторых деяний.

Литература

1. Тер-Акопов А. А. Ответственность за нарушение специальных правил поведения. М. : Юрид. лит., 1995. 176 с.
2. Чеснокова О. А. Особенности объективных признаков составов преступлений против общественной безопасности в техносфере и их законодательная регламентация // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (III Саратовские уголовно-правовые чтения) : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Саратов, 29–30 марта 2018 г. Саратов, 2018. С. 422–428.
3. Коренкова Э. А. Ответственность за преступные нарушения правил охраны труда : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 129 с.
4. Токманцев Д. В. Форма вины и мотивы нарушений правил безопасности движения и эксплуатации транспорта (ст. 263 УК РФ) // Журнал российского права. 2016. № 3. С. 116–122.

Responsibility for Technogenic Crimes in the Sphere of Public Security

© Ya. V. Garmyshev, 2020

Abstract. In the article the questions of the legal nature of the domestic criminal legislation for the crimes of man-made disasters. The modern criminal policy of Russia in the sphere of countering crimes related to violations of special security rules is defined. The main characteristics of elements of technogenic crimes in the sphere of public security in theory and practice are analyzed.

Keywords: public safety, criminal liability, qualifications.

Гармышев Ярослав Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного права, криминологии и уголовного процесса, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: garmyv@mail.ru

Garmyshev Yaroslav Vladimirovich – Candidate in Law, Associate Professor, Chair of Criminal Law, Criminology and Criminal Process, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: garmyv@mail.ru

УДК 343.2(091)

Генезис нормы о посредственном причинении в законодательстве средневековой Руси

© Э. В. Георгиевский, 2020

Аннотация. Изучаются вопросы возникновения и формирования нормы о посредственном причинении вреда в уголовном законодательстве России периода Средневековья. На основе конкретно-исторического и компаративистского методов исследования формулируются некоторые выводы о специфике законодательного закрепления данного правового феномена.

Ключевые слова: посредственное причинение, соучастие, Русская Правда, Соборное уложение.

Первые законодательные упоминания о ситуации, очень близкой к посредственному причинению, мы встречаем уже в Древнерусском государстве, в Краткой редакции Русской Правды, где речь идет об ответственности хозяина холопа за вред, причиненный им свободному человеку: «Или холоп ударит свобода мужа, а бежить в хором, а господин начнет не дати его, то холопа пояти, да платить господин за нь 12 гривне...» [1, с. 78]. В таких случаях за причиненный вред объективно отвечает хозяин холопа, так как холоп фактически является лицом, не обладающим правосубъектностью в целом ряде случаев [2, с. 57]. Справедливости ради необходимо отметить, что это законодательное положение в равной степени можно отнести и к укрывательству, и даже к попустительству. Слишком неясны пределы воли законодателя в данном нормативном положении, а желание воспользоваться расширительным толкованием достаточно сильно.

Здесь, так же как и в посредственном причинении, присутствует фактическое выполнение объективной стороны общественно опасного деяния иным лицом, правосубъектность которого отсутствует, и так же присутствует юридическая ответственность другого. Хотя и нет предварительного склонения несубъекта к совершению общественно опасного деяния, отраженного непосредственно в норме, однако такое склонение не исключается априори. Нежелание хозяина выдавать зависимое лицо можно вполне рассматривать и как некое одобрение совершенного последним, и как возможное предварительно оговоренное поведение.

Согласно точке зрения А. Н. Трайнина, соучастия в древнерусском уголовном законодательстве как полноценного института еще не было. Это были лишь нормативные постановления о «родственных соучастии явлениях» [3, с. 22]. Однако данное явление вполне уместно, на наш взгляд, назвать совместным совершением преступления, тем более что его проявления были не так уж и редки в древнерусском уголовном законодательстве. Так, в частности, случаи совместного совершения преступления регламентировались в светском и церковном законодательстве по отношению к кражам, умыканию, пошибанию и пр. И ответственность всех лиц, совместно совершающих преступление, не была абсолютно равной. Равной она была в нормативных положениях светского законодательства, когда все участники независимо от выполняемых функций и вклада в достижение преступного результата платили одинаковый штраф. В Уставе князя Ярослава о церковных судах, например, выделялись главные и второстепенные виновники, которые и наказывались различно – дифференцированно в зависимости величины причиненного ущерба. Возможно, что на древнерусское церковное законодательство серьезное влияние оказало византийское законодательство.

Следующее законодательное положение, которое в равной степени можно отнести как к подстрекательству, так и к посредственному причинению, содержится в ст. 133 гл. X «О суде» Соборного уложения 1649 г. Речь в статье идет об угрозе убийством, за которую предполагался штраф от 5 тыс. руб. и более. В том случае, если лицо реально убивало потерпевшего, его ожидала смертная казнь. При этом Соборное уложение предусматривало два случая такого убийства: прямое, т. е. осуществленное самим похвалявшимся, и опосредованное, совершенное иным лицом («или по его *науценью* (курсив наш. – Авт.) кто иной его убьет») [4, с. 102–103]. И в том и в другом случае смертная казнь в равной мере полагалась обоим – и тому, кто научил, и тому, кто

совершил. Здесь нет уже упоминания о несубъектности лица, как это было в Русской Правде, но есть предварительное склонение.

Это же положение уже более компактно содержится в ст. 7 гл. XXII «Указ, за каких вины кому чинити смертная казнь, и за каких вины смертию не казнити, а чинити наказание» применительно к квалифицированному виду убийства родственников. «А будет кто убьет до смерти брата, или сестру сам, или по его *велению* (курсив наш. – *Авт.*), кто иной их убьет, а сыщется про то допряма: и их за то самих всех казнити смертию же». В статье 19, где речь шла уже о простом убийстве, также говорилось: «А будет кто над кем учинит смертное убийство, по чьему *научению* (курсив наш. – *Авт.*), а сыщется про то допряма: и того, кто на смертное убийство научал, и кто убил, обоих казнити смертию же». Термины, которые использует законодатель для обозначения процедуры привлечения, следующие: «*веление*», «*научение*», «*наущение*». И вновь ни слова о том, кем является с точки зрения правосубъектности тот, кому велели совершить убийство непосредственно.

В статье 12 этой же главы регламентируется ситуация, в соответствии с которой зависимый человек, завлекший во двор своего хозяина другое лицо, причиняет ему вред осолопом, кнутом или батогами, будучи привлечен для этого своим хозяином или каким-либо иным лицом. В данной ситуации и тот, кто привлек зависимого, и сам зависимый отвечают одинаково – обоих надлежало бить кнутом на торговой площади и «вкнутить» в тюрьму на месяц. При этом привлекший обязан был возместить моральный и физический ущерб из своего имущества в двойном размере. В том же случае, когда зависимый человек совершал подобное по своей воле, он подлежал смертной казни. Фактически об этой же категории лиц – зависимых от хозяина говорится в ст. 21 и 22. В первой речь идет о случаях, когда зависимое лицо, обороняя своего хозяина, причиняет кому-либо смерть. В таких ситуациях закон предписывает «спрашивать того убийства на том, кому он служит». Во второй говорится уже об умышленном убийстве зависимого человека, совершенном без ведома хозяина. В таких случаях лицо, совершившее убийство, нещадно казнилось.

В отличие от статей, посвященных угрозе убийством или собственно убийству, где не определяется категория вовлекаемых в преступление лиц, в ст. 12, 21 и 22 Соборного уложения четко оговаривается привлекаемое лицо. Это зависимый от хозяина человек, чья правосубъектность либо отсутствует вовсе, либо серьезным образом ограничена. Именно по этой причине ответственность смещается с него и пе-

реносится на его хозяина. При этом презюмируется, что хозяин если и не напрямую направляет действия своего слуги (приказывает ему), то во всяком случае одобряет их или они осуществляются с его ведома.

В случаях же, связанных с посягательством на жизнь, как нами уже отмечалось, категория привлекаемых не уточняется, но уточняются способы возможного вовлечения в совершение преступления. Практически это способы, которые могут быть также применены к зависимому лицу либо малолетнему («научение», «веление»), либо наущение, что означало научение, а также натравливание, науськивание, подучивание и подстрекание [5, с. 346–347]. Таким образом, вполне очевидно, что вовлечение, склонение к совершению преступления четко не дифференцировалось по адресатам применения с точки зрения их правосубъектности и формировалось применительно к некоей общей фигуре «подстрекателя». При этом необходимо отметить, что в ст. 13 данной главы речь идет не о подстрекателе, а о самостоятельном преступнике, аналогичном «подымщику» эпохи Судебников. Воры, чинящие в людях смуту и затевающие «затейные дела», – это государственные преступники, выполняющие объективную сторону специально предусмотренного состава против интересов государственной власти [4, с. 432].

Насилие и обман как способы вовлечения в совершение преступления предусматриваются в ст. 24 гл. 22 Соборного уложения о совращении русского человека в «бусурманскую» веру. И здесь достаточно четко говорится о том, что вина в уголовно-правовом смысле полностью ложится на лицо совратившее. Совращенный уголовному суду не подлежал, хотя и подвергался патриаршему воздействию по церковным правилам [4, с. 434]. В отличие от предыдущих рассмотренных нами норм в данной статье впервые говорится о фактическом отсутствии уголовной ответственности совращенного лица. В предыдущих нормах презюмировалась ответственность солидарная – и склоняющего, и склоненного. Возможно, это связано со способами склонения – насилем или обманом.

Особый интерес в рассматриваемом нами аспекте заслуживает еще один законодательный акт второй половины XVII столетия – Новоуказные статьи о татевных, разбойных и убийственных делах 1669 г. Оставляя в стороне причины, коими было вызвано принятие данного акта, хотелось бы остановиться на стиле данных узаконений, существенно дополняющих несколько глав Соборного уложения. Так, в частности, помимо существенного дополнения уголовно-материальным содержанием глав Соборного уложения, Новоуказные статьи вводят в оборот сравнительный анализ как прием законодательной

техники. В некоторых нормах Новоуказных статей (в основном это статьи об убийственных делах) появляются упоминания о том, как та или иная ситуация решается в Градских (царьградских) законах, представлявших собой светское византийское законодательство, изложенное в кормчих книгах и имеющее достаточно большое значение не только при решении церковных дел, но и в светском правоприменении. Так, например, в ст. 88, посвященной убийству родителей, а также братьев или сестер, говорится о том, как данная ситуация рассматривается в Градских законах: «Убивый восходящего по роду или сродника, и их казнить смертию. А будет которые люди в убийстве помогали и соблаговольали и их казнить смертию ж». В статье 105, предусматривающей «простое» убийство, сказано: «Повелевый кому убити некого, яко убойца осуждается» [6, с. 425, 429].

Но самое главное, на что, по нашему мнению, следует обратить внимание в Новоуказных статьях, так это отсылка к Градским законам, касающаяся возраста и психического состояния субъекта преступления. В статьях 79 и 108 Новоуказных статей повторяется одна и та же фраза: «Аще седми лет отрок, или бесный убьет кого, неповинен есть смерти» [6, с. 423]. «Это правило, – пишет А. Г. Поляк, – заимствованное из Кормчей книги, заключается в том, что малолетние дети (до 7 лет) и душевнобольные не несут ответственности за свои поступки, так как не могут отдать себе отчет в своих действиях. Так, в русский правовой оборот входят понятия недееспособности и невменяемости» [Там же, с. 489]. Как правильно замечает Р. В. Беспалов, церковь допускала детей к покаянию и причастию в возрасте семи лет, тем самым признавая за ними возможность осознавать социальную значимость своих действий, соотносить их с нормами морали и церковными догматами [7, с. 94].

Таким образом, совершенно очевидно, что в эпоху Соборного уложения в институте совместного совершения преступления формируется достаточно универсальная фигура, которая причиняет вред охраняемым законом интересам не напрямую, а опосредованно, путем воздействия на другое лицо. Это уже не просто физический исполнитель преступления, однако это еще и не подстрекатель и не организатор в современном понимании этих фигур соучастия. Согласно точке зрения С. И. Штамм, такая фигура получила наименование «интеллектуальный виновник» [8, с. 159]. Ответственность интеллектуального виновника уравнена с ответственностью лица, которое привлекается к совершению преступления. Русскому средневековому праву были чужды абстрактные (фиктивные) юридические основания для привле-

чения к уголовной ответственности лица, не выполнявшего объективную сторону состава. Оно формировало понятие действующего субъекта, органически соединяя в этой фигуре функции по вовлечению другого лица и организаторские действия, уравнивая в степени опасности данное лицо с тем, кто под его влиянием выполнял объективную сторону состава преступления.

Формулируются законодательные положения, упоминающие данную фигуру, казуально, т. е. исключительно в положениях особенного характера. При этом вплоть до второй половины XVII в. вопрос о несубъектности привлекаемого лица в законе не обозначался. То есть вполне резонно предположить, что практически во всех случаях, когда кем-либо привлекался кто-либо к совершению преступления, этот кто-либо (привлеченный) подлежал наказанию. Это было связано с общим подходом законодателя к определению субъекта преступления. Как абсолютно верно отмечал в свое время Н. Д. Сергиевский, государство настолько поглотило личность в вопросах применения наказания, что на первом месте всегда и во всех случаях стоял вопрос о всеобъемлющем применении санкции, без каких-либо гарантий для преступника [9, с. 23–25].

Литература

1. Памятники русского права : в 8 вып. / под ред. С. В. Юшкова. М., 1952. Вып. 1 : Памятники права Киевского государства. X–XII вв. 287 с.
2. Российское законодательство X–XX веков: тексты и коммент. : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1984. Т. 1 : Законодательство Древней Руси. 430 с.
3. Трайнин А. Н. Учение о соучастии. М., 1941. 158 с.
4. Памятники русского права : в 8 вып. / под ред. К. А. Софроненко. М., 1957. Вып. 6 : Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года. 504 с.
5. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2. СПб., 1902. 1802 с.
6. Памятники русского права : в 8 вып. / под ред. Л. В. Черепнина. М., 1963. Вып. 7: Памятники права периода создания абсолютной монархии. Вторая половина XVII в.
7. Беспалов Р. В. Российское законодательство о назначении наказания несовершеннолетним при множественности преступлений: история развития до XIX в. // Теория и практика общественного развития. 2018. № 7. С. 93–98.
8. Развитие русского права второй половины XVII–XVIII вв. М., 1992. 312 с.
9. Сергиевский Н. Д. Наказание в русском праве XVII века. СПб., 1887. 314 с.

Genesis of the Legal Provision on the Intermediary in the Legislation of Russian in the Middle Ages

© E. V. Georgievsky, 2020

Abstract. The paper deals with the issues of the emergence and formation of the norm of mediocore harm in the criminal legislation of Russia during the middle ages. Based on concrete historical and comparative research methods, the author formulates some conclusions about the specifics of the legislative consolidation of this legal phenomenon.

Keywords: mediocore causing, abetting, Russkaya Pravda, the Sobornoye ulozheniye.

Георгиевский Эдуард Викторович – кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного права, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: georgcrime@yandex.ru

Georgievsky Eduard Viktorovich – Candidate in Law, Associate Professor, Department of Criminal Law, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: georgcrime@yandex.ru

УДК 343.97:004.738.5

Преступность в период пандемии (анализ интернет-ресурсов)

© Ю. Р. Герасимова, 2020

Аннотация. Утверждается, что преступность в период пандемии вызвана происходящими деструктивными ситуациями в современном обществе: кто-то страдает, погибает, «опускается на самое дно», остается без элементарных средств существования, а кто-то безжалостно пополняет свои карманы, совершает преступления, так как это единственный способ выжить. Обобщается, как сложившаяся на сегодняшний момент ситуация отражена в официальной статистике и какая информация появляется на страницах интернет-ресурсов.

Ключевые слова: преступность, пандемия, COVID-19, коронавирус, преступление, интернет-ресурс.

Генеральный директор Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) Тедрос Адханом Гебрейесус 11 марта 2020 г. заявил, что ситуация с распространением болезни, вызванной коронавирусом нового типа (2019-нCoV), «может быть расценена как пандемия» [1]. Он также призвал государства «предпринимать срочные и агрессивные действия» для борьбы с коронавирусом, при этом отметив, что следует соблюдать баланс «между защитой здоровья, минимизацией экономических и социальных сбоев и уважением прав человека» [2]. Именно с этого момента следует начать отсчет влияния пандемии на все сферы жизнедеятельности мирового сообщества.

Преступность не осталась в стороне, принятие «срочных и агрессивных действий» были восприняты преступниками буквально. В июле 2020 г. Д. А. Медведев в ходе видеовстречи с главой Северной Осетии В. Битаровым и первым заместителем министра экономического развития М. Бабиным подчеркнул, что «пандемия коронавируса стала весьма сложным социальным фактором и в ряде случаев способствовала обострению различных негативных явлений, включая преступность» [3]. С этими словами нельзя не согласиться, даже несмотря на данные МВД России на 30 апреля 2020 г., согласно которым основные показатели криминогенной обстановки в стране в целом находятся на уровне прошлого года. Число зарегистрированных за первые три месяца 2020 г. убийств и покушений на убийства сократилось по сравнению с

прошлым годом на 4,9 %, разбоев – на 22,4 %, грабежей – на 8,4 %. Количество преступлений, совершенных на улицах, площадях, в парках и скверах, сократилось на 3,3 %, разбоев – на 20,9 %, грабежей – на 9,9 %, краж – на 11,2 %. Преступлений в семейно-бытовой сфере зарегистрировано на 13 % меньше, чем год назад, в том числе тяжких и особо тяжких деяний данной категории – на 16,4 % [4]. Число убийств с квалифицирующими признаками и разбойных нападений, совершенных с применением огнестрельного оружия, осталось на уровне предыдущего года. Существенно сократилось количество краж, грабежей и разбоев, совершенных группой лиц по предварительному сговору в особо крупном размере либо организованной группой в особо крупном размере [Там же]. В то же время продолжает оставаться значительным количество ИТ-преступлений. В России за три месяца 2020 г. число преступлений с использованием ИТ-технологий выросло почти на 84 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года [5]. На наш взгляд, официальная статистика в период изоляции далека от реальности, людям проще молчать, особенно если это касается домашнего насилия, не принято выносить сор из избы, действует так называемый синдром «молчания ягнят», когда никто не заявляет о преступлении. Кроме этого, большинство считает, что сейчас «не до меня, в обществе страх и паника, никто не будет решать мои проблемы». Именно поэтому автором проанализированы интернет-ресурсы, которые на сегодняшний момент остаются более объективными, в отличие от сухих цифр, которые говорят об обратном. В рамках статьи автор осветил эту ситуацию, которая была в период «первой волны» и в настоящее время через обзор интернет-ресурсов.

Так, еще в марте 2020 г. аналитики Европола в докладе «Пандемический спекулянт: как преступники эксплуатируют кризис COVID-19» отмечали, что преступники быстро воспользовались возможностями, чтобы использовать кризис, адаптируя свои способы действий или участвуя в новых преступных действиях. Исходя из информации, представленной коллегами из других стран, и собственного опыта, Европол выделял четыре области преступности в период карантина: киберпреступность, мошенничество, контрафактные товары и проявления организованной преступности [6]. Поскольку пандемия коснулась всего мира, данная информация напрямую распространяется и на нашу страну.

По данным «Лаборатории Касперского» в период с января по август 2020 г. число обнаруженных сайтов с мошенническими опросами увеличилось в 2 раза, а на 18 октября текущего года речь идет об увеличении в 2,6 раза по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. При

этом, по оценкам «Лаборатории», всего в российском сегменте интернета около 70 % сайтов, посвященных тематике коронавируса, являются мошенническими [7; 8]. Мы можем говорить о том, что чем больше людей проводит времени в интернет-пространстве, тем активнее и продуктивнее для себя действуют преступные элементы.

В самом начале введения ограничительных мер по поводу уровня преступности генерал-майор ФСБ в запасе А. Михайлов говорил, что «тяжелые времена наступают не тогда, когда люди сидят по домам. Проблемы начнутся, когда они выйдут, – ведь малый и средний бизнес рухнет. Представляете, какое количество людей окажется на улице? В первую очередь те, кто по большому счету и делать ничего не умеет. Бизнес, которому надо выживать, будет избавляться от этих людей. Они окажутся на улице, что в принципе очень опасно. Мы живем сейчас в преддверии роста преступности, который всегда сопровождает ухудшение материального положения людей, будь то кризис, война или карантин. У кого-то есть накопления, но у большинства их нет, и вряд ли все они получают достойную поддержку от государства. Именно достойную, чтобы не выжить сегодня, а обеспечить себе нормальное человеческое существование. Репрессивные меры едва ли будут эффективны. Ведь нельзя же гасить огонь бензином, также и нельзя сейчас «винтить» всех подряд. Основная проблема заключается в экономике, как помочь людям – нашим или приезжим – восстановить свой уровень жизни. Без решения этой проблемы все усилия силовых ведомств будут только подогревать негативные настроения» [9]. Сказанное нельзя оставить без комментария, так как оно очень правдиво отражает нашу реальность, автор этих слов бьет прямо в точку. В условиях ограничительных мер, изоляции мы становимся похожими на лиц, осужденных к лишению свободы: четыре стены, «день сурка», отсутствие средств к существованию, ненужность и безразличие со стороны государства. Вышесказанное подтверждается следующей информацией.

В статье Марии Берк «Криминал во время “чумы”». Как коронавирус отразился на уровне преступности в мире» в апреле 2020 г. приводилось два мнения относительно заявленной в статье тематики. Согласно первому, в странах, где введены жесткие меры карантина, уровень преступности идет на спад, так как полиция приведена в повышенную готовность, а большинство людей находится дома и выходит на улицу в случае необходимости, что снижает их шанс стать жертвой преступления, падает уровень ДТП. Согласно второму, в случае «затяжного» карантина возрастет число краж, грабежей, мародерства, голодных и обнищавших бунтов, так как люди потеряют источник дохо-

да (накопленные сбережения, работу), что спровоцирует рост преступности [10]. В статье «Бандиты не станут рисковать» от 6 апреля 2020 г. также прогнозируется дальнейшая ситуация: «И пускай правоохранительные органы пока не отмечают серьезных изменений оперативной обстановки, у тех, кто занят незаконной деятельностью, уже начинаются тяжелые времена. Наркоторговцы ждут дефицита импортных веществ, проститутки становятся вебкам-моделями, а мошенники ломают голову над тем, как использовать коронавирус для обмана россиян» [11].

Прогнозы сбываются. Совершая то или иное противоправное деяние в период пандемии, преступники действуют безжалостно, не принимая во внимание общую сложную ситуацию в стране, пользуются неразберихой, беспомощностью, безвыходностью, паникой людей. Наряду с ранее существовавшими видами мошенничества и киберпреступлениями появились новые, непосредственно связанные с ограничительными мерами в стране. Причем на сегодняшний день грань между чистым мошенничеством и киберпреступлениями настолько размыта, что можно говорить о виртуальном мошенничестве, или интернет-мошенничестве.

Так, например, это подтверждается в статье «Поможем получить выплату за карантин из-за коронавируса!» Как мошенники обманывают иркутян в пандемию», в которой речь идет о мошенничестве и его масштабе: «Этой весной виртуальные мошенники в Приангарье разгулялись не на шутку. Полиция бьет тревогу: с начала 2020-го телефонные и интернет-аферисты обманули 1013 жителей региона, а это на 43 % больше, чем за такой же период прошлого года! С января по май сибиряки отдали преступникам огромную сумму – 86,4 миллиона рублей» [12]. Мошенничество было связано с получением социальных выплат в размере 270 тыс. руб. за карантин с предварительной регистрацией и оплатой услуг, информация о которых была размещена в «Инстаграм».

Следующим примером мошенничества является продажа справок-пропусков также с предварительной регистрацией и указанием необходимых личных данных для дальнейших действий преступников: «В конце марта – начале апреля, когда столичные власти ограничили передвижения по городу, появились мошеннические сервисы: сайты, Telegram-канал, VR b Instagram-аккаунты, предлагающие купить справки-пропуска на период карантина по цене от 3 000 до 5 500 рублей» [13].

Беспрецедентный случай, произошедший в самом начале пандемии в условиях ограниченного количества, а порой и отсутствия необходимого медицинского оборудования, связан с аппаратами искусственной вентиляции легких (ИВЛ). Так, в Московской области поли-

ция задержала группу из семерых человек, занимавшихся продажей устаревших ИВЛ. На момент задержания они пытались продать товар на 70 млн руб. Всего было 286 таких аппаратов [14].

Сходная ситуация с медицинскими масками. Так, следственным отделом по Октябрьскому району г. Иркутска СУ СК РФ по Иркутской области расследуется уголовное дело по трем эпизодам преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 УК РФ (мошенничество, совершенное в особо крупном размере), п. «а» ч. 2 ст. 238. 1 УК РФ (обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий, совершенное группой лиц по предварительному сговору). По версии следствия, в апреле текущего года индивидуальный предприниматель из г. Ангарска в рамках заключенного государственного контракта поставил в ОГБУЗ «Иркутская станция скорой медицинской помощи» партию медицинских масок на сумму около 10 млн руб. [15]. Как удалось установить полицейским и ФСБ, документы на медицинские маски были фальсифицированы поставщиком – на самом деле «изделия не соответствуют требованиям ГОСТ и условиям контракта» [16]. И это происходит в тот момент, когда в СМИ и соцсетях ежесекундно напоминает о необходимости использования масок как единственного средства защиты, когда каждая человеческая жизнь на особом счету.

Приведенные примеры говорят о том, что преступность жива и благополучно растет, меняется только формат, способы совершения преступных деяний, масштабы и круг лиц, в отношении которых они совершаются. На сегодняшний момент решение проблем в период борьбы с пандемией нами видится только в роли руководства страны, которое должно было уже давно максимально быстро выработать антикризисную политику, чтобы социально-экономический кризис не превратился в затяжное падение. Кроме этого, нельзя забывать о бдительности, о доверии правоохранительным органам, не бояться заявлять о нарушениях, но при этом не агрессивировать.

Литература

1. Что такое пандемия согласно Всемирной организации здравоохранения. URL: <https://tass.ru/info/7952651> (дата обращения: 04.11.2020).
2. ВОЗ расценила распространение коронавируса как пандемию. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7951771> (дата обращения: 04.11.2020).
3. Медведев заявил о влиянии пандемии коронавируса на преступность в России. URL: <https://rg.ru/2020/07/28/reg-skfo/medvedev-pandemiia-koronavirusa-sposobstvovala-rostu-prestupnosti.html> (дата обращения: 04.11.2020).
4. Оперативная обстановка в стране находится под контролем правоохранительных органов. URL: <https://мвд.пф/news/item/20087647> (дата обращения: 04.11.2020).

5. В России число киберпреступлений выросло почти на 84 %. URL: <https://iz.ru/1000175/2020-04-15/v-rossii-chislo-kiberprestuplenii-vyroslo-pochti-na-84> (дата обращения: 04.11.2020).
6. Коронавирус и преступность. URL: <http://ruskievesti.ru/novosti/obshhestvo/korona-virus-i-prestupnost.html> (дата обращения: 04.11.2020).
7. Пандемию COVID-19 используют для массового обмана. URL: <https://vz.ru/society/2020/4/24/1035840.html> (дата обращения: 04.11.2020).
8. Лаборатория Касперского» отметила резкий рост числа мошеннических опросов в сети. URL: <https://tass.ru/obschestvo/9747419> (дата обращения: 04.11.2020).
9. С каким уровнем преступности столкнутся российские спецслужбы из-за кризиса, вызванного пандемией коронавируса? URL: <https://zakon-i-poryadok.com/2020/04/s-kakim-urovнем-prestupnosti-stolknutsya-rossiyskie-specsluzhby-iz-za-krizisa-vyzvannogo-pandemiei-koronavirusa.html> (дата обращения: 04.11.2020).
10. Криминал во время «чумы». Как коронавирус отразился на уровне преступности в мире. URL: <https://www.irk.kp.ru/daily/27113.7/4190902> (дата обращения: 04.11.2020).
11. Бандиты не станут рисковать. URL: <https://lenta.ru/articles/2020/04/06/crimetime> (дата обращения: 04.11.2020).
12. Поможем получить выплату за карантин из-за коронавируса! Как мошенники обманывают иркутян в пандемию. URL: <https://irkutsk.bezformata.com/listnews/moshenniki-obmanivayut-irkutyayn-v-pandemiyu/84604294> (дата обращения: 04.11.2020).
13. Число дел о мошенничестве рекордно выросло на фоне пандемии. URL: <https://www.rbc.ru/society/31/08/2020/5f48ea169a79477e21e25d9d> (дата обращения: 04.11.2020).
14. Мошенники начали продавать старые аппараты ИВЛ. URL: https://www.pravda.ru/news/society/1493282-apparaty_ivl (дата обращения: 04.11.2020).
15. В Иркутской области следствие ходатайствует об аресте фигурантов уголовного дела о многомиллионной закупке фальсифицированных медицинских изделий. URL: <https://irk.sledcom.ru/news/item/1507345> (дата обращения: 04.11.2020).
16. СК рассказал о мошенничестве с закупками масок в больницы Иркутска на десятки миллионов. URL: <https://tauga.info/160416> (дата обращения: 04.11.2020).

Crime During a Pandemic (Analysis of Internet Resources)

© Yu. R. Gerasimova, 2020

Abstract. Relevance of this topic was caused by destructive situations in our society. Someone suffers, dies, “goes down to the bottom”, is left without elementary means of existence, and someone ruthlessly replenishes his pockets, commits crimes, as this is the only way to survive. How the current situation is reflected in official statistics and what information appears on the pages of Internet resources and is devoted to this work.

Keywords: crime, pandemic, COVID-19, coronavirus, crime, Internet resource.

Герасимова Юлия Радиковна – доцент, кафедра юриспруденции, Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: avtos5630@mail.ru

Gerasimova Yulia Radikovna – Associate Professor, Department of Law, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: avtos5630@mail.ru

Уголовная ответственность за экологические преступления, совершенные в зоне экологического бедствия или зоне чрезвычайной экологической ситуации

© Р. А. Забавко, 2020

Аннотация. Рассмотрено состояние правового регулирования категорий «зона экологического бедствия» и «зона чрезвычайной экологической ситуации», являющихся конструктивными элементами составов преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 247, ч. 2 ст. 250, ч. 2 ст. 254, п. «г» ч. 1 ст. 256, п. «г» ч. 1 ст. 258 УК РФ. Привлечено внимание к тому, что в законодательстве отсутствуют актуальные описания данных дефиниций, что создает недопустимую для применения УК РФ правовую неопределенность. На основе комплексного анализа норм российского законодательства предложены определения, которые могли бы быть использованы в качестве толкования данных категорий для целей указанных статей УК РФ.

Ключевые слова: зона экологического бедствия, зона чрезвычайной экологической ситуации, экологические преступления, уголовная ответственность, правовая неопределенность.

Постоянное ухудшение экологической обстановки, резкое нарастание темпов деградации земель, водных объектов, появление локализованных участков местности, на которых основные экологические показатели близки к критическим ввиду стихийного бедствия природного или техногенного характера или вследствие длительной антропогенной нагрузки, породило необходимость законодательного закрепления категорий «зона экологического бедствия» и «зона чрезвычайной экологической ситуации». Правовой режим указанных зон обладает существенными особенностями по сравнению с правовым режимом экологически благоприятных территорий. Так, находящиеся в Иркутской области территории, на которых ранее осуществлялась экологически опасная деятельность (речь о бывших Байкальском целлюлозно-бумажном комбинате и «Усольехимпроме»), отличаются повышенной опасностью для людей, животных, растительности и грозят стать местами экологической катастрофы всемирного масштаба, в связи с чем на данных территориях введены ограничения пребывания и деятельности людей.

Вместе с тем в настоящее время правовой режим зон экологического бедствия и чрезвычайной экологической ситуации урегулирован недостаточно, что, по справедливому замечанию Е. С. Болтановой, «препятствует решению экологических, социальных и экономических проблем на соответствующей территории, обеспечению ее оздоровления, вывода из сложившегося неблагоприятного, опасного состояния» [1, с. 39].

Нерешенные вопросы статуса указанных зон влияют и на качество уголовной ответственности, так как совершение преступления в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации является конструктивным признаком составов преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 247, ч. 2 ст. 250, ч. 2 ст. 254, п. «г» ч. 1 ст. 256, п. «г» ч. 1 ст. 258 УК РФ.

Указанные признаки относятся к обстановке совершения преступления, т. е. системе взаимодействующих элементов, протекающих в определенных пространственно-временных условиях, в которых совершается общественно опасное деяние, влияющих на характер и степень его общественной опасности.

Законодательное определение указанных зон отличается противоречивостью. Так, Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [2] не содержит указанных дефиниций и сводит их описание к одной статье, включающей лишь указание на то, что «порядок объявления и установления режима зон экологического бедствия устанавливается законодательством о зонах экологического бедствия» и защита окружающей среды на этих территориях также обеспечивается специальным законодательством.

Законодательно определено понятие **зон чрезвычайной экологической ситуации**, под которыми понимаются специально объявленные «участки территории Российской Федерации, где в результате хозяйственной и иной деятельности происходят устойчивые отрицательные изменения в окружающей природной среде, угрожающие здоровью населения, состоянию естественных экологических систем, генетических фондов растений и животных, приостановка и предотвращение которых невозможны только за счет организационно-управленческого потенциала и материально-финансовых ресурсов данной территории» [3]. Однако данное определение в соответствии с временным порядком объявления территории зоной чрезвычайной экологической ситуации было введено для целей уже утратившего силу закона РСФСР от 19.12.1991 № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды» [4] (хотя в целом само не утратило актуальности).

Нужно отметить, что законодательного определения **зоны экологического бедствия** нет. Соответствующую дефиницию содержит Модельный экологический кодекс для государств – участников СНГ: «Участок территории, где в результате хозяйственной либо иной деятельности произошли глубокие необратимые изменения окружающей среды, повлекшие за собой существенное ухудшение здоровья населе-

ния, нарушение природного равновесия, разрушение естественных экологических систем, деградацию флоры и фауны» [5].

В то же время Водный кодекс РФ определяет эти категории фактически как синонимы, указывая, что «зонами экологического бедствия, зонами чрезвычайных ситуаций могут объявляться водные объекты и речные бассейны, в которых в результате техногенных и природных явлений происходят изменения, представляющие угрозу здоровью или жизни человека, объектам животного и растительного мира, другим объектам окружающей среды» (ч. 1 ст. 67).

Таким образом, законодательное понятие «зона чрезвычайной экологической ситуации» служит для целей уже утратившего силу закона, а понятие «зона экологического бедствия» нормативно вообще не определено. Единственное, что можно уверенно сказать о данных категориях, обе они указывают на особый правовой режим, объявляемый в соответствии с установленным порядком [6], который тоже весьма устарел (в нем содержатся отсылки к указанному выше утратившему силу закону РСФСР от 19.12.1991 № 2060-1).

Несмотря на то что в указанных статьях УК РФ эти категории имеют равное значение для квалификации, они отличаются друг от друга. Зона экологического бедствия характеризуется более высокой степенью деградации окружающей среды, наличием глубоких необратимых изменений в флоре и фауне, причинением вреда здоровью населения, разрушением экологических систем и процессов, утратой природного равновесия, потерей генофонда. Зоне чрезвычайной экологической ситуации свойственны устойчивые изменения в природе, наличие реальной угрозы здоровью населения, уменьшение биологического разнообразия, исчезновение отдельных видов животных и растений, оскудение генофонда.

Полагаем, что фактическое отсутствие законодательного определения данных категорий обязывает доктрину уголовного права разработать их научное описание. В этой связи осмелимся предложить следующие дефиниции.

Зона экологического бедствия – объявляемый в соответствии с решением государственных органов РФ участок территории, на котором наблюдается устойчивая деградация качеств окружающей природной среды, восстановление которых требует значительных материальных, организационных и временных ресурсов, грозящий без вмешательства человека превратиться в зону экологического бедствия.

Зона экологического бедствия – объявляемый в соответствии с решением государственных органов РФ участок территории, на котором наблюдается необратимое ухудшение качеств окружающей природной среды и пребывание на котором создает угрозу жизни и здоровью людей.

Литература

1. Болтанова Е. С. Правовой режим зон экологического бедствия и зон чрезвычайной ситуации // Экологическое право. 2017. № 1. С. 33–39.
2. Об охране окружающей среды : федер. закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 2. Ст. 133.
3. Об утверждении Временного порядка объявления территории зоной чрезвычайной экологической ситуации : приказ Минприроды РФ от 06.02.1995 № 45 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
4. Об охране окружающей природной среды : закон РСФСР от 19.12.1991 № 2060-1 (ред. от 10.01.2002, утратил силу в связи с принятием Федеральных законов от 30.12.2001 № 196-ФЗ и от 10. 01. 2002 № 7-ФЗ) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 10. Ст. 457.
5. Модельный экологический кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств (общая часть). Принят в г. Санкт-Петербурге 16.11.2006 Постановлением 27-8 на 27-м пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ // Информационный бюллетень. Межпарламентская ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. 2007. № 39 (ч. 1). С. 377–434.
6. Критерии оценки экологической обстановки территорий для выявления зон чрезвычайной экологической ситуации и зон экологического бедствия : методика (утв. Минприроды РФ 30.11.1992) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

Criminal Liability for Environmental Crimes Committed in an Ecological Disaster Zone or in an Ecological Emergency Zone

© R. A. Zabavko, 2020

Abstract. Analyzed the legal definitions of the definitions “zone of ecological disaster” and “zone of environmental emergency”, enshrined in part 2 of Art. 247, part 2 of Art. 250, part 2 of Art. 254, item “D”, part 1 of Art. 256, item “G”, part 1 of Art. 258 of the Criminal Code of the Russian Federation. It has been established that there are no relevant descriptions of these definitions in the legislation, and this legal uncertainty is unacceptable for the application of the Criminal Code of the Russian Federation. A comprehensive analysis of the norms of Russian legislation is carried out and definitions are proposed that can be used as the interpretation of these categories for these articles of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: disaster zone, ecological emergency zone, environmental crimes, criminal liability, legal uncertainty.

Забавко Роман Алексеевич – кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного права, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: zrairk@gmail.com

Zabavko Roman Alexeevich – Candidate in Law, Associate Professor, Department of Criminal Law, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: zrairk@gmail.com

Чрезвычайные обстоятельства как объективный признак преступления, предусмотренного ст. 343 УК РФ

© Р. В. Закомолдин, 2020

Аннотация. Анализируется уголовно-правовое значение чрезвычайных обстоятельств применительно к преступлениям против порядка несения специальных видов военной службы на примере состава, предусмотренного ст. 343 УК РФ. Рассматривается обстановка как объективный факультативный признак состава нарушения правил несения службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. Отмечается, что войсковые наряды Росгвардии несут данный вид специальной военной службы как в обычных (повседневных), так и в особых (чрезвычайных) условиях. Акцентируется внимание на анализе чрезвычайных обстоятельств несения данного вида службы и преступного нарушения соответствующих правил ее несения.

Ключевые слова: преступления против военной службы, преступления против правил несения специальных видов военной службы, преступное нарушение правил несения службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, объективные признаки состава преступления, факультативные признаки состава преступления, обстановка совершения преступления, чрезвычайные обстоятельства.

Проблема применения уголовного закона с учетом чрезвычайных обстоятельств не является новой для уголовного права [1]. Однако в контексте преступлений против порядка несения военными специальными (охранными) видами военной службы (ст. 340–344 УК РФ) ей уделяется незаслуженно мало внимания.

Так, в ст. 343 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность военнослужащих Росгвардии за преступное нарушение правил несения службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности [2; 3].

Обстановка относится к факультативным признакам состава данного преступления. Непосредственно в диспозиции данной нормы обстановка совершения указанного преступления не регламентируется, поскольку этот признак может иметь различное содержание и описать конкретные формы его проявления не представляется возможным. Однако выяснение обстановки совершения военнослужащими рассматриваемого преступления в каждом конкретном случае необходимо с целью установления всех обстоятельств произошедшего. Кроме того, в дальнейшем это может быть учтено судом при назначении виновным наказания в качестве смягчающих или отягчающих обстоятельств.

Войсковые наряды Росгвардии несут боевую службу как в обычных (повседневных), так и в особых (чрезвычайных) условиях.

В смысловом значении словосочетание «особые условия» означает необычность обстановки, в которой военнослужащие несут охранную службу и, соответственно, могут допустить преступное нарушение

правил ее несения. Под такое определение подпадает любая специфическая, нестандартная обстановка независимо от степени ее сложности. Особые условия можно определить как изменившуюся с точки зрения степени сложности и опасности для общественного порядка и общественной безопасности обстановку.

Так, по степени сложности особые условия можно разделить на две категории:

- особые условия, не носящие чрезвычайного характера, т. е. не связанные с наличием чрезвычайных обстоятельств;
- особые условия чрезвычайного характера, т. е. связанные с наличием чрезвычайных обстоятельств (наличием чрезвычайных ситуаций и введением особых режимов чрезвычайного положения, военного положения, контртеррористической операции).

Условия, относящиеся к первой группе, отличаются от повседневных условий необычностью обстановки и определенной степенью сложности несения службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, однако они не носят чрезвычайного характера. К таковым, в частности, относятся: проведение массовых мероприятий, общее осложнение оперативной обстановки и т. п.

Условия, относящиеся ко второй группе, обладают наибольшей степенью опасности и предполагают расширение полномочий войсковых нарядов по выполнению боевых задач правоохранительного характера.

В специальной литературе при характеристике обстановки, возникающей вследствие чрезвычайных обстоятельств, влекущих нарушение нормальной жизнедеятельности населения и создающих угрозу безопасности граждан, общества и государства, используются различные термины: «экстремальные условия», «чрезвычайные ситуации», «чрезвычайные обстоятельства», «чрезвычайные происшествия» и др. Однако существующее многообразие терминов объясняется прежде всего тем, что авторы стремятся наиболее полно отразить те или иные признаки, которые, по их мнению, точно характеризуют складывающуюся обстановку, поскольку от восприятия складывающейся обстановки во многом зависит ее правильная оценка, а также оценка допущенных военными войсковых нарядов нарушений.

В связи с этим прежде всего следует исключить многообразие используемой по этому поводу терминологии. Так, весьма удачно, на наш взгляд, понятие «чрезвычайные обстоятельства», которое является широким и не исчерпывается только чрезвычайными ситуациями техногенного и природного характера. Основаниями возникновения чрезвычайных обстоятельств могут также стать различные социальные явления, как то массовые беспорядки, террористические акты, групповые

нарушения общественного порядка, групповые побеги заключенных, межнациональные конфликты, несанкционированные массовые мероприятия и т. п.

Соответственно, чрезвычайные обстоятельства можно определить как крайнюю по сложности обстановку, вызываемую причинами техногенного и природного характера (стихийными бедствиями, пожарами, крупными авариями, катастрофами, эпидемиями и эпизоотиями), а также социального характера (массовыми беспорядками, межнациональными конфликтами и другими конфликтными ситуациями чрезвычайного характера), создающую реальную угрозу жизни, здоровью, правам и свободам граждан, собственности, интересам общества и государства, требующую неотложных адекватных мер по восстановлению нарушенного общественного порядка, обеспечению личной безопасности граждан и общественной безопасности.

Таким образом, с учетом источников возникновения чрезвычайных обстоятельств можно выделить три группы факторов, их обуславливающих:

- явления природы, связанные с действием стихийных сил природы (землетрясения, наводнения, засухи, лесные пожары, ураганы, оползни, цунами и т. д.);
- явления техногенного характера, связанные с прямым и опосредованным воздействием техники и технологий на общество (аварии, катастрофы, крушения и т. д.);
- явления социального характера, связанные с взаимодействием социальных сил внутри общества (массовые беспорядки, террористические акты, групповые нарушения общественного порядка, захват заложников, межнациональные конфликты, несанкционированные массовые мероприятия и т. п.).

Таким образом, несение службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности в условиях чрезвычайных обстоятельств осложняется целым рядом негативных факторов, таких как:

- наличие реальной угрозы безопасности личности, общества и государства;
- резкое нарушение общественного порядка, нормального ритма жизни граждан, деятельности предприятий, учреждений и организаций;
- расширение сферы общественных отношений, которые подвергаются противоправным посягательствам;
- снижение защищенности объектов общественной безопасности, материальных и духовных ценностей общества;

– осложнение криминогенной обстановки, повышение общественной опасности совершаемых правонарушений [1, с. 127–128].

Наличие указанных факторов определяет организацию, тактику и полномочия деятельности войсковых нарядов в условиях чрезвычайных обстоятельств.

Перечисленные выше и иные факторы, негативно влияющие как на состояние общественного порядка и общественной безопасности, так и на несение службы по их охране и обеспечению в условиях чрезвычайных обстоятельств, обуславливают введение в необходимых случаях особых правовых режимов для принятия адекватных мер по их охране и обеспечению.

Таким образом, в условиях чрезвычайных обстоятельств могут устанавливаться особые отношения, которые образуют основу особых правовых режимов, необходимость которых обусловлена степенью опасности складывающейся обстановки.

Анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод о том, что наличие чрезвычайных обстоятельств (чрезвычайных ситуаций и чрезвычайных правовых режимов) по отношению к войсковым нарядам находит свое выражение в наделении их дополнительными полномочиями по ограничению прав и свобод граждан и организаций, а также в возложении на них дополнительных обязанностей.

При этом в особых условиях ввиду нестандартности и сложности обстановки еще более возрастает значение соблюдения прав и свобод человека и гражданина, законности действий войсковых нарядов. В связи с этим уголовный закон закрепляет в качестве обстоятельства,отягчающего наказание, совершение преступления в условиях чрезвычайного положения, стихийного или иного общественного бедствия, а также при массовых беспорядках (п. «л» ст. 63 УК РФ).

Таким образом, обстановка, в которой войсковые наряды Росгвардии несут боевую службу по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности и могут допустить преступные нарушения правил несения данной службы, сложна и многообразна. В связи с этим, несмотря на ее факультативность, она имеет уголовно-правовое значение для всесторонней и полной характеристики внешних фактических обстоятельств совершения данного преступления, а также при назначении уголовного наказания [4].

Литература

1. Демидов Ю. Н. Применение уголовного закона в условиях режима чрезвычайного положения // Обеспечение безопасности населения и территорий (организационно-правовые вопросы). М. : ИГиП РАН, 1994. С. 123–133.

2. Нарушение специальных видов военной службы: вопросы уголовной ответственности / Д. В. Дутов, А. Л. Иванов, Д. Н. Кожухарик, Н. Е. Степаненко, К. В. Фатеев. М. : За права военнослужащих, 2007. Вып. 78. 208 с.

3. Закомолдин Р. В. Нарушение правил несения службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности: уголовно-правовой и криминологический аспекты : монография. Самара : Изд. Самар. гуманит. акад., 2002. 232 с.

4. Энциклопедия уголовного права. В 35 т. Т. 30. Преступления против военной службы / отв. ред. В. Б. Малинин. СПб. : Изд. проф. В. Б. Малинина, 2019. 773 с.

Extraordinary Circumstances as an Objective Sign of a Crime Provided for in Article 343 of the Criminal Code of the Russian Federation

© R. V. Zakomoldin, 2020

Abstract. The publication is devoted to the analysis of the criminal law significance of extraordinary circumstances in relation to crimes against the procedure for performing special types of military service on the example of the composition provided for in Art. 343 of the Criminal Code of the Russian Federation. The situation is analyzed as an objective optional sign of the composition of violation of the rules for the maintenance of public order and ensuring public safety. It is noted that the military detachments of the Russian Guard carry out this type of special military service both in ordinary (everyday) and in special (emergency) conditions. Attention is focused on the analysis of the extraordinary circumstances of this type of service and the criminal violation of the relevant rules for its performance.

Keywords: crimes against military service, crimes against the rules for performing special types of military service, criminal violation of the rules for performing service for the protection of public order and ensuring public safety, objective signs of corpus delicti, optional signs of corpus delicti, the situation when a crime was committed, extraordinary circumstances.

Закомолдин Руслан Валериевич – кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного права и процесса, Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти, Россия, e-mail: rus.zakomoldin@yandex.ru

Zakomoldin Ruslan Valerievich – Candidate in Law, Associate Professor, Department of Criminal Law and Procedure, Togliatti State University, Togliatti, Russian Federation, e-mail: rus.zakomoldin@yandex.ru

УДК 343.9

Причины и условия, способствующие совершению преступлений в условиях чрезвычайной ситуации

© П. Н. Кобец, 2020

Аннотация. Рассмотрены основные причины и условия, способствующие совершению противоправных деяний в условиях чрезвычайной ситуации. Сделан вывод о том, что большинство причин и условий преступности связаны с существенным изменением структуры социально-экономических отношений, в которые вовлечены граждане и которые обеспечивают их включенность в общественные процессы.

Ключевые слова: чрезвычайная ситуация, факторы преступности, предупреждение преступлений, основные детерминанты, право, законность, тревожность, стресс, борьба с преступностью.

Опыт двадцати первых лет XXI столетия свидетельствует о том, что проблематика преступных проявлений в условиях чрезвычайной ситуации со всей остротой начинает возникать после того, как чрезвычай-

чайная ситуация закончилась либо подходит к концу, именно в тот момент, когда население постепенно начинает возвращаться к месту своего постоянного жительства, а ситуация, нарушившая их обычный образ жизни, пока не до конца разрешена. Важно подчеркнуть, что предупреждение любых преступных проявлений без установления их причинного комплекса (обстоятельства, условия, факторы, их детерминирующие в широкой массе разнообразных преступных поведенческих моделей) в действительности ведет к борьбе с внешними преступными проявлениями, не затрагивая ее истоков. В этой связи установление причинного комплекса преступности представляет один из первых шагов по планированию эффективного противодействия ей.

Ранее проведенные исследования автора показали, что в период чрезвычайной ситуации ряд криминогенных процессов начинает формироваться по большей части вследствие кризисных проявлений, которые возникают после окончания бедствий и катастроф. Притом что часть преступлений может совершаться и в момент активной фазы чрезвычайной ситуации [1, с. 96].

Необходимо также отметить, что в большинстве случаев криминальные деяния, совершенные в период чрезвычайных ситуаций, не так просто изучать, потому как зачастую во время различных стихийных бедствий в силу ряда объективных причин довольно проблематично полностью разобраться во всех фактах и обстоятельствах совершенных преступлений. Поэтому выявляются не все совершенные противоправные деяния, а лишь те преступные посяательства, которые удастся зафиксировать во время совершения преступлений либо по горячим следам.

Теория антикризисного управления рассматривает кризисную ситуацию в виде нарушения социального организационного порядка, который угрожает социальным нормам и ценностям [2, с. 12]. Во время чрезвычайной ситуации подобные дезорганизации общественного порядка и всей жизнедеятельности приобретают криминологически значимые консеквенции двоякого рода. Так, в первом случае в результате влияния кризисных явлений в местах и регионах произошедших бедствий могут складываться условия, способствующие, а в ряде обстоятельств и провоцирующие противоправную мотивацию у населения пострадавшей территории. Во втором случае возникающие во время чрезвычайных ситуаций ущерб и убытки могут определять появление обстоятельств, которые облегчают совершение противоправных действий. Основные факторы первой группы связаны с ухудшающейся социальной и экономической обстановкой на территории, пострадавшей от различных бедствий.

Условия, провоцирующие крайнюю нужду граждан во время чрезвычайных ситуаций, могут возникнуть в связи с неразрешенностью социально-бытовых проблем, которые могут порождать рост преступных проявлений, основной причиной которых выступает необходимость удовлетворения собственных жизненно важных потребностей населения. Невозможность людей правомерными средствами удовлетворять свои неотложные потребности может стать одним из мотивов, облегчающих их выбор противоправных форм поведения для достижения цели. Еще одной из важных причин, активизирующих криминальные процессы, является рост уровня тревожности населения пострадавшей территории. Обеспокоенность и тревога общества может повышаться как из-за неудовлетворенности основными потребностями, так и из-за неопределенности ближайшего будущего. Последствия чрезвычайных ситуаций приводят не только к жилищным и имущественным потерям населения, но и к утрате основных источников дохода. И такая ситуация, связанная с острой нуждой граждан, возникшая в первоначальный период после окончания стихийного бедствия, может ими восприниматься не как временная, а как постоянная, которая их может ожидать в дальнейшем.

Преимущественно промышленно-развитые регионы, в которых есть градообразующие производства, в достаточной степени обладают необходимыми возможностями в скором времени трудоустроить нуждающихся в рабочих местах жителей, которые пострадали от стихийного бедствия. Сельскохозяйственные районы отличаются в этом плане от промышленных, в них не наблюдается абсолютной зависимости населения от работы сельхозпредприятий и иных производств, поскольку большая часть сельских жителей потребляет продукцию, произведенную на собственных приусадебных участках, а также может ее реализовать. Но последствия чрезвычайной ситуации не только широки и разнообразны, но и непредсказуемы. Они могут привести к сокращению площадей приусадебных земель в сельскохозяйственных районах, особенно в результате пожаров или наводнений, что может исключить возможность заниматься ведением личного подсобного хозяйства. И многие сельские жители воспримут подобную утрату как исчезновение источника не только дохода, но и в ряде случаев существования, что неизменно повлечет за собой рост тревожности и социальной напряженности [3, с. 70].

Тревожность, агрессия, враждебность жителей районов, которые пострадали от чрезвычайной ситуации, могут возникать и распростра-

няться еще и вследствие недостаточного регулирования властными структурами необходимого рынка товаров и услуг в тот момент, когда от органов власти на местах требуется предпринять все необходимые усилия, чтобы население не испытывало нехватку продовольственных товаров и предметов первой необходимости. В сложившейся ситуации важно остановить рост цен при помощи мер экономического характера, по возможности принудительно зафиксировав стоимость некоторых видов продовольственной продукции. Иначе, в отсутствие грамотной ценовой политики, неудовлетворенность жизненно важных потребностей граждан может перерасти в рост не только корыстной преступности, но и насильственной.

К числу основных причин и условий, которые подталкивают население использовать преступные средства при разрешении различных проблемных ситуаций, относится развитие у людей психологического стресса. Не стоит исключать, что стрессовая ситуация у отдельных граждан может быть вызвана некоторыми психическими отклонениями [4, с. 62]. Существенным условием, оказывающим влияние на рост преступных проявлений на пострадавшей территории, также выступает в недостаточной мере занятость граждан, особенно молодого поколения. Причем негативное влияние на рост преступности может оказать не только нехватка рабочих мест, но и неустроенность досуговой сферы. Проблемы, вызванные чрезвычайной ситуацией, могут дезорганизовать абсолютно все социальные сферы деятельности и бытия, парализуя социальную инфраструктуру и облегчая возможность реализации противоправных деяний. Рост противоправных деяний также может быть вызван минимизацией возможностей по социальному контролю за преступностью [5, с. 10], что во многом обусловлено объективными причинами – нехваткой материальных, технических, кадровых ресурсов и др. При сокращении возможностей по официальному контролю за преступностью при чрезвычайной ситуации может также произойти снижение пресечения и предупреждения преступности, осуществляемое институтами неофициального социального контроля. В первую очередь ввиду смещения представления у определенной части населения о противоправных и дозволенных вещах, что, несомненно, может помешать им правильно расценить ряд противоправных и аморальных поступков. Увеличению количества совершаемых преступлений и правонарушений в рассматриваемой ситуации в том числе может способствовать доступность предметов преступных посягательств, обусловленная разными обстоятельствами. Так, в частности,

росту числа корыстных и насильственных преступлений может способствовать разрушение либо снижение защитных свойств мест, связанных с производством, хранением и реализацией товарных и материальных ценностей. Прирост более опасных преступлений может быть детерминирован разрушением мест хранения оружия, драгоценных металлов и др.

В рамках статьи невозможно рассмотреть все причины и условия, способствующие совершению противоправных деяний в условиях чрезвычайной ситуации. И неудивительно, что ряд факторов указанной группы остались вне данного научного исследования.

Литература

1. Кобец П. Н. О повышении эффективности противодействия преступности подразделениями полиции в условиях чрезвычайных ситуаций // Сборник конференций НИЦ Социосфера. 2013. № 30. С. 95–97.
2. Мозговая А. В. Социология риска: возможности синтеза теории и эмпирического знания // Риск в социальном пространстве. М. : Институт социологии РАН, 2001. С. 272–297.
3. Кобец П. Н. Анализ криминогенной ситуации в России середины второго десятилетия XXI столетия (основные тенденции, факторы преступности и прогноз развития криминогенной ситуации) // Юридическая наука. 2017. № 1. С. 68–71.
4. Кобец П. Н. Предупреждение преступлений против личности, общества и государства в чрезвычайных ситуациях // Сборник конференций НИЦ Социосфера. 2014. № 53. С. 61–63.
5. Григорьев В. Н. Расследование преступлений в чрезвычайных условиях. М. : Академия МВД России, 1994. 195 с.

Causes and Conditions that Contribute to the Commission of Crimes in an Emergency Situation

© P. N. Kobets, 2020

Abstract. The relevance of this topic is largely due to the need to study the causal complex that contributes to the Commission of crimes in an emergency situation. In the presented work, are considered the main causes and conditions that contribute to the Commission of illegal acts in an emergency situation.

Keywords: emergency situation, crime factors, crime prevention, main determinants, law, legality, anxiety, stress, fighting crime.

Кобец Петр Николаевич – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, г. Москва, Россия, e-mail: pkobets37@rambler.ru

Kobets Peter Nikolaevich – Doctor in Law, Professor, Chief Researcher, All-Russia Scientific-Research Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs, Moscow, Russian Federation, e-mail: pkobets37@rambler.ru

Чрезвычайная ситуация как отягчающее обстоятельство при совершении преступления

© А. Е. Куковякин, 2020

Аннотация. Исследуется понятие и содержание чрезвычайной ситуации как уголовно-правового явления, влияние ее на квалификацию, толкование в разных статьях. Обозначаются виды чрезвычайной ситуации, рассмотрены признаки каждого из них. Делается вывод, что чрезвычайная ситуация – обстоятельство, которое в значительной мере увеличивает общественную опасность деяния.

Ключевые слова: чрезвычайная ситуация, отягчающее обстоятельство, катаклизм, уголовная ответственность.

Совершение преступления в условиях социальных, природных или техногенных катаклизмов [1], когда от общества и государства требуется мобилизация ресурсов на преодоление последствий этих явлений, безусловно, является осуждаемым и негативным фактором, который и без того усугубляет положение своим воздействием на охраняемые уголовным законом общественные отношения. При этом слаженность и эффективность функционирования всех институтов как гражданского общества, так и государства является наиболее эффективным способом преодоления данной ситуации.

Усиление уголовной ответственности в этой связи видится одним из наиболее целесообразных и эффективных методов борьбы с подобными рода преступлениями, в том числе направленными и на их предупреждение. Так, в качестве усиления уголовной ответственности законодатель предусмотрел обстоятельство, отягчающее наказание, в п. «л» ч. 1. ст. 63 УК РФ, где в качестве таких обстоятельств признаются совершение преступления в условиях чрезвычайного положения, стихийного или иного общественного бедствия, а также при массовых беспорядках, в условиях вооруженного конфликта или военных действий.

Данная формулировка охватывает как природные, так и общественные бедствия, а также преступления в условиях вооруженного конфликта или военных действий. С нашей точки зрения, она не вполне удачная. При этом содержание указанных ситуаций раскрывается законодателем в отдельных федеральных законах.

Так, например, в ст. 3 Федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении» к обстоятельствам введения чрезвычайного положения относятся попытки насильственного изменения конституционного строя, захвата власти, захвата особо важных объектов или отдельных местностей, массовые беспорядки, террористические акты, межнациональные, межконфессиональные и региональные кон-

фликты, сопровождающиеся насильственными действиями, чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайные экологические ситуации, в том числе эпидемии и эпизоотии и др. [2]

Следует отметить, что в упомянутом законе уже содержатся указания на массовые беспорядки как отдельное основание для введения чрезвычайного положения. В этой связи не понятно, зачем законодатель привязал их к условиям, которые приводятся там же, такие как вооруженный мятеж, террористические акты, блокирование или захват особо важных объектов или отдельных местностей, подготовка и деятельность незаконных вооруженных формирований, которые можно охарактеризовать как вооруженный конфликт или ведение военных действий. В случае перерастания данных конфликтов в полноценные военные действия необходимо введение иного правового режима – военного положения [3].

Ввиду этого законодательную технику внесенных изменений в п. «л» ст. 1 ст. 63 УК РФ Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» [4] считаем некорректной. При этом никто не оспаривает такие изменения в части усиления борьбы с терроризмом, однако привязка и дублирование уже имеющихся признаков чрезвычайного положения в ст. 63 УК РФ, по нашему мнению, неверна.

Кроме того, в ст. 63 УК РФ указывается лишь на массовые беспорядки, понятие которых определено в ст. 212 УК РФ. Массовые беспорядки сопровождаются насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением оружия, вооруженным сопротивлением власти и т. д.

Вместе с тем преступления в условиях чрезвычайного положения в основном носят либо имущественный характер, либо связаны с кругом лиц, в чьи обязанности входит осуществление своих организационно-распорядительных или административно-хозяйственных полномочий, направленных на предупреждение, предотвращение и ликвидацию последствий. Особые требования к специальным субъектам при осуществлении своих функций обоснованы и не вызывают дискуссий. Однако появляются вопросы, связанные с посягательством на имущество.

При возникновении чрезвычайных ситуаций товарно-материальные ценности и иное имущество независимо от форм собственности часто остаются без присмотра либо брошенными. Повышенной общественной опасностью совершения имущественных преступлений

в данном случае выступает умышленное намерение виновного лица воспользоваться ситуацией с целью своего обогащения за счет других.

Отсюда можно было бы допустить в качестве дополнительного признака в п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ такую дефиницию, как мародерство.

Следует отметить, что ранее действующая ст. 266 УК РСФСР 1960 г. предусматривала уголовную ответственность за «похищение на поле сражения вещей, находящихся при убитых и раненых (мародерство)» [5]. Однако само понятие «мародерство» несколько шире указанного в статье. Так, мародерство (от фр. *Maraudeur* – «грабитель», от *marauder* – «грабить») – военное преступление, хищение имущества людей, находящихся в беспомощном состоянии или самовольное использование брошенных зданий [6, с. 34]. Под мародерством также понимается похищение вещей у раненых во время эвакуации, в том числе при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера.

Возможное использование исторического опыта с точки зрения внесения изменений в действующий УК РФ является вопросом дискуссионным. По нашему мнению, достаточно было бы расширить признаки ст. 63 УК РФ, так как данный признак может быть отнесен ко всем преступлениям, совершенным в чрезвычайных условиях, как обстоятельство, отягчающее наказание.

Подводя итог изложенному выше, можем констатировать, что п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ является действенным механизмом усиления уголовной ответственности за преступления, совершенные в чрезвычайных условиях. В то же время данное обстоятельство требует уточнения и дополнения.

Литература

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: АЗБ, 1995. 994 с.
2. О чрезвычайном положении : федер. конституц. закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ (ред. от 03.07.2016) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31866 (дата обращения: 28.10.2020).
3. О военном положении : федер. конституц. закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2017) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35227 (дата обращения: 28.10.2020).
4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности : федер. закон от 06.07.2016 № 375-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_201087 (дата обращения: 28.10.2020).

5. Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. (УК РСФСР) (с изменениями и дополнениями) (утратил силу) // Гарант : справочная правовая система. URL: <http://base.garant.ru/10107062/> (дата обращения: 28.10.2020).

6. Мародерство // Военный энциклопедический словарь : в 2 т. / гл. ред. А. П. Горкин. М. : Большая российская энциклопедия : Рипол Классик, 2001. Т. 2. 816 с.

Emergency as an Aggravating Circumstance in the Commission of a Crime

© А. Е. Kukovyakin, 2020

Abstract. The article examines the concept and content of an emergency as a criminal law phenomenon, its impact on qualifications, interpretation in various articles. In addition, the types of emergency are indicated, the signs of each of them are considered. It is concluded that an emergency is a circumstance that significantly increases the public danger of an act.

Keywords: emergency, aggravating circumstance, cataclysm, criminal liability.

Куковьякин Александр Евгеньевич – кандидат юридических наук, старший преподаватель, кафедра уголовного права, Омская академия МВД России, г. Омск, Россия, e-mail: aekukovyakin@mail.ru

Kukovyakin Alexander Evgenievich – Candidate in Law, Senior Lecturer of the Department of Criminal Law, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russian Federation, e-mail aekukovyakin@mail.ru

УДК 343.3/.7:616-036.21

Влияние пандемии (COVID-19) на рост преступности мигрантов

© Е. А. Лайкова, 2020

Аннотация. Описывается ряд проблем, возникших в миграционной сфере (рост преступности среди мигрантов) в результате распространения пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19) и введения антипандемических мер на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: пандемия коронавирусной инфекции, мигранты, преступность.

В рамках международной интеграции каждое государство становится все более открытым для пребывания иностранных граждан. Российская Федерация не исключение [1, с. 50]. Пандемия коронавирусной инфекции (COVID-19) и антипандемические меры в Российской Федерации серьезно изменили жизнь мигрантов всех видов и обозначили основные проблемы в миграционной сфере.

Из-за временного закрытия границ и прекращения международных авиасообщений значительное количество трудовых мигрантов из стран СНГ, у которых истек законный срок пребывания в России, были вынуждены остаться на территории страны. Тем самым они поставлены в тяжелое положение – ожидания с неясными перспективами возвращения домой.

Кроме того, такие жесткие антипандемические меры, как самоизоляция, закрытие многих организаций на карантин, сокращение рабочих

мест, рост безработицы среди коренного населения и иностранных граждан, привели к некомфортному существованию (отсутствие возможности оплаты жилья и удовлетворения базовых потребностей). Многие мигранты будут вынуждены изыскивать любую возможность добычи средств к существованию, в том числе незаконными способами, различные пути и выходы для решения проблем своего правового нахождения и легализации на территории страны через российских криминальных дельцов (приобретение фиктивной регистрации / постановки на учет, трудового договора/патента и др.).

Очевидно, что в ближайшее время можно ожидать рост бытовой и уличной преступности, в основном корыстно-насильственных посягательств, грабежей и разбоев. Кроме того, стоит отметить, что данная ситуация способствует развитию международного терроризма и экстремизма в государстве.

Анализ миграционной ситуации свидетельствует о том, что с января по сентябрь 2020 г. на территорию Российской Федерации прибыло более, 4,3 млн иностранных граждан. Однако ни Главное управление по вопросам миграции, ни иной правительственный аппарат не владеют реальной информацией о количестве мигрантов на территории государства, их число может быть гораздо выше указанного в официальных данных.

Так, например, граждане Республики Азербайджан нашли для себя лазейку для пересечения границы путем международных авиасообщений Турция – Беларусь – Россия и т. д.

Согласно статистическим данным МВД России, с января по сентябрь 2020 г. иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории Российской Федерации совершено 26,7 тыс. преступлений, что на 2,1 % меньше, чем за январь – сентябрь 2019 г., в том числе гражданами государств – участников СНГ – 24,0 тыс. преступлений (–1,0 %), их удельный вес составил 89,7 %. Количество преступлений в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства сократилось на 4,9 % и составило 11,9 тыс. преступлений и 466 195 административных нарушений. В розыске находится 13 205 приезжих [2].

Если сравнивать вышеприведенные статистические сведения с данными прошлых лет, можно обнаружить тенденцию к росту преступности среди иностранных граждан, находящихся на территории страны.

Так, из стран дальнего и ближнего зарубежья в Российскую Федерацию в 2016 г. прибыл 16 290 031 гражданин другого государства, число преступлений, совершенных мигрантами, составило 43 933; в 2017 г. прибыло 15 710 227 чел., 41 047 преступлений, в 2018 г. –

17 764 489 чел., 35 892 преступления, в 2019 г. свыше 15,7 млн, совершено 38 563 преступления [3].

Необходимо сказать о высоком уровне латентности преступности иностранцев, обусловленной рядом причин, среди которых можно выделить отсутствие должного регистрационного учета, коррупционные связи и т. п. Во многом это связано не только с криминальными наклонностями мигрантов и низким уровнем правосознания, но и с отсутствием должного контроля со стороны органов государственной власти за их пребыванием на территории России [4, с. 63].

Кроме роста преступности среди мигрантов, серьезную угрозу для общества в связи со сложившейся обстановкой в государстве, связанной с пандемией коронавирусной инфекции (COVID-19), представляют вспышки данной эпидемии среди мигрантов, поскольку они не входят в сферу контроля учреждений здравоохранения России и имеют минимальный доступ к медицинским услугам.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что необходимо усилить деятельность полиции и других правоохранительных органов в оперативно-разыскной и миграционной сфере; совершенствовать нормативно-правовую базу, механизм миграционного контроля в целях решения задач по обеспечению национальной безопасности РФ; взаимодействовать с подразделениями УФСБ России и другими по противодействию терроризму и экстремизму. Кроме того, со стороны государства мигрантам должна оказываться социальная помощь, медицинская поддержка, содействие в легализации их правового статуса на территории России в период пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19).

Литература

1. Грибунов О. П., Лайкова Е. А. Влияние мигрантов на криминогенную обстановку и меры по противодействию преступлений, совершаемых иностранными гражданами (на примере Иркутской области) // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра : сб. науч. тр. Иркутск : Вост.-Сиб. ин-т МВД России, 2015. С. 49–54.
2. Состояние преступности в России за 2016, 2017, 2018, 2019 гг. // Офиц. сайт МВД России. URL: <http://mdd.ru/Deljatelnost/statistics/reports> (дата обращения: 19.10.2020).
3. Статистические сведения по миграционной ситуации в РФ за 2016, 2017, 2018, 2019 гг. // Офиц. сайт МВД России. URL: <http://mdd.ru/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item> (дата обращения: 19.10.2020).
4. Шатилов С. Н. Ответственность за преступления, предусмотренные статьей 322² УК РФ: вопросы теории и практики // Юрид. наука и правоохран. практика. 2016. № 4 (38). С. 62–64.

The Impact of the Pandemic (COVID-19) on the Increase in Crime of Migrants

Laikova E. A., 2020

Abstract. The author describes a number of problems that have arisen in the migration sphere (the increase in crime among migrants) as a result of the spread of the coronavirus pandemic (COVID-19) and the introduction of anti-pandemic measures in the Russian Federation.

Keywords: coronavirus pandemic, migrants, crime.

Лайкова Елена Александровна – преподаватель кафедры специальной подготовки, Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Россия, elena-lajkova@yandex.ru

Laikova Elena Aleksandrovna – Teacher, Department of Special Training, East Siberian Institute of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation, elena-lajkova@yandex.ru

УДК 343.347.2(47.7)(100)

Современное состояние обеспечения уголовно-правовой защиты режима чрезвычайной ситуации и карантинных ограничений в Украине и мире

© С. Я. Лиховая, В. П. Сысоева, 2020

Аннотация. Рассмотрены различные изменения в уголовном законодательстве Украины и некоторых других стран в связи с широким распространением коронавирусной болезни. Проанализированы новеллы и усовершенствования, введенные в связи с указанными событиями в Уголовный кодекс Украины и Кодекс Украины об административных нарушениях.

Ключевые слова: опасность, эпидемия, карантин, ответственность, ограничение.

Обеспечение санитарного и эпидемиологического благополучия всегда было стратегической и чрезвычайно важной задачей, которая стоит перед государственными органами власти любой страны. В условиях распространения острой респираторной болезни, которую вызывает коронавирус SARS-CoV-2 (далее – коронавирусная болезнь COVID-19), эта задача приобретает еще более весомое содержание, ведь все мы наблюдаем последствия неподготовленности мирового сообщества к той опасности, которая появилась на территории многих стран. Именно поэтому страны мира активизировали свою деятельность с целью предотвращения распространения коронавирусной болезни COVID-19, а разработанные мероприятия с этой целью, конечно, содержат уголовно-правовые и административно-правовые составляющие для установления ответственности за нарушение определенных требований.

Не осталась в стороне указанных процессов и Украина. 17 марта 2020 г. Президент Украины подписал Закон Украины № 530-IX «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины,

направленные на предупреждение возникновения и распространения коронавирусной болезни (COVID-19)» [1], который устанавливает ответственность за нарушение правил, направленных на выполнения вышеуказанной задачи. Этим законом была введена новая статья в Кодекс Украины об административных правонарушениях (далее – КУоАП) и усилена уголовная ответственность за нарушение санитарных норм и правил, разработанных с целью предотвращения инфекционных заболеваний. Так, на 3 месяца со дня опубликования указанного Закона за такое преступление предусмотрено наказание в виде штрафа от 1000 до 3000 необлагаемых минимумов доходов граждан, или арест на срок до шести месяцев, или ограничение свободы на срок до 3 лет, или лишение свободы на тот же срок. Действующая до этого норма предусматривала максимальный размер штрафа 100 необлагаемых минимумов доходов граждан и не предусматривала наказание в виде лишения свободы.

В соответствии с нововведенной ст. 44³ КУоАП нарушение правил карантина, а именно «нарушение правил карантина людей, санитарно-гигиенических, санитарно-противоэпидемических правил и норм, предусмотренных Законом Украины «О защите населения от инфекционных болезней», другими актами законодательства, а также решений органов местного самоуправления по вопросам борьбы с инфекционными болезнями», влечет за собой штраф от 1000 до 2000 необлагаемых минимумов доходов граждан, а в случае совершения этих действий должностными лицами – от 2000 до 10 000 необлагаемых минимумов доходов граждан. Стоит добавить, что эта норма введена законом на постоянной основе, в отличие от усиления уголовной ответственности, которое изначально имело временный характер (на срок 3 месяца), однако до сих пор, спустя почти 8 месяцев, предыдущую редакцию этой статьи законодатель не вернул.

Ю. Колос и Д. Деркач по поводу нормативного регулирования режима карантина на Украине отмечают, что приведенная статья Уголовного кодекса Украины, как и ст. 44³ КУоАП, имеет существенные юридические недостатки [2]. По их мнению, анализируемая уголовно-правовая норма не отвечает принципу правовой определенности. Уголовная ответственность фактически привязана к нарушению неопределенного перечня правил и норм по борьбе с эпидемическими, инфекционными и неинфекционными болезнями. Правила и ограничения сегодня устанавливаются широким кругом субъектов властных полномочий. При этом, если ограничения касаются прав и свобод граждан без введения чрезвычайного положения, то возникает вопрос о конституционности и законности таких ограничений. Как следствие, отдельная норма или правило, направленные на предотвращение распростра-

нения и на борьбу с распространением коронавирусной болезни COVID-19, могут быть незаконными, поскольку ограничивают права и свободы граждан неконституционным способом, однако за нарушение такой нормы или правила при определенных условиях наступает уголовная ответственность. Такая ситуация в сфере уголовной ответственности, по мнению специалистов, может привести к новым делам против Украины в Европейском суде по правам человека.

Обращает на себя внимание тот факт, что уголовная ответственность практически дублирует административную. Сегодня в анализируемом случае отсутствует четкое разграничение административного правонарушения и преступления, а размер штрафа за административное правонарушение фактически может быть даже больше, чем за уголовное.

Кроме того, ст. 325 Уголовного кодекса Украины предусматривает санкцию в виде лишения свободы на срок от пяти до восьми лет за причинение последствий в виде гибели людей или других тяжких последствий. Как замечают по этому поводу указанные выше юристы Ю. Колос и Д. Деркач, «иные тяжкие последствия» – это оценочное понятие, которое не добавляет конкретности в правоприменении этой нормы правоохрнительными органами. Такая неоднозначность в терминологии анализируемого состава преступления может иметь два противоположных последствия: либо норма будет «мертвой» из-за невозможности доказывания последствий деяния, либо, наоборот, будет служить механизмом давления, в частности на бизнес из-за безосновательного уголовного преследования [2]. Как показывает судебная практика, сегодня мы наблюдаем первый вариант развития событий.

Современная мировая эпидемиологическая ситуация требует пересмотра позиции назначения наказания за нарушение правил карантина. Стоит отметить, что в разных странах введены весьма разнообразные наказания за такие нарушения. Так, например, в Китайской Народной Республике максимальное наказание состоит в пожизненном лишении свободы, а за сокрытие симптомов вируса COVID-19 даже предусмотрена смертная казнь. Китайский уголовный кодекс не дополнялся новыми статьями о COVID-19, и не увеличивался размер санкции за существующие статьи, как, например, в Украине. В феврале 2020 г., когда в КНР наблюдалась вспышка этого заболевания, средства массовой информации всего мирового сообщества распространили новость: «Китай ввел смертную казнь за сокрытие симптомов COVID-19». На самом деле суд КНР опубликовал разъяснение, согласно которому сокрытие симптомов коронавирусной болезни COVID-19 будет квалифицироваться как преступление против общественной безопасности. В КНР, как и во многих других странах мира, многие из граждан

считают, что не нужно обращаться к врачу, даже если есть признаки тяжелого заболевания. Причины этого феномена самые разнообразные: одни люди не имеют страховки и денег на оплату лечения, другие боятся того, что в больнице существует большой риск заболеть дополнительно другой болезнью, еще кто-то не доверяет врачам или традиционной медицине вообще. Следует заметить, что, кроме вышеупомянутого карательного метода, применялись и другие меры, призванные уменьшить количество зарегистрированных лиц, зараженных коронавирусной болезнью COVID-19, но таких, которые не обращались к врачам. Например, в аптеках было запрещено продавать жаропонижающие средства без рецепта; а лицам, которые обратились в больницу с высокой температурой, предлагали единовременную материальную помощь в размере 1000 юаней (примерно \$ 140) [3]. Например, в Израиле максимальное наказание за нарушение условий карантина может быть назначено в пределах 3–7 лет лишения свободы; в Узбекистане – до 8 лет лишения свободы [3].

Таким образом, сегодня обеспечение соблюдения карантина и режима чрезвычайной ситуации в связи с распространением коронавирусной болезни COVID-19 является актуальной задачей для каждой страны, и Украина – не исключение. Применение уголовно-правовых и административно-правовых мер в этих целях призвано предотвратить совершение возможных нарушений и наказать виновных лиц при установлении состава правонарушения. Мировой опыт свидетельствует о том, что ответственность в Украине за такие правонарушения установлена примерно в таких же пределах, как и в других странах. Однако остается большой перечень открытых вопросов, в частности относительно обоснованности ограничения конституционных прав граждан; разграничения смежных составов административного и уголовного правонарушения, а также доказывания соответствующих последствий и наличия причинно-следственной связи между конкретным правонарушением и последствиями.

Литература

1. О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины, направленные на предупреждение возникновения и распространения коронавирусной болезни (COVID-19) : Закон Украины от 17.03.2020 № 530-IX // Официальный веб-портал Верховного Совета Украины. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/530-20#n8> (дата обращения: 01.10.2020).
2. Колос Ю., Деркач Д. Карантин: новые штрафы и ответственность для бизнеса. URL: <https://vkr.ua/publication/karantin-novi-shtrafi-ta-vidpovidalnist-dlya-biznesu> (дата обращения: 01.10.2020).

3. 隐瞒新冠肺炎疫情不报可能构成犯罪，最高可判死刑 = Сокрытие состояния коронавирусной пневмонии может считаться преступлением, за которое максимальное наказание – смертная казнь. Официальное разъяснение суда КНР. URL: <http://www.bjd.com.cn/a/202002/13/WS5e4512c9e4b009494868065c.html> (дата обращения: 01.10.2020).

4. Госдума РФ ввела уголовную ответственность за нарушение карантина. URL: <https://p.dwcom/p/3aEiH> (дата обращения: 01.10.2020).

Modern Realities of Ensuring Criminal Legal Protection of the Emergency Situation and Quarantine Restrictions in Ukraine and in the World

© S. Y. Lykhova, V. P. Sysoieva, 2020

Abstract. The article discusses various changes in the criminal legislation of Ukraine and some other countries in connection with the widespread spread of coronavirus disease. The article analyzes the novelties and improvements introduced in connection with these events to the Criminal Code of Ukraine and the Code of Ukraine on Administrative Offenses.

Keywords: danger, epidemic, quarantine, responsibility, restriction.

Лиховая София Яковлевна – доктор юридических наук, профессор, заведующий, кафедры уголовного права и процесса, Национальный авиационный университет, г. Киев, Украина, e-mail: k_kripp@ukr.net

Lykhova Sofia Yakovlevna – Doctor in Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Process, National Aviation University, Kyiv, Ukraine, e-mail: k_kripp@ukr.net

Сысоева Виктория Петровна – кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного права и процесса, Национальный авиационный университет, г. Киев, Украина, e-mail: k_kripp@ukr.net

Sysoieva Viktoriia Petrovna – Candidate in Law, Associate Professor, Department of Criminal Law and Process, National Aviation University, Kyiv, Ukraine, e-mail: k_kripp@ukr.net

УДК 343.72:616-036.22

Борьба с мошенничествами в условиях сложной эпидемиологической обстановки

© Л. А. Петрякова, 2020

Аннотация. Отмечено, что пандемия COVID-19 оказывает сильное воздействие на все социальные процессы в обществе, в том числе и на рост различных видов мошенничеств. Рассмотрены и описаны новые преступные виды мошенничества в период пандемии. Обоснован вывод о том, что пандемия оказала значительное влияние на способы совершения рассматриваемого вида преступления. Выявлено следующее: во-первых, во время режима самоизоляции, существенно возросло количество мошенничеств, что, соответственно, и увеличило их удельный вес в структуре преступлений; во-вторых, мошенничество за этот период совершалось в основном с использованием компьютерных технологий.

Ключевые слова: преступность, мошенничество, пандемия.

Весной 2020 г. весь мир охватила вспышка коронавирусной инфекции (COVID-19), в этой связи во всех странах были введены различные ограничительные меры, в том числе и в России. Введенные меры борьбы с COVID-19 оказали влияние на все сферы жизнедея-

тельности, что не могло не вызвать желания определенной группы людей противоправным путем достичь своего благополучия. Данные факторы, несомненно, привели к увеличению количества совершаемых хищений, так как именно корыстные мотивы совершения преступления преобладают сегодня.

Особое внимание следует уделить мошенничеству, поскольку за время действия ограничительных мер в России резко выросло число зарегистрированных случаев мошенничеств [1].

Рассматривая удельный вес совершенных хищений в форме мошенничества в общей структуре преступлений, уже можно выделить тенденцию к увеличению их количества. По данным официальной статистики МВД РФ за январь 2020 г., количество случаев мошенничества выросло на 17 % по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. Но при этом количество выявленных преступлений экономической направленности за рассматриваемый период уменьшилось.

Введение режима самоизоляции и распространение инфекции создали благоприятные условия для роста преступности в России. Мошенники довольно быстро воспользовались возможностью нажиться на пандемии, адаптировав свои преступные методы. К факторам, которые обусловили увеличение случаев мошенничества в период пандемии, можно отнести: высокий спрос на определенные товары (защитное снаряжение и фармацевтическую продукцию); усиление тревоги и страха, паники, делающих людей уязвимыми; самоизоляция и переход на дистанционную работу; ограничения общественной жизни, которые делают некоторые криминальные действия менее заметными и изощренными ввиду применения дистанционных технологий [2, с. 245].

Кроме того, росту мошенничества способствовало закрытие большинства торговых точек и открытие онлайн-магазинов, собственники денежных средств из-за режима самоизоляции предпочитали приобретать товары и услуги через онлайн-магазины, чем успешно пользовались мошенники (например, возникали сайты-клоны известных магазинов).

Анализ судебной практики позволил выделить наиболее распространенные виды мошенничеств, совершаемых в период пандемии.

Первый вид мошенничества связан с распространением писем (фишинг), в которых содержится ссылка на вредоносный веб-сайт, от имени Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) и Роспотребнадзора с ложными рекомендациями по профилактике коронавирусной инфекции [3, с. 42]. Потерпевший, переходя по вредоносной ссылке, теряет сохранность своих данных. Также мошенники делают рассылку извещений и сообщений гражданам о якобы имевших место фактах

нарушения ими режима самоизоляции с требованием уплаты штрафов на указанные реквизиты, чтобы избежать уголовной ответственности. Подобные действия совершаются в целях сбора данных о пользователях, а также получения доступа к их личной информации (начиная с имени, фамилии и отчества и заканчивая номером банковской карты).

Второй вид мошенничества – хищение средств граждан и организаций под видом сбора денег на благотворительные нужды (в помощь заболевшим коронавирусом и членам их семей, медицинским работникам и т. д.). Данные преступления совершаются путем размещения объявлений о помощи в различных социальных сетях либо же прямого обращения к гражданам от имени их родственников или сотрудников медицинских учреждений с просьбой о переводе денежных средств на лечение их близких, якобы заразившихся COVID-19.

Третьим видом является оформление безлимитного пропуска на передвижение по городу в период действия ограничений на свободное перемещение (апрель – июнь 2020 г.).

К четвертому виду мошенничества относятся предложения и продажа товаров под видом чудодейственной вакцины от COVID-19. Такие предложения были размещены в начале января 2020 г. в сети Интернет по всему миру, несмотря на то что подобных препаратов на тот момент еще не изобрели. Кроме того, под видом чудодейственных средств от вируса продают различные микстуры, предметы религиозного культа и т. д. Имеет место оказание услуг оккультизма в виде «заговора», «заклинания», реализации «заговоренной воды» и т. д.

Таким образом, несмотря на то что с начала пандемии прошло еще не так много времени, на данный момент могут быть сделаны определенные выводы и прогнозы, касающиеся динамики развития мошенничества: мошенничество претерпело значительные изменения в связи с распространяющейся пандемией COVID-19, из-за сложившейся напряженной ситуации и отмеченной нами тенденции в дальнейшем по мере снятия ограничительных мер прогнозируется стабильно высокий показатель совершения мошеннических преступлений. Кроме того, мошенничество за этот период совершалось в основном с использованием компьютерных технологий, что свидетельствует о высоком уровне знаний мошенников.

Литература

1. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – июнь 2020 года. URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 23.10.2020).
2. Багреева Е. Г. Мошенничество в период и после COVID-19: состояние и тенденции // Самоуправство. 2020. № 3. С. 244–247.
3. Кибальник А. Г. Уголовно-правовая реакция на коронавирусную пандемию // Законность. 2020. № 5. С. 41–45.

Combating Fraud in a Challenging Epidemiological Environment

© L. A. Petryakova, 2020

Abstract. The article analyzes the impact of the COVID-19 pandemic on the state of fraud in Russia. The author notes that this pandemic has a profound impact on all social processes in society, including the growth of various types of fraud. Reviewed and described new types of criminal fraud during the pandemic. As a result, the conclusion was substantiated that the pandemic had a significant impact on the methods of committing the crime in question. Firstly, during the self-isolation regime, the number of frauds increased significantly, which accordingly increased their share in the structure of crimes. Secondly, the fraud during this period was carried out mainly using computer technology.

Keywords: crime, fraud, pandemic.

Петрякова (Пойманова) Людмила Александровна – преподаватель, кафедра уголовного права, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: poimanowa@mail.ru

Petryakova (Poymanova) Lyudmila Aleksandrovna – Lecture, Department of Criminal Law, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: poimanowa@mail.ru

УДК 343.988

Обеспечение виктимологической безопасности в условиях чрезвычайных ситуаций

© А. Л. Репецкая, 2020

Аннотация. Рассматриваются факторы, повышающие виктимизацию потерпевших от преступлений в условиях чрезвычайной ситуации техногенного или природного характера. В их число включены объективные виктимогенные факторы и стрессовая виктимность. Делается вывод, что основным виктимогенным фактором является сама чрезвычайная ситуация, а также внезапность ее возникновения и интенсивность источника опасности. Доминирующая группа преступных посягательств, от которых виктимизируются потерпевшие в условиях таких ЧС, – преступления против собственности, хотя это могут быть и другие деяния. Предлагаются направления обеспечения виктимологической безопасности, повышения уровня восприятия защищенности от преступных посягательств в указанных видах ЧС.

Ключевые слова: виктимологическая безопасность, потерпевший от преступления, чрезвычайная ситуация.

Развитие современного общества тесно связано с научно-техническим прогрессом, который создает новые условия развития общественных отношений и новые угрозы, возникающие в процессе обеспечения его жизнедеятельности. Однако человеческому обществу угрожают и другие опасности, не связанные с его жизнедеятельностью, а имеющие стихийный, природный характер.

Чрезвычайные ситуации (ЧС) имеют множество источников происхождения, основными из которых являются источники опасности, обусловленные деятельностью людей либо имеющие природный характер. Из-за их разнообразия регламентация понятия «чрезвычайная

ситуация» затруднено. Многочисленные попытки по его определению сходятся в том, что предметом правового регулирования в данном случае являются различные опасные ситуации [см., например: 1; 2; 4; 8]. Так или иначе, наиболее часто чрезвычайная ситуация трактуется как некая исключительная обстановка или событие.

Законодательные органы государственной власти Российской Федерации как правило, отождествляют понятие «чрезвычайная ситуация» с ситуациями природного и техногенного характера и при этом не учитывают угрозы военного, биологического, биолого-социального и социально-экологического характера [7, с. 477].

В любом случае, даже если ограничиться рамками только природного и техногенного характера происхождения ЧС¹ (о чем было указано раньше), то их виды многочисленны и разнообразны. При этом любой источник, создающий ЧС, причиняет значительный вред окружающей среде, человеку и в конечном итоге обществу в целом. В этой связи государству в лице его различных органов, ликвидирующих как сам источник ЧС, так и его последствия, необходимо в качестве отдельного направления деятельности предусматривать мероприятия по обеспечению виктимологической безопасности потерпевших в условиях чрезвычайной ситуации.

Понятие виктимологической безопасности как самостоятельной категории появилось в научном обороте относительно недавно. При этом некоторые авторы определяют данное понятие достаточно широко – как состояние защищенности от всевозможных угроз, где угрозы криминального характера являются одной из составляющих наряду с другими видами конфликтных ситуаций [5, с. 5].

В условиях ЧС виктимологическая безопасность граждан может трактоваться, как представляется, еще более широко, так как в значительной мере вред потерпевшим может причиняться природными силами и не иметь криминального или конфликтного характера. Между тем хотелось бы остановиться на рассмотрении достаточно узкого аспекта виктимологической безопасности, ограниченного рамками уголовного закона, когда речь идет о состоянии и процессе защищенности личности и общества от криминальных (виктимологических) угроз,

¹ В настоящей статье не рассматривались ЧС, имеющие источником происхождения социальные, военные конфликты. В этих видах ЧС потерпевшие виктимизируются от широкого круга преступлений, и, соответственно, направления обеспечения виктимологической безопасности в этих случаях другие.

виктимизации и ее последствий, а также восприятию уровня такой защищенности обществом и его членами [3, с. 171; 6, с. 85].

Представляется, что попавшие в чрезвычайную ситуацию граждане, помимо вреда, который причиняется источником опасности (пожар, наводнение, землетрясение, обрушение зданий, техногенная авария и др.), могут виктимизироваться и от различных видов преступлений, для совершения которых конкретная ЧС создает необходимые условия.

Так, например, вероятность виктимизации таких граждан от почти всех видов преступлений против собственности в условиях указанных ЧС значительно повышается. Это связано с тем, что, как правило, возникающая ситуация почти всегда имеет неожиданный характер (нередко она возникает ночью), когда человек не ожидает ее и не готовится к эвакуации, часто спасаясь от угрозы за очень короткий период времени без возможности позаботиться об оставленном имуществе. При этом, чем интенсивнее действует источник опасности, тем короче указанный период. Этим могут пользоваться воры, грабители, мошенники и другие преступники, поскольку имущество граждан в чрезвычайных ситуациях остается фактически без охраны и присмотра, так как самих граждан эвакуируют в более безопасные места.

В данном случае виктимизацию потерпевших детерминируют виктимогенные факторы, к ним относится сама чрезвычайная ситуация, в которой оказался потерпевший и условия которой не позволяли ему осуществить необходимые действия для защиты своего имущества от посягательств.

Думается, что к виктимогенным факторам объективного характера в этой ситуации присоединяется еще и стрессовая виктимность, которая повышает вероятность подвергнуться обману, краже, грабежу и т. п. Состояние сильного стресса, не позволяющего принять адекватное решение или осуществлять необходимые действия, типично для чрезвычайных ситуаций, когда человек даже до конца может не понимать, что происходит, либо впадает в ступор и ничего не может сделать.

Кроме того, если речь идет о предпринимателях, имущество которых подвергается посягательствам в условиях, например, стихийных бедствий, аварий и т. п., то основным видом в этих случаях выступает ролевая виктимность. Она может сочетаться со стрессовой виктимностью (если предприниматель находится в зоне ЧС), а может детерминировать виктимизацию таких лиц самостоятельно.

Существует и другой вариант виктимизации в условиях ЧС, когда человек отказывается от эвакуации (например, в условиях наводнения или урагана), опасаясь посягательств на свое имущество. В этом случае он может стать жертвой мародеров, которые могут совершать не только корыстные, но и корыстно-насильственные преступления.

В целом совокупность этих факторов значительно влияет на уровень виктимизации граждан, оказавшихся в условиях чрезвычайной ситуации, и нужно признать, что обеспечить их виктимологическую безопасность в данных обстоятельствах весьма проблематично, особенно если ЧС возникла внезапно и виктимизация является первичной.

Однако и в этих условиях необходимые охранительные (контроль территории ЧС с воздуха либо, если есть возможность наземной охраны, оцепление территории (зоны) ЧС при ее локальном характере и т. п.) и информационные меры, объясняющие гражданам, какие необходимые действия они должны совершить (например, забить окна и двери, если есть такая возможность; взять с собой наиболее ценные вещи при эвакуации) и как будет обеспечиваться охрана имущества в отсутствие граждан, могут существенно снизить вероятность их виктимизации от преступных посягательств, в частности на собственность. Работа специальных подразделений полиции в зонах ЧС по выявлению лиц, осуществляющих преступные посягательства, также будет снижать уровень виктимизации граждан и обеспечивать как их безопасность, так и их имущества.

Кроме того, реализация таких мер значительно повысит уровень восприятия защищенности, что также служит обеспечением виктимологической безопасности граждан в условиях чрезвычайных ситуаций.

В силу того что разные типы ЧС имеют обыкновение повторяться при определенных условиях на одной и той же территории (наводнения, пожары, землетрясения, производственные аварии, выбросы вредных веществ и т. д.), может наблюдаться рецидив виктимизации в сходных ЧС.

В этом случае население должно регулярно информироваться о вероятности возникновения таких ЧС, данных мониторинга ситуации, динамике ее развития, опасности для граждан. Помимо этого, граждане должны иметь информацию о том, как они могут обезопасить свои дома и имущество в условиях конкретной ЧС, что предпримет администрация субъектов или муниципальных образований для обеспечения безопасности на время действия ЧС.

Между тем необходимо учитывать, что все вышеописанные мероприятия представляют собой определенный шаблон действий по обеспечению виктимологической безопасности органами власти, который должен наполняться специфическими мерами в зависимости от вида, характера и интенсивности развития чрезвычайной ситуации.

Литература

1. Андреев С. А. Концептуальные подходы к трактовке понятия «чрезвычайная ситуация» // Вестник Воронежского института ГПС МЧС России. 2015. № 1 (14). С. 47–55.
2. Басова Ю. Ю. Теоретические подходы к определению понятия «чрезвычайная ситуация» // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 2–5. С. 48–51.
3. Варчук Т. В., Вишневецкий К. В. Виктимология : учеб. пособие / под ред. С. Я. Лебедева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2010. 191 с.
4. Горбушина И. А. Чрезвычайные ситуации: теоретический анализ в отечественной и зарубежной науке // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 4 (43). С. 272–275.
5. Задорожный В. И. Концептуальные основы виктимологической профилактики преступлений : автореф дис. ... д-ра юрид наук. М., 2006. 47 с.
6. Карпышева Ю. О., Репецкая А. Л. Виктимологическая безопасность в России и Китае: попытка компаративного анализа // Сибирский юридический вестник. 2019. № 3. С. 84–90.
7. Корчуков А. А. Анализ понятия чрезвычайной ситуации в отечественном и зарубежном праве // Организационно-правовое регулирование безопасности жизнедеятельности в современном мире : сб. материалов конф. СПб., 2018. С. 477–484.
8. Комовкина Л. С., Кропачева А. В. Понятие чрезвычайной ситуации: проблема законодательного определения и теоретико-правовой анализ // Вестник экономической безопасности. 2016. № 3. С. 61–68.

Ensuring Victimological Safety in Emergency Situations

© A. L. Repetskaya, 2020

Abstract. The article describes the factors that increase the victimization of victims of crimes in an emergency situation of a man-made or natural nature. These include objective victimogenic factors and stress victimization. The author comes to the conclusion that the main victim-causing factor is the emergency itself, as well as the suddenness of its occurrence and the intensity of the source of danger. The dominant group of criminal encroachments, from which victims in such emergencies are victimized, are crimes against property, although these may also be other acts. The directions of ensuring victimological safety, increasing the level of perception of security against criminal encroachments in these types of emergencies are proposed.

Keywords: victimization safety, crime victim, emergency.

Репецкая Анна Леонидовна – доктор юридических наук, профессор, кафедра уголовного права, Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия, e-mail: repetsk@mail.ru

Repetskaya Anna Leonidovna – Doctor in Law, Professor, Department of Criminal Law, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: repetsk@mail.ru

Корыстная преступность в условиях экономического кризиса, вызванного чрезвычайной ситуацией

© Е. В. Рогова, 2020

Аннотация. Обобщается, что в условиях экономического кризиса, вызванного пандемией и наблюдающегося во всем мире, особую актуальность приобретает исследование корыстной преступности. Отмечается, что корыстные преступления занимают значительное место в структуре преступности, поэтому требуют к себе повышенного внимания со стороны органов государственной власти. Уточняется, что в первую очередь среди причин корыстной преступности преобладают экономические, в частности, речь идет об экономических кризисах и их влиянии на преступность.

Ключевые слова: корыстная преступность, экономический кризис, чрезвычайная ситуация, пандемия.

В статье речь пойдет о корыстной преступности в условиях экономического кризиса, вызванного пандемией, это связано с тем, что во время пандемии чрезвычайная ситуация не вводилась. Данное обстоятельство обусловлено, как представляется, тем, что ее введение влечет за собой принятие со стороны государственных органов определенных организационно-правовых мер, прежде всего финансового характера. Однако условия, в которых проходит самоизоляция, близки по своим ограничительным характеристикам к условиям, присущим чрезвычайной ситуации. В государстве, например, было серьезно ограничено право на передвижение, что сказывается на движении товаров, услуг, капитала, рабочей силы.

В такой обстановке очевидно негативное влияние пандемии на социальные процессы, происходящие в стране. Не стало исключением такое негативное социальное явление, как преступность, в частности такой ее вид, как корыстная преступность. Безусловно, пандемия неизбежно провоцирует экономический кризис. В этой связи следует сказать, что в настоящее время нарастание психологической напряженности, тревог и страхов, вызванных ухудшением материального положения значительной части населения, невозможностью прогнозировать свое будущее, резким имущественным расслоением, способствует росту корыстной преступности, появлению новых способов совершения корыстных преступлений. Отражением экономического кризиса, обусловленного пандемией, является закрытие ряда предприятий малого и среднего бизнеса, увеличение числа безработных граждан, снижение заработной платы, следствием чего становится снижение доходов большей части населения. Потеря работы влечет за собой потерю по-

стоянного легального источника дохода, утрату определенных материальных сбережений. Такое положение с неизбежностью порождает отчаяние и даже озлобленность людей, также возникает духовный кризис в обществе, вызванный переоценкой ценностей, когда на первое место выходит материальное состояние людей. Все это сопровождается усилением социальной поляризации, маргинализацией, алкоголизацией, наркотизацией, пропагандой культа материальных ценностей, а не духовных, что не может не вызывать рост корыстной преступности [1, с. 41–44].

В условиях экономического кризиса, как уже отмечалось, достаточно серьезно увеличивается в принципе и так существовавшее до кризиса материальное расслоение населения по уровню его доходов. В этой связи совершенно обоснована точка зрения о том, что среди обстоятельств, детерминирующих корыстные преступления, значительную роль играет не само по себе неудовлетворительное материальное состояние населения как таковое, а именно значительно разнящийся уровень удовлетворения потребностей людей, принадлежащих к разным социальным группам. Специалисты констатируют тот факт, что в российском обществе в настоящее время отмечается высокий уровень неравенства по доходам среди населения. Зарубежные авторы также указывают на данный факт, отмечая, что исследования, проведенные в развитых странах, показывают, что имущественная преступность монотонно возрастает вместе с неравенством [2, р. 1–2].

Таким образом, экономический кризис с неизбежностью влечет за собой увеличение криминогенного потенциала в обществе. Становится нормой разрешение определенных экономических проблем и задач с помощью незаконных средств и способов. Деятельность некоторых предпринимателей в настоящее время носит предкриминальный и криминальный характер. Исследования материалов уголовных дел свидетельствуют о том, что участились случаи совершения хищений с использованием поддельных документов, платежных банковских карт.

Корыстная преступность – это наиболее распространенный, разнообразный вид преступности. Статистические показатели и исследования корыстной преступности подтверждают, что данный вид преступности занимает лидирующие позиции как в нашей стране, так и в зарубежных странах. А разнообразной эту преступность можно назвать потому, что к ней можно отнести как квартирные, карманные кражи, так и коррупционные преступления; как присвоения, растраты, мошен-

ничества, так и рейдерские захваты, незаконную торговлю оружием, наркотиками, бандитизм, торговлю людьми и т. п.

Основным признаком, позволяющим включить преступления в группу корыстных, является своеобразный характер мотивации – корысть. В действующем уголовном законодательстве такая мотивация представлена различными терминами: «корыстная цель», «корыстная заинтересованность», «корыстные побуждения», «извлечение имущественной выгоды», «извлечение дохода», «по найму» и др. В уголовно-правовом значении под корыстью следует понимать осознанное стремление человека к получению противоправной безвозмездной имущественной выгоды.

Следует обратить внимание на факторы, которые обуславливают изменения в корыстной преступности, способах, сферах совершения корыстных преступлений. Во-первых, безусловно, это наличие достаточно высокого спроса на определенные товары, такие как защитные средства, медицинские товары, фармацевтическая продукция и т. п. Во-вторых, режим самоизоляции предполагает, что значительная часть людей переходит на удаленную работу, применяя при этом цифровые форматы осуществления деятельности, в связи с чем работодатели позволяют подключаться к системам своих организаций большому количеству лиц. В-третьих, очевидно снижение мобильности людей, они остаются дома, осуществляют покупки необходимых товаров через сеть Интернет. В-четвертых, внушительная часть внимания правоохранительных органов направлена на осуществление контроля за соблюдением карантинных мер.

На фоне пандемии меняются криминальные рынки, деятельность некоторых из них приостанавливается в связи с закрытием границ, а деятельность других, напротив, расширяется. Примером тому может служить незаконный оборот фальсифицированных лекарственных средств, медицинских товаров, средств индивидуальной защиты и т. п., т. е. таких товаров, которые пользуются наибольшим спросом во время пандемии. Меняются способы совершения ряда корыстных преступлений, таких, например, как мошенничества, кражи. В условиях самоизоляции во время пандемии преступники переходят в онлайн-среду, придумывая новые схемы совершения таких преступлений. На официальном сайте МВД России приводятся примеры распространенных в настоящее время видов мошенничества, совершаемых в онлайн-среде, начиная с так называемых брачных мошенничеств, заканчивая историями о помощи больным детям и т. п. [3].

Возрастает количество мошенничеств, краж с использованием электронных средств платежа, распространение получают факты так называемого телефонного хищения. Так, на сайте Сбербанка приводятся предостережения от «телефонных» краж, мошенничеств, совершаемых различными способами, например: когда преступник, звоня по телефону, представляется сотрудником службы безопасности банка и просит сообщить данные карты, или происходит так называемый «перевод по ошибке», когда лицу приходит СМС-сообщение, подделанное под банковское, о якобы перечисленных денежных средствах на его счет, следом приходит сообщение с просьбой вернуть «ошибочно переведенные» средства. Еще один вариант такого мошенничества заключается в предложении со стороны преступников «выгодных инвестиций», при котором потерпевшему предлагается осуществить выгодное вложение денежных средств путем перевода этих средств на счет злоумышленника. Также можно отметить различные «выигрыши в лотереях», проведение «опросов от Сбербанка» и т. п. [4].

Распространение получает такой способ совершения хищения, при котором преступники обзванивают людей под видом сотрудников туристических компаний, авиакомпаний и предлагают оформить возврат потраченных на приобретение путевок или билетов средств. Потерпевшие в ряде случаев, не задумываясь, называют данные банковских карт, в результате чего происходят списания с их банковских счетов. Некоторые преступники предлагают получить социальные выплаты и материальную помощь, собирая информацию о банковских картах и персональные данные. Преступники звонят гражданам и сообщают, что последние якобы контактировали с зараженными коронавирусом, и обещают прислать специалистов для проведения анализа за 5 тыс. руб. Другая схема основана на звонках от лица работников городских поликлиник. Злоумышленники заявляют о серьезных проблемах со здоровьем потерпевшего по результатам анализов и предлагают купить дорогостоящие препараты, которые на самом деле являются дешевыми пищевыми добавками.

Увеличивается количество мошенничеств в сфере компьютерной информации. Компьютерными мошенниками создаются сайты-двойники для списания денежных средств потерпевших с их банковских счетов, взламываются аккаунты людей в социальных сетях и т. п. Примером может служить создание сайта-одностраничника, где выкладываются товары, визуально схожие с брендовыми, но отличающиеся по ценам. С учетом цены ниже рыночной такие сайты работают

по стопроцентной предоплате. По договоренности с продавцом деньги перечисляются, как правило, за границу через Western Union на имена различных людей, после чего псевдопродавец исчезает. Зеркальные сайты создаются по доставке продуктов, медикаментов и т. п.

Кроме того, в существующих условиях пандемии для доступа к чужому имуществу, а также для его изъятия при хищениях преступниками используются обманы, связанные с выдачей себя за представителей органов государственной власти, медицинских работников, предоставляющих информационные материалы, средства индивидуальной защиты, гигиены или профилактики, либо проводящих тесты на коронавирус.

Подводя итог, следует отметить, что экономический кризис, обусловленный пандемией, влияет на состояние и структуру преступности. Преступники достаточно быстро адаптировались к сложившейся ситуации, изыскав новые способы совершения хищений, основанные на опасениях, проблемах граждан, возникающих в период кризиса.

Литература

1. Упоров И. В. Мировой экономический кризис и статистика преступности в России // Общество и право. 2009. № 5. С. 41–44.
2. Crime And Inequality In South Africa : Non-Linear Outcomes Under Extreme Inequality / H. Bhorat, A. Lilenstein, J. Monnakgotla, A. Thornton, K. Van Der Zee. Development Policy Research Unit Working Paper 202001. DPRU, University of Cape Town, 2020. 40 p.
3. Распространенные виды мошенничества с использованием компьютерных технологий. URL: <https://мвд.рф/document/11700239>.
4. Как обманывают мошенники. URL: https://www.sberbank.ru/ru/person/dist_services/cybersecurity/cybersecurity_situations.

Self-Serving Crime in an Economic Crisis Caused by an Emergency

© E. V. Rogova, 2020

Abstract. In the context of the economic crisis caused by the pandemic that is taking place all over the world, the study of self-serving crime is of particular relevance. It is well known that self-serving crimes occupy a significant place in the structure of crime, so they require increased attention by public authorities. First of all, the causes of self-serving crime are economic, in particular, we are talking about economic crises and their impact on crime.

Keywords: self-serving crime, economic crisis, emergency, pandemic.

Рогова Евгения Викторовна – доктор юридических наук, доцент, профессор, кафедра уголовно-правовых дисциплин, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск, Россия, e-mail: rev-80@yandex.ru

Rogova Evgeniya Viktorovna – Doctor in Law, Associate Professor, Professor, Chair of Criminal Law Disciplines, Irkutsk Law Institute (Branch) University of the Prosecutor's office of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: rev-80@yandex.ru

Преступления на рынке ценных бумаг в современном мире

© И. М. Середа, 2020

Аннотация. Исследуется вопрос о том, что рынок ценных бумаг в сегодняшнем его виде представляет собой важнейший элемент экономики и исполняет роль регулятора инвестиционных потоков, обеспечивающего оптимальную для общества структуру использования ресурсов. Именно через рынок ценных бумаг осуществляется основная часть процесса перетекания капиталов в отрасли, гарантирующая наибольшую рентабельность вложений. Вместе с тем возникают и уголовно-правовые риски экономической деятельности на фондовом рынке. Дается определение преступлений на рынке ценных бумаг, а также предлагается классификация указанных преступлений на современном этапе социально-экономического развития общества.

Ключевые слова: преступление, ценные бумаги, рынок, система, эмиссия.

В нашей стране рынок ценных бумаг представляет собой один из типов финансовых рынков, где торгуют специфическим товаром – ценными бумагами, стоимость которых определяется стоящими за ними активами. Его возникновение предопределяет появление избытка финансовых средств в одних отраслях экономики и недостаток таких средств в других.

Рынок ценных бумаг выполняет сразу несколько государственно значимых функций.

1. Регулирование инвестиционных потоков. Благодаря этому капиталы, перетекая в нуждающиеся в них отрасли, приобретают наибольшую рентабельность.

2. Придание инвестиционной деятельности массового характера. Рынок ценных бумаг – это такая среда, в которой любой экономический агент со свободными денежными средствами может инвестировать в любое производство посредством покупки ценных бумаг.

3. Определение экономического благополучия страны. Обобщенные показатели рынка ценных бумаг являются основными индикаторами состояния экономики в стране.

4. Стимулирование государством целевых направлений в экономике. Посредством покупки акций отдельных предприятий государство может развивать сегменты экономики, необходимые для общества в целом.

5. Демократизация экономики на микроуровне в виде существования собраний акционеров, на которых судьба предприятий определяется путем голосования владельцев акций.

Из этого следует, что рынок ценных бумаг является ключевым институтом для экономики государства, а значит, нуждается в соответствующей уголовно-правовой охране.

Понятие рынка ценных бумаг не выработано на легальном уровне. Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «О рынке ценных бумаг» не содержит понятия рынка ценных бумаг, однако, исходя из анализа его структуры и предмета регулирования, содержащегося в ст. 1 настоящего ФЗ, можно выделить основные составляющие рынка:

- 1) это отношения, возникающие при эмиссии и обращении ценных бумаг;
- 2) деятельность профессиональных участников рынка.

Для определения рынка ценных бумаг необходимо обратиться к юридической литературе. Т. Л. Скворцова определяет рынок ценных бумаг как «совокупность отношений между его участниками (субъектами) по поводу объектов рынка, т. е. ценных бумаг» [1, с. 166]. Представляется, что данное определение не раскрывает специфики отношений рынка ценных бумаг и имеет очень сокращенный вид. Н. Л. Маренков понимает рынок ценных бумаг как совокупность экономических отношений по поводу вопроса и обращения ценных бумаг между его участниками [2, с. 21]. Синтезируя юридический и экономический подходы к данному понятию, можно выделить две составляющие рынка ценных бумаг: 1) отношения по поводу выпуска (эмиссии) ценных бумаг; 2) отношения по поводу размещения и обращения ценных бумаг. Данные элементы являются составными частями рынка ценных бумаг как объекта уголовно-правовой охраны. Однако федеральный закон, кроме данных элементов, добавляет в его содержание особый правовой режим профессиональных участников рынка. В данной сфере для уголовного права значение имеет надлежащий учет прав на ценные бумаги, что является одним из видов деятельности профессиональных участников рынка.

Л. Ю. Рябова, кроме прочих элементов рынка ценных бумаг как объекта уголовно-правовой охраны, предлагает выделять соблюдение прав владельцев ценных бумаг, поскольку нарушение данных прав влечет, с одной стороны, неспособность потерпевшего (владельца эмиссионных ценных бумаг либо инвестиционных паев паевых инвестиционных фондов) к реализации предоставленных законом прав, не получение должного дохода и т. д., с другой – неосновательное обогащение лиц в результате противоправных деяний, которым законодатель не придает значения [3, с. 24].

В итоге рынок ценных бумаг как объект уголовно-правовой охраны составляют следующие элементы:

- 1) отношения по поводу выпуска (эмиссии) ценных бумаг;
- 2) отношения по поводу размещения и обращения ценных бумаг;
- 3) отношения по поводу учета прав на ценные бумаги;
- 4) отношения по поводу соблюдения прав владельцев ценных бумаг.

В связи с этим все преступления, направленные на охрану рынка ценных бумаг, можно также разделить на четыре категории в зависимости от элементов рынка, на которые они посягают:

1) преступления, посягающие на установленный законом порядок эмиссии ценных бумаг (ст. 185 УК РФ – злоупотребления при эмиссии ценных бумаг; ст. 185.1 УК РФ – злостное уклонение от раскрытия или предоставления информации, определенной законодательством РФ о ценных бумагах);

2) преступления, посягающие на установленный законом порядок обращения ценных бумаг (ст. 185.3 УК РФ – манипулирование рынком; ст. 186 УК РФ – изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг);

3) преступления, посягающие на установленный законом порядок учета прав на ценные бумаги (ст. 185.2 УК РФ – нарушение порядка учета прав на ценные бумаги);

4) преступления, посягающие на установленный законом порядок соблюдения прав владельцев ценных бумаг (ст. 185.4 УК РФ – воспрепятствование осуществлению или незаконное ограничение прав владельцев ценных бумаг).

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод о том, что преступления, совершаемые на рынке ценных бумаг, можно определить как совокупность общественно опасных деяний, посягающих на установленный законом порядок эмиссии и обращения ценных бумаг, а также учета и соблюдения прав владельцев ценных бумаг.

Изучая преступления на рынке ценных бумаг через призму исторического опыта, можно выявить следующие отличительные черты развития данного института в России. Во-первых, нельзя отрицать ключевое значение государства в определении действительности рынка ценных бумаг. С петровских времен и до падения империи основой рынка ценных бумаг являлись государственные долговые обязательства. После долгого застоя финансового рынка в советский период им на смену пришли акции приватизируемых государственных предприятий, которые переходили в класс акционерных обществ. Таким образом, государство наполнило оборот вновь созданного рынка ценных

бумаг. Во-вторых, стоит отметить системный подход к охране исследуемых отношений. Хотя и не без белых пятен, законодатель охватывает важнейшие элементы рынка ценных бумаг. В-третьих, отличительной чертой данной группы норм является их бланкетность. Специфика преступлений на рынке ценных бумаг требует высокого уровня специальной подготовки следователей для надлежащего расследования и формирования доказательственной базы по данным видам преступлений. И наконец, в-четвертых, рынок ценных бумаг – очень динамичное явление. Как справедливо заметил А. А. Ходусов, зачастую новые финансовые инструменты формируются быстрее, чем нормативная база, и их действие выходит за рамки дозволений [4, с. 230–233], установленных контролирующими органами. Поэтому уголовно-правовые нормы, направленные на охрану рынка ценных бумаг, должны отличаться равной мобильностью.

Литература

1. Скворцова Т. А., Смоленский М. Б. Предпринимательское право : учеб. пособие / под ред. Т. А. Скворцовой. М. : Юстициформ, 2014. 402 с.
2. Косаренко Л. Л., Маренков Н. Л. Рынок ценных бумаг в России : учеб. пособие. М. : ФЛИНТА, 2012. 240 с.
3. Рябова А. Ю. Преступления, совершаемые на рынке ценных бумаг: социальная обусловленность, законодательная регламентация, квалификация : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2013. 211 с.
4. Ходусов А. А. Проблемы правоприменения в борьбе с преступлениями на рынке ценных бумаг // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. Т. 15, № 2. С. 230–233.

Crime in the Securities Market in the Modern World

© U. M. Sereda, 2020

Abstract. The securities market in its present form is an essential element of the economy and plays the role of a regulator of investment flows, providing an optimal structure for the use of resources for society. It is through the securities market that the main part of the process of capital flow in the industry is carried out, which guarantees the highest return on investment. At the same time, there are also criminal-legal risks of economic activity in the stock market. The article provides a definition of crimes in the securities market, as well as offers a classification of these crimes at the present stage of socio-economic development of society.

Keywords: crime, securities, market, system, emission.

Середа Ирина Михайловна – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Иркутский институт (филиал), г. Иркутск, Россия, e-mail: irina-sereda@mail.ru

Sereda Irina Mikhailovna – Doctor in Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology VSUYU (RPA Ministry of Justice of Russia) Irkutsk Institute (branch), Irkutsk, Russian Federation, e-mail: irina-sereda@mail.ru

Особенности виктимологической профилактики хищений: на примере режима самоизоляции в период пандемии COVID-19

© К. В. Смирнова, 2020

Аннотация. Проанализированы основные риски стать жертвой хищений во время режима самоизоляции в период пандемии COVID-19, когда большинство расчетов перешли в электронную сферу. Отмечен значительный рост числа преступлений, совершаемых в области электронных переводов, неготовность общества и граждан к защите своих средств, высокая виктимность в данной сфере. Предложены основные меры виктимологической профилактики.

Ключевые слова: электронные хищения, виктимность, мошенничество, кражи, профилактика.

Социально-экономические потрясения, которыми сопровождается развитие общества, всегда вскрывает наиболее острые общественные проблемы, усиливает действие детерминант преступности. Так произошло и в период эпидемии COVID-19, быстро распространяющегося заболевания, начавшегося в Китае в 2019 г. и стремительно захватившего мир в 2020 г.

Россия не стала исключением: в нашей стране отмечаются один из наиболее высоких темпов распространения заболеваемости (хотя, к счастью, с относительно невысокими, по сравнению даже с развитыми странами Запада, показателями смертности).

Распространение данной эпидемии сопровождалось беспрецедентными мерами социального ограничения и кардинального изменения типов социально-экономической активности граждан, их коммуникации в процессе профессиональной деятельности, а также в части организации расчетов. Все большее значение приобретает режим удаленного труда и реализации финансовых расчетов с применением электронных средств коммуникации. Как следствие, преступный мир также стал активно переходить в «цифровую» плоскость.

Официальная статистика МВД России свидетельствует о продолжающемся росте мошенничеств и краж, совершаемых без физического контакта преступника с потерпевшим, когда их коммуникация осуществляется посредством телефонных звонков, СМС-сообщений, общения в мессенджерах и социальных сетях либо посредством физического доступа к устройствам, с которых можно управлять счетами в банке (в 2020 г. он беспрецедентен – составил 70 % по сравнению с аналогичным периодом 2019 г., в котором также отмечался значительный рост [1]).

Указанный рост обусловлен рядом обстоятельств. Одно из них – высокая виктимность граждан, которые оказались не готовы к столь активному и всестороннему внедрению системы электронных расчетов.

Рассмотрим основные виктимологические риски глобального перехода к безналичной форме расчетов, а также отметим важнейшие средства виктимологической профилактики мошенничеств и краж, совершаемых в данной сфере.

Одна из детерминант совершения мошенничеств с применением электронных средств платежа и краж с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств – физическая доступность банковских карт преступникам. За последние 10 лет в России количество карт, выданных гражданам, увеличилось в десятки раз. В настоящее время 43 % граждан (включая детей) имеют минимум три банковские карты, одна из которых кредитная [2]. Эти карты часто не используются, физический контроль за ними утрачивается, они могут попасть в руки злоумышленников в результате хищения или иным путем. Как итог, примерно одно из десяти хищений денежных средств с электронного счета осуществляется посредством прямого использования карты. Ситуация усугубляется появлением банковских карт, с помощью которых можно производить расчеты бесконтактным способом без ввода ПИН-кода. Примером может быть дело в отношении гр. В., которая, похитив три карты, получила физический доступ к ним. Несмотря на то что в общей сложности на счетах, связанных с данными картами, находилось не более 300 руб., гр. В. смогла похитить денежные средства на сумму более 11 тыс. руб. (так как одна из карт была кредитной) [3].

В качестве меры виктимологической профилактики подобных хищений следует предложить гражданам отказаться от приобретения в банках излишних карт, а имеющиеся хранить таким образом, чтобы исключить физический контакт с ними посторонних.

Один из рисков стать жертвой «электронного мошенничества» или «электронной кражи» – физическая незащищенность устройств, на которых установлены банковские программы или с которых доступ к управлению счетами обеспечивается посредством СМС-команд банку. Граждане часто не придают значения установке паролей, дополнительных средств защиты (например, двухфакторной авторизации). Между тем в электронном устройстве сосредоточены очень значимые инструменты контроля, и физический доступ к ним, даже кратковременный, может стоить потерпевшему огромных сумм. Так, гр. Б., получив доступ к телефону пожилого мужчины (он сам его дал ей, чтобы она помогала с управлением счетом), перевела на свой счет более 7 тыс. руб. [4].

Одной из мер виктимологической профилактики может стать обеспечение физической защищенности устройства паролями, двухфакторной авторизацией, а также ни в коем случае не передавать ее другим гражданам, а при невозможности соблюсти данные требования безопасности отказаться от использования приложений банков и от управления счетами посредством СМС-сообщений.

Еще один риск стать жертвой электронного мошенничества – низкая осведомленность граждан о действиях интернет-мошенников и «телефонных мошенников». Используя методы социальной инженерии, действуя по отработанным психологическим методикам, граждане сами вынуждают потерпевших делать переводы денежных сумм на их счета. В основном преступники представляются работниками банков и завладевают данными карт, паролями и другими сведениями, необходимыми для осуществления указанных переводов. В качестве иллюстрации можно привести дело в отношении гр. З., позвонившей потерпевшей под видом работницы банка и получившей от нее данные, необходимые для входа в личный кабинет банка. Она представилась работницей банка, под предлогом угрозы денежным средствам потерпевшей потребовала сообщить необходимые данные якобы для защиты имущества потерпевшей. Получив нужные сведения, она перевела на свой банковский счет более 400 тыс. руб. [5].

В качестве меры профилактики подобных хищений следует предложить гражданам отказываться от общения с посторонними лицами по поводу их денежных средств на банковских счетах, принимать звонки из банков только с официальных номеров, не осуществлять никаких операций по указаниям таких лиц вне отделений банка.

Мы рассмотрели только несколько из наиболее типичных примеров электронных хищений, количество которых возросло в период пандемии COVID-19. Вместе с тем риски обусловлены изменением самого характера расчетов граждан друг с другом и с организациями, переходом сферы расчетов в цифровую область, глобальным повышением значимости информации для экономики, неготовностью общества к указанным процессам.

Литература

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – сентябрь 2020 года // Официальный сайт МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/21551069/> (дата обращения: 10.11.2020).
2. Сколько россиян имеют банковские карты? // Аналитический центр НАФИ. URL: <https://nafi.ru/analytics/skolko-rossiyan-imeyut-bankovskie-karty/>
3. Приговор Боровичского районного суда (Новгородская область) № 1-16/2020 1-534/2019 от 14 янв. 2020 г. по делу № 1-16/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/NFo2xUC7ejWP/>

4. Приговор Усольского городского суда (Иркутская область) № 1-214/2020 от 29 мая 2020 г. по делу № 1-214/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RDmljnXm56VC/>

5. Приговор Приволжского районного суда (Ивановская область) № 1-110/2019 1-8/2020 от 15 янв. 2020 г. по делу № 1-83/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/7XYNDWuVLEra/>

Features of Victimological Prevention of Theft: the Example of the Self-Isolation Regime during the COVID-19 Pandemic

© K. V. Smirnova, 2020

Abstract. The main risks of becoming a victim of theft during the self-isolation regime during the COVID-19 pandemic, when most of the calculations went into the electronic sphere, have been analyzed. There is a significant increase in the number of crimes committed in the field of electronic transfers, the unpreparedness of society and citizens to protect their funds, and a high level of victimization in this area. the main measures of victimological prevention are proposed.

Keywords: electronic theft, victimization, fraud, theft, prevention.

Смирнова Ксения Васильевна – преподаватель, кафедра общеправовой подготовки, Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Россия, e-mail: oksun4ik-87@mail.ru

Smirnova Ksenia Vasilievna – Lecturer, Department of General Legal Training, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: oksun4ik-87@mail.ru

ЧАСТНОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ И ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ: ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

УДК 347.214.2:616-036.21

Особенности правоприменительной практики проведения государственной регистрации прав и сделок с недвижимостью в период пандемии

© Р. В. Баландин, О. А. Липич, 2020

Аннотация. Рассматриваются аспекты государственной регистрации прав и сделок с недвижимостью в период пандемии. Раскрываются особенности правоприменения с учетом ограничительных требований.

Ключевые слова: недвижимость, государственная регистрация, пандемия, сделки, электронная регистрация.

Юридическое сообщество, как и весь мир, сегодня живет в новой реальности в связи с глобальной эпидемией коронавируса. Глобальная пандемическая угроза стала серьезным испытанием для всех социальных, экономических и правовых институтов. Необходимо отметить, что все это существенно ограничило гражданский оборот и замедлило его темпы [1]. В таких неопределенных условиях основополагающей задачей является поиск наиболее оптимальных условий функционирования органов государственной власти и организаций, обеспечивающих реализацию прав граждан в сфере государственной регистрации прав и сделок с недвижимостью.

Организация процесса регистрации прав и сделок с недвижимостью в указанных условиях – абсолютно новый опыт. Поскольку в ситуации отсутствия конкретных механизмов правового регулирования и проверенных решений государство находится в поиске наиболее эффективного и сбалансированного подхода к борьбе с пандемией и в то же время соответствующих требованиям безопасности условий реализации гражданских прав.

Участниками процесса государственной регистрации прав и сделок с недвижимостью являются граждане, нотариусы, МФЦ и органы Росреестра. Последние уже практикуют электронную регистрацию прав и сделок с недвижимостью в рамках процессов цифровизации предоставления государственных услуг гражданам и юридическим лицам. Однако для этого необходим ряд условий.

Во-первых, заявление и документы, представляемые в орган регистрации прав в электронной форме, должны быть подписаны усиленной квалифицированной электронной подписью (УКЭП) (п. 2 ч. 1 ст. 18 Федерального закона № 218-ФЗ; ч. 1, 4 ст. 5 Федерального закона от 06.04.2011 № 63-ФЗ) [2; 3]. При этом отличительной особенностью УКЭП является то, что ключ проверки такой подписи указан в квалифицированном сертификате ключа проверки электронной подписи (далее – квалифицированный сертификат). Для получения квалифицированного сертификата необходимо обратиться в удостоверяющий центр, аккредитованный Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. Перечень таких удостоверяющих центров размещен, в частности, на официальном сайте Росреестра. Получить квалифицированный сертификат можно в том числе в Удостоверяющем центре ФГБУ «ФКП Росреестра».

Необходимо подчеркнуть, что порядок создания и выдачи сертификатов ключа проверки электронной подписи устанавливается конкретным удостоверяющим центром (ч. 7 ст. 13 ФЗ № 63). За выдачу квалифицированного сертификата удостоверяющим центром может быть установлена плата (ч. 3. 1 ст. 18 ФЗ № 63). Идентификация заявителя удостоверяющим центром может быть произведена при его личном присутствии или без его личного присутствия. По общему правилу сертификат ключа проверки электронной подписи может быть выдан как в форме электронного документа, так и на бумажном носителе [3].

В ФГБУ «ФКП Росреестра» сертификат ключа проверки электронной подписи можно получить только в личном кабинете на официальном сайте Удостоверяющего центра (Информация ФГБУ «ФКП Росреестра») [4]. Одновременно с выдачей сертификата удостоверяющий центр направляет сведения о гражданине и выданном ему сертификате в единую систему идентификации и аутентификации (ЕСИА) в объеме, необходимом для регистрации в указанной системе.

Заявление о возможности регистрации на основании документов, подписанных УКЭП, должно быть представлено в Росреестр правообладателем отчуждаемого объекта недвижимости в форме документа на бумажном носителе посредством личного обращения, в том числе че-

рез МФЦ. Также заявление можно направить по почте, предварительно заверив свою подпись на нем у нотариуса.

Если сертификат ключа проверки электронной подписи выдан Удостоверяющим центром ФГБУ «ФКП Росреестра», представлять в Росреестр указанное заявление не требуется (п. 4 ч. 6 ст. 36.2 ФЗ № 218) [2].

Во-вторых, необходима регистрация на Едином портале госуслуг для получения доступа к государственным услугам в электронной форме. Регистрация на портале осуществляется посредством ЕСИА. Созданная таким образом учетная запись впоследствии используется для входа в личный кабинет на сайте государственных органов, в том числе на сайте Росреестра. Для получения подтвержденной учетной записи необходимо в регистрационной форме на портале указать свои фамилию, имя, номер мобильного телефона и адрес электронной почты, а затем ввести код подтверждения, полученный в СМС-сообщении. После этого нужно заполнить профиль пользователя, указав СНИЛС и данные документа, удостоверяющего личность. При этом данные должны пройти проверку в ФМС России и ПФР. Уведомление о результатах проверки направляется на электронную почту. После завершения проверки обязательно требуется подтверждение личности. Для этого, в частности, можно воспользоваться УКЭП. Если проверка пройдет успешно, учетная запись получит статус «Подтвержденная».

Вместе с тем на сегодняшний день не каждый гражданин имеет возможность воспользоваться электронной регистрацией прав и сделок в силу различного рода причин.

Поэтому в большинстве случаев реализация прав по государственной регистрации прав и сделок с недвижимостью осуществляется посредством обращения в МФЦ, а иногда и к нотариусу. В период введения режима повышенной готовности на территории России и Забайкальского края, в частности, МФЦ осуществляли свою деятельность в следующем режиме.

В соответствии с Постановлением губернатора Забайкальского края от 08.04.2020 № 30 [5] МФЦ производили прием и выдачу документов по предварительной записи с учетом требований и рекомендаций Роспотребнадзора.

Взаимодействие МФЦ и Росреестра осуществлялось посредством проведения видеоконференций, на которых проводилось обучение сотрудников МФЦ по различным вопросам, а также обсуждение некоторых проблемных вопросов при приеме документов.

Таким образом, несмотря на ограничения, процесс государственной регистрации прав и сделок с недвижимостью осуществлялся. Так, в

период действия ограничительных мер Росреестром был реализован комплекс мероприятий по обеспечению работы ведомства. Во взаимодействии с губернаторами была построена работа по оказанию услуг Росреестра с большинством МФЦ. Кроме того, на период ограничений ведомство продлило сроки приостановлений по заявлениям на кадастровый учет и регистрацию прав, чтобы граждане могли донести недостающие документы.

С апреля 2020 г., в период действия ограничительных мер, более 50 % заявлений на регистрацию договоров долевого участия (далее – ДДУ) подавались в Росреестр в электронном виде. Для сравнения: в 2019 г. доля электронных ДДУ составляла в среднем 20 % [6].

Уверенная положительная динамика по учетно-регистрационным действиям стала наблюдаться с начала мая. Если в апреле из-за ситуации с коронавирусом в Росреестр поступило 1 039 766 заявлений, то в мае – 1 338 959, в июне – 2 028 839, в июле – 2 281 664, а в августе – в два раза больше апрельских показателей, 2 170 355. На уровень динамики 2019 г. Росреестр вышел менее чем за два месяца. Общее количество заявлений на учетно-регистрационные действия, поступивших в территориальные управления Росреестра с июня по август 2020 г., составило 6 480 858. При этом 30 % (1,9 млн) поступили в электронном виде [6].

Таким образом, в апреле в электронном виде было подано 57 % заявлений от общего числа (25,5 тыс.), в мае – 56 % (общее число – 29 тыс.), в июне – 54 % электронных документов от общего числа (55 тыс.), в июле – 43 % (82,5 тыс.). При этом в августе, когда в стране была снята большинство карантинных мер и рынок недвижимости продолжил восстановление, общее число поданных документов составило 93 тыс., из них 42 % – в электронном виде [Там же]. Для сравнения: в июне – августе 2019 г. с учетом штатной работы МФЦ в Росреестр поступило 7 704 896 заявлений. С 28 августа по 3 сентября в ведомство поступило 20,8 тыс. заявлений, 40 % – в электронном виде [Там же].

Следует отметить, что к концу 2020 г. на территории всех субъектов России планируется внедрение ФГИС ЕГРН, что позволит увеличить долю электронных услуг Росреестра за счет функциональных возможностей системы, сократить сроки оказания услуг, осуществлять в полном объеме регистрацию прав по экстерриториальному принципу.

Также продолжается работа по реинжинирингу процессов, что способствует сокращению сроков регистрации прав и кадастрового учета, минимизации количества приостановок и отказов.

Согласно результатам опроса, проведенного в период с 01.06.2020 по 30.06.2020 Национальным объединением строителей (НОСТРОЙ)

при поддержке Национального объединения застройщиков (НОЗА), 82 % опрошенных застройщиков используют электронный формат взаимодействия с Росреестром при подаче документов на государственную регистрацию и получении результатов рассмотрения. При этом 73 % респондентов отметили, что с использованием электронных сервисов они быстрее получают результат регистрационных действий [6].

Таким образом, минимизация негативных последствий, а также сохранение стабильности гражданского оборота в любых условиях требуют использования информационных технологий, обеспечения возможности совершения некоторых юридических действий в удаленном формате. Это и подтверждает анализ статистических данных. Можно сделать вывод, что ситуация с коронавирусом во многом способствовала переходу граждан и организаций на получение услуг в режиме онлайн, доказала необходимость «сервисного» подхода в работе ведомств. Кроме того, актуализируется неизбежность перехода гражданского оборота в онлайн-формат и ускорение темпов цифровизации гражданских правоотношений.

Литература

1. Петербургский международный юридический форум. URL: <http://www.spblegalforum.ru>
2. О государственной регистрации недвижимости : федер. закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>
3. Об электронной подписи : федер. закон от 6 апр. 2011 г. № 63-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>
4. Кадастровая палата. URL: <http://www.kadastr.ru>
5. О введении режима повышенной готовности на территории Забайкальского края и комплексе ограничительных и иных мероприятий по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV) : постановление губернатора Забайкальского края от 8 апр. 2020 г. № 30 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>
6. Росреестр. URL: <http://www.rosreestr.gov.ru>

Features of Law Enforcement Practice for State Registration of Rights and Transactions with Real Estate during a Pandemic

© R. V. Balandin, O. A. Lipich, 2020

Abstract. This material examines the features of state registration of rights and real estate transactions during a pandemic. The features of law enforcement taking into account restrictive requirements are revealed.

Keywords: real estate, state registration, pandemic, transactions, electronic registration.

Баладин Роман Васильевич – старший преподаватель, кафедра гражданского права и процесса, ведущий специалист-эксперт, государственный регистратор отдела государственной регистрации недвижимости номер 2, Управление Росреестра по Забайкальскому краю, Забайкальский институт предпринимательства – филиал АНОО ВО Центросоюза России «Сибирский университет потребительской кооперации», г. Чита, Россия, e-mail: saruman3373@gmail.com

Balandin Roman Vasilyevich – Senior Lecturer, Department of Civil Law and Procedure Department of Civil Law and Process, Department of Rosreestr for the Trans-Baikal Territory, leading expert-expert, state registrar of the department of state registration of real estate number 2, Transbaikal Institute of Entrepreneurship of Siberian University of consumer cooperation (TIE SibUCC), Chita, Russian Federation, e-mail: saruman3373@gmail.com

Липич Оксана Александровна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий, кафедра гражданского права и процесса, Забайкальский институт предпринимательства – филиал АНОО ВО Центросоюза России «Сибирский университет потребительской кооперации», г. Чита, Россия, e-mail: lipichoks@mail.ru

Lipich Oksana Aleksandrovna – Candidate in Law, Associate Professor, Head of Department of Civil Law and Process, Transbaikal Institute of Entrepreneurship of Siberian University of Consumer Cooperation (TIE SibUCC), Chita, Russian Federation, e-mail: lipichoks@mail.ru

УДК 347.234.71

Вопросы обращения взыскания на единственное жилое помещение должника

© Н. В. Безик, 2020

Аннотация. Исследуются вопросы обращения взыскания на единственное жилое помещение должника. Указывается, что имущественный иммунитет вызывает множество проблем у кредиторов, пытающихся получить от должников свои денежные средства. Обозначается, что Верховный Суд РФ признал преодоление имущественного иммунитета посредством приобретения для должников дешевого жилья незаконным. Делается вывод, что в связи с этим необходимо изменить законодательство и допустить некоторые исключения из правила об имущественном иммунитете.

Ключевые слова: имущественный иммунитет, единственное жилое помещение, обращение взыскания, банкротство.

Вопросы баланса интересов сторон, равенства участников отношений и при этом справедливого решения спора всегда актуальны. Однако есть сферы, где на протяжении многих лет остаются нерешенными ключевые моменты, что приводит к несправедливости, а следовательно, к утрате доверия участников отношений к закону и суду. В частности, речь идет об имущественном иммунитете, предусмотренном ст. 446 ГПК РФ [1]: «Взыскание по исполнительным документам не может быть обращено на жилое помещение (его части), если для гражданина-должника и членов его семьи, совместно проживающих в принадлежащем помещении, оно является единственным пригодным для постоянного проживания помещением, за исключением жилого помещения, если оно является предметом ипотеки и на него в соответствии с законодательством об ипотеке может быть обращено взыскание».

В 2012 г. данное положение в очередной раз было рассмотрено Конституционным Судом РФ в связи с попытками признать его неконституционным как нарушающее права кредитора (далее – Постановле-

ние № 11-П) [2]. Однако указанная норма признается Конституционным Судом не противоречащей Конституции РФ, поскольку она направлена на защиту конституционного права на жилище не только самого гражданина-должника, но и членов его семьи, а также на обеспечение указанным лицам нормальных условий существования и гарантий их социально-экономических прав и в конечном счете – на реализацию обязанности государства охранять достоинство личности. При этом Конституционный Суд РФ указывает, что установленный имущественный (исполнительский) иммунитет в отношении принадлежащего гражданину-должнику на праве собственности жилого помещения (его частей) – в целях реализации конституционного принципа соразмерности при обеспечении защиты прав и законных интересов кредитора (взыскателя) и гражданина-должника как участников исполнительного производства – должен распространяться на жилое помещение, которое по своим объективным характеристикам (параметрам) является разумно достаточным для удовлетворения конституционно значимой потребности в жилище как необходимом средстве жизнеобеспечения. Попросту говоря, иммунитет не должен распространяться на «роскошное» жилье, учитывая его площадь и стоимость. Исходя из этого, федеральному законодателю было поручено внести необходимые изменения в данные положения закона, с тем чтобы обеспечить возможность удовлетворения имущественных интересов кредитора (взыскателя) в случае, когда по своим характеристикам соответствующий объект недвижимости явно превышает уровень, достаточный для удовлетворения разумной потребности гражданина-должника и членов его семьи в жилище, а также предусмотреть для таких лиц гарантии сохранения жилищных условий, необходимых для нормального существования. Однако до настоящего момента это не сделано.

При этом наша действительность такова, что актуальность норм, обеспечивающих баланс интересов сторон, высока как никогда. Сложность экономической ситуации последних лет, а также санкции и пандемия сказываются на долговых обязательствах сторон, способствуя росту числа граждан-должников, которые не могут погасить свою задолженность. В связи с этим возрастает актуальность разрешения возникшего положения. Представляется, на данный момент есть три пути преодоления пробела.

1. Посредством активной позиции кредиторов, в частности при проведении процедуры банкротства. Кредиторы, не собираясь ждать «милости» законодателя, в целях защиты своих интересов «изобрели» следующий способ решения вопроса: ими приобретается на имя должника «замещающее» жилье, оно включается в конкурсную массу. Дан-

ное жилье является обычно довольно скромным по размерам и цене по сравнению с тем жилым помещением, которое имелось у должника до момента возбуждения дела о его банкротстве. В связи с наличием теперь у должника двух жилых помещений, пригодных для проживания его и членов его семьи, кредиторы обращаются в суд с просьбой распространить имущественный иммунитет на «дешевое» жилье, а «дорогое» – оставить для увеличения конкурсной массы. В данном варианте решения проблемы имеется масса очевидных моментов, могущих противоречить интересам должника и членов его семьи. Например, кредиторы, подбирая жилье, руководствуются собственным усмотрением по поводу площади, благоустроенности, местоположения жилого помещения, размещения его относительно детских садов, школ и других объектов, необходимых должнику и членам его семьи для нормальной жизнедеятельности. Кроме того, реализация такого варианта требует финансовых вложений (по приобретению жилья), что, естественно, возможно, если долг значителен, и все эти манипуляции вообще имеют экономический смысл. Именно данные проблемы не позволили судам, в том числе Верховному Суду РФ, поддержать кредиторов и согласиться с таким способом достижения справедливости. Так, по одному из дел Верховный Суд РФ указал, что кредиторы, приняв решение о приобретении должнику иного жилого помещения меньшей площади и стоимости взамен имеющейся у него квартиры, фактически произвольно в отсутствие законодательного регулирования определили разумно достаточный уровень обеспеченности должника жильем, что не согласуется с позицией Конституционного Суда РФ (далее – Определение Судебной коллегии ВС РФ от 29.10.2020) [3]. Такое решение суда не устраивает многих юристов, которые возлагали на него большие надежды [4], хотя имеются и более сдержанные мнения [5].

2. Второй вариант решения вопроса в отсутствие нормативного регулирования был предложен судьей Конституционного Суда РФ Г. А. Жилиным в Особом мнении к Постановлению № 11-П. Он указал, что оспоренное гражданами положение абз. 2 ч. 1 ст. 446 ГПК РФ следовало признать неконституционным в той части, в какой оно содержит запрет обращения взыскания на единственное пригодное для постоянного проживания должника жилое помещение в случаях, когда количественные и качественные характеристики помещения позволяют осуществить такое взыскание при сохранении нормального (минимально необходимого) уровня жилищных условий для указанных лиц. Согласно Особому мнению судьи Конституционного Суда РФ Н. С. Бондаря к Постановлению № 11-П, наличие имущественного иммунитета не позволяет достичь оптимального баланса интересов кре-

диторов (взыскателей) и должников, судебная практика носит формальный подход, а попытки подойти к решению этого вопроса неформально невозможны в силу отсутствия четких нормативных правовых критериев, кроме того, имеет место длительное бездействие законодателя по решению проблемы, на которую впервые было указано еще в Определении Конституционного Суда от 4 декабря 2003 г. № 456-О, но отсутствие вывода о неконституционности проверяемого законоположения заметно снижает императивный потенциал предписания законодателю устранить пробел. Поэтому Н. С. Бондарь полагает, что есть основания признать указанную норму неконституционной. Однако Конституционный Суд Российской Федерации, очевидно, не сделал и уже не сделает этого.

В споре же относительно единственного имущества в Определении Судебной коллегии ВС РФ от 29.10.2020 Верховный суд РФ также высказывает оценочные суждения, не имеющие в основе нормативного правового акта (например, «очевидно, что имеющуюся у должника квартиру площадью 40 кв. м нельзя признать для него роскошным жильем, превышающим разумную потребность в жилище»), однако не завершает этот вопрос логически, не берет на себя роль «творца права».

При всей заманчивости решения спора этим путем (посредством судебного толкования) все же следует признать его неверным, именно по причине единства правил для всех.

3. Самый традиционный путь представляется самым правильным – надо дождаться позиции законодателя. Однако сложность заключается в том, что будущий закон должен содержать оценочные понятия, которые серьезно влияют на имущественную сферу граждан. Как указывают критики, не должно получиться ситуации, что изъятие произойдет при минимальном долге либо вне процедуры банкротства [6], именно поэтому можно сказать о необходимости более тщательного обсуждения законопроекта [7]. Выделим основные его положения, которые требуют обсуждения:

а) определение жилого помещения, на которое не распространяется иммунитет. Предлагается использовать два критерия – площади и стоимости. В целом можно отметить, что сформулировать понятие «роскошного» жилья явно не просто;

б) определение условий обращения взыскания на единственное пригодное для проживания жилое помещение. Имеется два противоположных мнения – изъятие возможно только при процедуре банкротства (что представляется разумным) либо изъятие допустимо во всех случаях. Однако при любом варианте необходимо придерживаться критерия соразмерности требований к стоимости жилого помещения;

в) определение порядка обращения взыскания. Предлагается ввести несколько вариантов: взыскатель может сам приобрести жилье должника, вправе предоставить иное жилое помещение, исходя из жилищных норм, либо жилое помещение передается для реализации на торгах;

г) определение гарантий для должника. В судебном решении должна быть указана минимальная денежная сумма, предназначенная для приобретения иного жилья и подлежащая передаче должнику. Правительству РФ необходимо разработать перечень дополнительных расходов, которые будут компенсироваться должнику, а также порядок передачи денежных средств гражданину. Важной гарантией является вопрос об обязательном приобретении другого жилья, с тем чтобы недобросовестные должники не оставили членов своей семьи на улице. Разработан вариант передачи денежных средств муниципалитету, который будет обязан обеспечить жилым помещением согласно норме предоставления.

Таким образом, несмотря на необходимость скорейшего разрешения вопроса, урегулирование его обходными путями, думается, не приведет к справедливости. Что же касается баланса интересов, то в целях защиты прав кредитора ему также следует быть разумным и осмотрительным при вступлении в отношения с конкретным должником. Поэтому действительно важным представляется максимально широкое обсуждение предлагаемого законопроекта.

Литература

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. // Рос. газ. 2002. 20 нояб.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 2012 г. № 11-П // Российская газета. 2012. 30 мая.
3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 29 окт. 2020 г. № 309-ЭС20-10004 по делу №А71-16753/2017 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
4. Саликов М. Долгожданное определение по делу Стружкина и его «единственному» жилью. Очередная боль и разочарование от Верховного суда // Комментарий к определению Верховного суда № 309-ЭС20 10004 от 29.10.2020. URL: https://zakon.ru/blog/2020/11/04/dolgozhdan-noe_opredelenie_po_delu_struzhkina_i_ego_edinstvennomu_zhilyu_ocherednaya_bol_i_razocharov
5. Доценко М. Суровый. Уральский. Не твой // Комментарий к Определению ВС № 309-ЭС20-10004 о единственном «роскошном» жилье. URL: https://zakon.ru/blog/2020/09/29/surovyj_ural'skij_ne_tvoj_kommentarij_k_opredeleniyu_vs_309-es20-0004_o_edinstvennom_roskosnom_zh?fbclid=IwAR0h-HOmIhVlImUZkJe7Hx43mRzHPP3kSKNmWo7oxGnYw_IV0qW8w4TwZLE
6. Минюст предложил новый вариант изъятия единственного жилья у должников. URL: <https://www.interfax.ru/russia/640181>

7. О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Семейный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «Об исполнительном производстве» : проект Федерального закона // URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=59339>

Turning of the Penalty onto the Debtor's Single Living Quarters

© N. V. Bezik, 2020

Abstract. According to Russian legislation turning of the penalty onto the debtor's single living quarters is prohibited. This rule is called “property immunity” and it causes many problems for creditors who tries to get their money from debtors. Some creditors found the way to overcome property immunity buying cheap living quarters for debtors. But the Supreme Court of the Russian Federation recognized that this practice was unlawful. So it is necessary to change the legislation and create some exceptions to the property immunity rule.

Keywords: property immunity; single living quarters; turning of the penalty onto the property; bankruptcy.

Безик Нина Вадимовна – кандидат юридических наук, доцент, кафедра гражданского права, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: NVBezik@yandex.ru

Bezik Nina Vadimovna – Candidate in Law, Associate Professor, Department of Civil Law, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: NVBezik@yandex.ru

УДК 347.1

Чрезвычайные ситуации: взгляд с позиций влияния на функционирование системы гражданского оборота

© Ю. В. Виниченко, С. М. Амосов, 2020

Аннотация. Выделяются два аспекта влияния чрезвычайных ситуаций на функционирование гражданского оборота: 1) влияние на отношения отдельных участников гражданского оборота; 2) влияние на действия (-е) системы гражданского оборота в целом. В рамках первого аспекта влияние чрезвычайных ситуаций освещается в контексте вопроса о юридических фактах, в рамках второго – через призму тенденций развития современной системы гражданского оборота и ее правового регулирования.

Ключевые слова: чрезвычайная ситуация, пандемия, непреодолимая сила, форс-мажор, юридический факт, свидетельство ТПП обстоятельств форс-мажора, гражданский оборот, функционирование гражданского оборота, правовое регулирование гражданского оборота.

Рассуждая в 1914 г. о влиянии войны на гражданский оборот, известный отечественный цивилист В. Б. Ельяшевич заключил: «Вся задача законодательной политики во время войны должна быть направлена на возможное охранение нормального течения хозяйственной жизни» [1, с. 433]. Если заменить в приведенной цитате слово «война» термином «пандемия» или более общим выражением «чрезвычайная ситуация», сказанное вполне актуально для той обстановки, в которой сейчас пребывает наше общество и государство, и, касаясь хозяйственной жизни – суть гражданского оборота, – тесно пересекается с вопросом, которому посвящен наш доклад. При этом очевидно, что грамотная законодательная политика предполагает предварительное научно-

теоретическое осмысление тех вызовов, которые ставит современность перед учеными и практиками. Проблематика чрезвычайных ситуаций получает все большее освещение и обсуждение в юридической литературе [см., например: 2–4], отражение в судебной практике [5; 6], однако вряд ли может быть признана исчерпанной.

Настоящая работа нацелена на осмысление влияния чрезвычайных ситуаций на функционирование гражданского оборота. О таком влиянии, представляется, можно говорить с двух позиций: 1) как влиянии на отношения отдельных участников гражданского оборота и 2) влиянии на действие в целом системы гражданского оборота. Тезисно остановимся на каждой из них.

С точки зрения отношений участников гражданского оборота вопрос о чрезвычайных ситуациях уже даже семантически сводится к вопросу о непреодолимой силе, определяемой нормой п. 3 ст. 401 Гражданского кодекса РФ [7] как *чрезвычайные* и непредотвратимые при данных условиях обстоятельства и являющейся основанием для освобождения лица от гражданско-правовой ответственности или прекращения обязательства в связи с невозможностью его исполнения (ст. 416 ГК РФ), в том числе в связи с изданием акта государственного органа (ст. 417 ГК РФ). Не останавливаясь на видовой характеристике непреодолимой силы как юридического факта (заметим, что в юридической литературе данный вопрос решается неоднозначно: наряду с традиционным отнесением непреодолимой силы к фактам-событиям [8, с. 466] высказана точка зрения, согласно которой понятие непреодолимой силы сегодня «не уместается в рамках юридического события» и «позволяет объединять как действия, так и события» [9, с. 60]), сразу акцентируем внимание на том, что не всякая фактическая обстановка, подпадающая под условия, перечисленные в норме ст. 1 ФЗ РФ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [10], закрепляющей легальное определение чрезвычайной ситуации, является форс-мажором и влечет соответствующие правовые последствия. Как разъяснил Верховный Суд РФ, «признание распространения новой коронавирусной инфекции обстоятельством непреодолимой силы не может быть универсальным для всех категорий должников, независимо от типа их деятельности, условий ее осуществления, в том числе региона, в котором действует организация», и существование таких обстоятельств надлежит устанавливать с учетом обстоятельств конкретного дела [5, п. 7 Обзора]. Особое внимание в данной связи обратим на необходимость учета региона, в котором действует лицо: примечательно, что, по данным СПС «КонсультантПлюс», на 26 октября 2020 г. только в 42 субъектах Рос-

систой Федерации (что составляет 49,4 % – Ю. В., С. А.) введенный режим повышенной готовности признан форс-мажором, и в Иркутской области, в отличие от соседней Республики Бурятия, ситуация с коронавирусом форс-мажором не признается [11]. Соответствующие акты органов публичной власти, на наш взгляд, следует рассматривать в качестве необходимого *общего нормативного основания* квалификации определенного фактического обстоятельства как непреодолимой силы. В отсутствие такового «форс-мажорность» какого-либо конкретного факта в договорных отношениях может подтверждаться *индивидуальным правовым актом*, в частности сертификатом или заключением ТПП об обстоятельствах непреодолимой силы, вопрос о месте которых в системе гражданско-правовых юридических фактов заслуживает самостоятельного обсуждения (полагаем, что это особый, отличный от сделок, вид юридических актов).

Что касается влияния чрезвычайных ситуаций на функционирование системы гражданского оборота в целом, то эмпирика современной жизни, в частности обрушившаяся на нас пандемия COVID-19, дает основания для следующих выводов. В настоящее время:

- чрезвычайные ситуации активизируют действие отдельных секторов гражданского оборота, который является по своей природе экономической системой (например, в период пандемии влекут: увеличение производства и продажи отдельных видов объектов – дезинфекционных средств, средств индивидуальной защиты, лекарственных препаратов и проч.; повышение спроса на определенные услуги – курьерские, по забору биоматериала для проведения медицинских анализов, образовательные услуги, оказываемые дистанционно и др.);

- в купе с наслонившейся цифровизацией чрезвычайные ситуации, сопровождаемые введением ограничительных мер, содействуют развитию способов и форм оборота, базирующихся на использовании цифровых и дистанционных технологий, а также появлению и развитию новых видов деятельности (например, такой услуги, как цифровой туризм).

Отмеченные тенденции развития современной системы гражданского оборота побуждают государство к принятию прежде всего актуальных регулятивных норм, направленных на юридическую регламентацию данной системы. В то же время возможные проявления недобросовестности отдельных участников гражданского оборота в «смутный» период чрезвычайных ситуаций не исключают необходимость выработки также специальных охранительных правовых норм и механизмов. Кроме этого, одной из задач государства в таких условиях является усиление принятой им на себя социальной функции, что может быть достигнуто в том числе исключительно правовыми средствами,

например путем нормативного установления: квоты вещей или услуг, реализуемых частными организациями (аптеками, лабораториями, клиниками и т. п.), подлежащей безвозмездному предоставлению нуждающимся социально уязвимым группам населения; налоговых льгот лицам и организациям, участвующим в реализации государственных или муниципальных мер по предупреждению и ликвидации чрезвычайной ситуации. Данные меры целесообразно принимать на «местах», в связи с чем заметим, что правовое регулирование гражданского оборота может осуществляться и осуществляется не только на федеральном, но также на региональном и муниципальном уровнях.

Литература

1. Ельяшевич В. Б. Война и гражданский оборот (К вопросу о мораториях) // Ельяшевич В. Б. Избранные труды о юридических лицах, объектах гражданских правоотношений и организации их оборота. В 2 т. Т. 2. М. : Статут, 2007. С. 408–433.
2. Мелехин А. В. Чрезвычайное законодательство в системе законодательства Российской Федерации // Юриспруденция. 2002. № 2. С. 20–35.
3. Старостин С. А. Чрезвычайное положение : монография. М. : Проспект, 2019. 120 с.
4. Тарасов Е. А. Классификация чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера // Гражданская оборона и защита от чрезвычайных ситуаций в учреждениях, организациях и на предприятиях. 2020. № 2. С. 3–16.
5. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 5.
6. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 6.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон РФ от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собр. законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
8. Российское гражданское право: учебник. В 2 т. Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. М. : Статут, 2016. 958 с.
9. Рожкова М. А. Юридические факты гражданского и процессуального права: соглашения о защите прав и процессуальные соглашения. М. : Статут, 2009. 332 с.
10. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера : федер. закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ (ред. от 23.06.2020) // Российская газета. 1994. 24 дек.
11. Справочная информация: «Коронавирус (COVID-19). Введение режима повышенной готовности в субъектах Российской Федерации. Признание форс-мажором // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

Emergency Situations: a View from the Standpoint of the Impact on the Functioning of the Civil Circulation System

© Yu. V. Vinichenko, S. M. Amosov, 2020

Abstract. The authors distinguish two aspects of the impact of emergencies on the functioning of civil circulation: 1) from the standpoint of relations between individual participants in civil circulation; 2) from the standpoint of the operation of the civil circulation system as a whole. In the first aspect, the impact of emergencies is considered in the context of the issue of legal facts, in the second – through the prism of trends in the development of the modern system of civil circulation and its legal regulation.

Keywords: emergency, pandemic, irresistible force, force majeure, legal fact, CCI certification of force majeure, civil circulation, functioning of civil circulation, legal regulation of civil circulation.

Виниченко Юлия Варзатовна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий, кафедра гражданского права и процесса, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: juvinichenko@mail.ru

Vinichenko Yuliya Varzdatovna – Candidate in Law, Associate Professor, Head of Civil Law and Procedure Department, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: juvinichenko@mail.ru

Амосов Сергей Михайлович – доктор юридических наук, профессор, кафедра гражданского права и процесса, заслуженный юрист РФ, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: AmosovSM@bgu.ru

Amosov Sergey Mikhailovich – Doctor in Law, Professor, Civil Law and Procedure Department, Honored Lawyer of Russia, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: AmosovSM@bgu.ru

УДК 347

К вопросу о применении электронной цифровой подписи в гражданско-правовых отношениях

© М. А. Волкова, 2020

Аннотация. Отмечается, что с развитием электронного документооборота применение электронной цифровой подписи становится все более распространенным. Обозначается, что действующие сейчас механизмы предполагают использование электронной цифровой подписи различного типа, но ни один из них нельзя признать полностью соответствующим потребностям гражданского оборота. Анализируется ряд проблем, существующих в правоприменительной практике, и отмечается неполный характер изменений, вступивших в силу с 1 июля 2020 г.

Ключевые слова: электронная цифровая подпись, усиленная неквалифицированная подпись, усиленная квалифицированная подпись, простая цифровая подпись.

Возможность перехода от обыкновенного, т. е. бумажного, документооборота к электронному была закреплена в гражданско-правовых отношениях лишь с марта 2019 г. [1], несмотря на то что понятие электронной цифровой подписи (ЭЦП) было введено Федеральным законом от 6.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (далее – ФЗ «Об электронной подписи»). За прошедшие с момента его принятия годы ЭЦП стала активно использоваться не только в электронном докумен-

тообороте, но и при получении государственных услуг, в процессуальных отношениях, при проведении торгов на электронных торговых площадках. Таким образом, изменения в п. 1 ст. 160 ГК РФ лишь законодательно подтвердили уже сложившуюся практику. Особенную актуальность использование ЭЦП приобретает в условиях пандемии, так как позволяет упорядочить гражданско-правовой оборот в части заключения сделок.

Согласно ФЗ «Об электронной подписи» предусматривается три вида электронных подписей документов: простая, усиленная неквалифицированная, усиленная квалифицированная. Соответственно, в зависимости от вида подписи изменяется ее юридическая значимость.

Простая электронная подпись является базовой всей технологии электронных подписей. Подпись основывается на использовании хеш-функции. С помощью простой электронной подписи можно лишь контролировать неизменяемость документа.

Усиленная неквалифицированная подпись основана на стандартной технологии открытого и закрытого ключа. Закрытый ключ автора документа хранится втайне ото всех посторонних на любом носителе (USB-флеш-карта, электронный чип и т. п.). После написания документа подпись заверяется с помощью закрытого ключа автора. Далее для проверки сохранности документа и гарантии его неизменности берется открытый ключ, находящийся в удостоверяющем центре, и с его (открытого ключа) помощью сверяется текст документа. Вывод: при применении усиленной неквалифицированной подписи можно проверить неизменяемость документа и также определить его автора.

Усиленная квалифицированная подпись обеспечивает наивысшую степень доверия к документам, ею заверенным. Усиленная квалифицированная подпись удостоверяется национальным удостоверяющим центром (Ростелеком). Удостоверяющие сертификаты Ростелекома признаются и используются государством и его органами без дополнительных договоренностей. Усиленная квалифицированная электронная подпись создается с помощью подтвержденных ФСБ криптографических средств и имеет сертификат от аккредитованного удостоверяющего центра, выступающего гарантом подлинности подписи. Электронный документ, подписанный такой подписью, во всех случаях приравнивается законодательством к бумажному документу с собственноручной подписью. Квалифицированная подпись признается действительной до тех пор, пока решением суда не установлено иное.

По закону «Об электронной подписи» получение электронной подписи, наряду с государственными органами, допускается юридиче-

ским и частным лицам, что не предусматривалось в предыдущей версии закона.

ФЗ «Об Электронной подписи» (ст. 14) указывает, что в случае получения ключа сертификата электронной подписи юридическим лицом необходимо указать, помимо основных атрибутов юридического лица – обладателя сертификата, также и конкретное физическое лицо (лица), действующее от имени юридического лица на основании учредительных документов или доверенности. Однако той же самой нормой предусматриваются случаи, когда такие конкретно определенные лица могут и не указываться.

Документы в электронном виде, заверенные усиленной квалифицированной подписью, приравниваются к аналогичному документу в бумажной форме, на котором имеется собственноручная подпись стороны-участника правоотношения. Требование одной из сторон правоотношений признать электронный документ, подписанный электронной квалифицированной усиленной подписью, ничтожным только по той причине, что не существует аналога на бумаге, не может быть признано законным. Исключением из правил могут признаваться случаи, когда имеется требование составить документ на бумаге, но подобные ситуации регламентируются отдельными федеральными законами.

В отношении документов, подписанных простой или неквалифицированной электронной подписью, существует обратное правило. Электронные документы, подписанные такими видами подписи, могут быть признаны аутентичными документам, составленным на бумаге и подписанным собственноручно, только в том случае, если участники правоотношений заранее договорились об этом или на данный юридический факт прямо указывает федеральное законодательство.

Простейшим примером такого использования простой электронной подписи будет факт регистрации пользователя в какой-либо социальной сети, форуме, электронном средстве массовой информации, на портале «Госсуслуги. ру».

В литературе указывается на ряд проблем, которые могут возникнуть при практическом применении ЭЦП организацией. В частности, С. О. Калинин отмечает возможность того, что «электронно-цифровые подписи могут изготавливаться на подставных, не существующих физических либо юридических лиц» [2, с. 210]. Может сложиться такая ситуация, что обладатель сертификата ключа цифровой подписи юридического лица прекратит свои должностные обязанности. Причин тому может быть множество: и увольнение, и смерть лица, и прекращение доверенности, и простой очередной отпуск согласно Трудовому кодексу РФ.

В свою очередь отметим, что другим важным недостатком системы идентификации является допускаемая законом возможность получения сертификатов для юридических лиц по простой доверенности.

Похожая ситуация приводится С. Пазининым: «Вы директор фирмы и вы сообщили главному бухгалтеру секретный пароль (закрытый ключ) и договорились, что данный пароль не может быть разглашен ни при каких условиях. Даже подписали документ об этом. Но по прошествии времени у вашей организации выявляется нестача средств на счете на большую сумму. Вопрос: как доказать в суде, что незаконную финансовую операцию провел ваш главбух (пусть даже и без злого умысла, а по халатности)? Ведь вы, как генеральный директор, тоже знали закрытый ключ» [3].

В качестве возможного механизма защиты в литературе предлагается подтверждение «применения ЭЦП составленным в письменной форме договором, в котором будет указана процедура доказывания достоверности цифровой подписи, либо процедура ее проверки» [4, с. 72]. Однако этим же автором отмечается нецелесообразность такого подхода: «Зачем составлять контракт в электронном виде, если к нему в обязательном порядке прикладывается «бумажный» договор? Либо участники сделки вынуждены предварительно составлять договоры, предусматривающие порядок проверки электронной подписи для всех операций с юридически значимыми документами» [Там же].

Указанные проблемы частично устранены при вступлении в силу с 1 июля 2020 г. ФЗ «Об электронной цифровой подписи» в новой редакции, где предлагается для подписания электронного документа от имени юридического лица использовать две квалифицированные электронные подписи (далее КЭП) одновременно – КЭП юридического лица и КЭП руководителя организации как физического лица, действующего от имени организации без доверенности. Руководитель организации должен будет ставить на документе КЭП юридического лица, квалифицированный сертификат которой получен в удостоверяющем центре ФНС РФ, и свою личную КЭП как физического лица, квалифицированный сертификат которой получен в аккредитованном удостоверяющем центре.

Однако указанный порядок, будучи, несомненно, прогрессивным по сравнению с действующим, не решает проблему с получением физическим лицом КЭП на подставное лицо, не работающее в организации. Тем более что законодательно предлагается закрепить возможность использования при создании и выдаче сертификата (в том числе квалифицированного) дистанционной идентификации заявителя (без его личного присутствия). Представляется, что последнее предложение

несколько преждевременно без принятия одновременно подзаконного нормативного акта, регламентирующего порядок передачи и обработки такой информации.

Не решен вопрос и с ситуацией, при которой ЭЦП будет использоваться индивидуальным предпринимателем. В Федеральном законе от 27.12.2019 № 476-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об электронной подписи» и ст. 1 Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» закреплено, что от имени организации в качестве владельца сертификата ключа проверки электронной подписи наряду с указанием наименования юридического лица указывается физическое лицо, действующее от имени юридического лица без доверенности. Оно же и несет ответственность за содержание подписанных документов. Такая формулировка предполагает отсутствие для индивидуального предпринимателя каких-либо альтернативных механизмов. Он не может делегировать свои полномочия на проставление ЭЦП другому лицу.

Указанные соображения позволяют сделать вывод о том, что принятый Федеральный закон от 27.12.2019 № 476-ФЗ не разрешил все существующие в этой области проблемы.

Литература

1. О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации : федер. закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>
2. Калинин С. О. Проблемы использования электронной цифровой подписи в организациях // Наука и образование. 2019. № 4. С. 209–214.
3. Пазинин С. От цифровой подписи через электронно-цифровую подпись к простой «неподписи» // Отраслевой портал «Информационная безопасность банков» BIS Journal. 2012. № 1(4). URL: <https://ib-bank.ru/bisjournal/post/131> (дата обращения: 22.09.2020).
4. Максимова И. А. Актуальные проблемы защиты прав участников гражданских отношений при использовании электронной цифровой подписи // Международный журнал гражданского и торгового права. 2019. № 3. С. 68–72.

On the Issue of the Use of Electronic Digital Signatures in Civil Law Relations

© М. А. Volkova, 2020

Abstract. With the development of electronic document management, the use of electronic digital signature (EDS) is becoming more common. The existing mechanisms now involve the use of electronic digital signatures of various types, but not one of them cannot be recognized as fully consistent with the existing needs of civilian circulation. The article analyzes a number of problems that exist in law enforcement practice and notes the incomplete nature of the changes that come into force on July 1, 2020.

Keywords: electronic digital signature, enhanced unskilled signature, enhanced qualified signature, simple digital signature.

Волкова Мария Александровна – кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный социальный университет, г. Москва, Россия, e-mail: mvolkova2013@bk.ru

Volkova Maria Alexandrovna – Candidate in History, Associate Professor, Russian State Social University, Moscow, Russian Federation, e-mail: mvolkova2013@bk.ru

УДК 34:37.018.4:616-036.21

Правовые аспекты использования дистанционных образовательных технологий в деятельности образовательных учреждений в условиях пандемии

© О. В. Горбач, У. Б. Филатова, 2020

Аннотация. Исследуются тенденции изменения правового регулирования деятельности образовательных учреждений в связи с использованием ими электронного обучения и дистанционных образовательных технологий для предотвращения распространения новой коронавирусной инфекции. Рассматривается вопрос корректировки нормативной базы, уточнения отдельных понятий и категорий.

Ключевые слова: образование, пандемия, дистанционные технологии обучения, образовательный стандарт.

Пандемия новой коронавирусной инфекции, длящаяся уже около года, затронула практически все сферы жизни людей. Сфера образования не стала исключением. Она переживает трансформацию образовательного процесса. Очень широко в этой связи обсуждается вопрос о возможности и необходимости применения дистанционных технологий в образовательном процессе. Не вдаваясь в суть спора сторонников и противников использования цифровых и дистанционных средств обучения, следует учитывать, что их внедрению способствовали, помимо пандемии, объективные факторы, к числу которых относятся: развитие информационных технологий, повышение доступности их использования, развитие средств защиты персональных данных, расширение возможностей социального взаимодействия и др. Пандемия в данном случае выступила катализатором складывающейся трансформации традиционных форм и методов обучения.

Целью работы является рассмотрение изменений, происходящих в правовом регулировании отношений, связанных с предоставлением образовательных услуг, на примере высших учебных заведений. Социальный характер образовательных услуг подчеркивается в работах ученых и специалистов, поэтому крайне важно исследовать границы и варианты предоставляемых услуг, особенности их оказания [1, с. 53]. Яркой выраженной тенденцией последних лет стало активное вовлечение в социальную сферу элементов гражданского общества и создание

специальных субъектов для распределения функций государства в социальной сфере [2, с. 68].

В соответствии с изменениями, внесенными в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», ст. 108 дополнена ч. 17, норма которой предполагает в случае угрозы чрезвычайной ситуации или возникновения таковой, введения режима повышенной готовности реализацию образовательных программ, проведение государственной итоговой аттестации с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий вне зависимости от ограничений, предусмотренных в федеральных государственных образовательных стандартах [3]. Ввиду того что уже сама сложившаяся ситуация или угроза ее появления могут характеризоваться как чрезвычайные, система образования может гибко реагировать на обстоятельства, с одной стороны, обеспечивая безопасность предоставления образовательных услуг, с другой – обеспечивая непрерывность образовательного процесса. Более того, этим же нормативным актом устанавливается тождественность документов, предоставляемых на электронных и бумажных носителях.

В статье 16 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» раскрываются понятия «электронное обучение» и «дистанционные образовательные технологии»: под дистанционными образовательными технологиями понимаются образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников [4, с. 16]. Таким образом, можно поставить вопрос о соотношении данных понятий, поскольку оба этих понятия содержат отдельные сходные признаки, например: использование информационно-телекоммуникационных сетей.

Обязательные требования при реализации основных образовательных программ изложены в государственных стандартах. Анализ федерального государственного образовательного стандарта высшего образования «Бакалавр по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция», позволил выявить, что он допускает применение при реализации программы бакалавриата электронного обучения и дистанционных технологий [5]. Обращает на себя внимание также то, что использование данных технологий должно обеспечивать выполнение всех установленных требований к образовательной организации и образовательному процессу. В результате освоения программы бака-

лавриата с использованием электронного обучения и/или дистанционных технологий должны быть сформированы все компетенции, предусмотренные стандартом: универсальные, общепрофессиональные и профессиональные. Применение дистанционных технологий при осуществлении основной образовательной программы должно быть не только оправданно с учетом возможностей вуза, потребностей работодателей и других факторов, но и должно гарантировать полное освоение выпускником программы в той же степени, что при традиционной форме обучения. В этой связи уместно обратиться к п. 3.7 стандарта, который предписывает образовательной организации устанавливать индикаторы достижения компетенций самостоятельно. Интересным также представляется положение стандарта, предписывающего особые требования к электронной информационно-образовательной среде организации в случае применения электронного обучения или дистанционных образовательных технологий. Таким образом, на примере государственного образовательного стандарта можно заключить следующее. Во-первых, электронное обучение и дистанционные технологии для данного направления подготовки могут быть реализованы вне связи с какой-либо чрезвычайной ситуацией. Образовательный стандарт это допускает, однако устанавливая дополнительные требования. Во-вторых, в условиях чрезвычайной ситуации такая форма обучения позволяет избежать приостановки образовательного процесса в рамках конкретного вуза, осуществляющего подготовку бакалавров соответствующего направления.

Помимо вышеизложенных достоинств использования электронных, цифровых и дистанционных технологий, следует упомянуть о взаимодействии образовательной организации и участников образовательного процесса с ведущими работодателями, практиками, иными лицами. Дистанционное взаимодействие с ними может быть организовано, несмотря на географическую удаленность.

Говоря о потенциале дистанционных образовательных технологий и электронного обучения, следует оценить возможности их применения при обучении лиц с ограниченными возможностями здоровья, в ситуации, когда обучающийся по состоянию здоровья не может проходить обучение очно и др. Для конкретизации возможностей использования дистанционных технологий для лиц с ОВЗ при угрозе распространения новой коронавирусной инфекции Министерством науки и высшего образования Российской Федерации совместно с Роспотребнадзором разработаны Методические рекомендации по организации

образовательной деятельности для обучающихся с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья в условиях предупреждения распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на территории Российской Федерации. В них даны рекомендации по обеспечению безопасных условий учебного процесса обучающихся, реализации образовательных программ высшего образования с использованием электронного обучения, дистанционных образовательных технологий для лиц с ОВЗ и инвалидностью [6]. В этом документе раскрывается понятие смешанного обучения, определяется совокупность его составляющих, варианты и способы обучения, основные виды учебной деятельности с использованием дистанционных образовательных технологий и др. Значимым представляется возможность организации практик с использованием дистанционных технологий.

Таким образом, использование новых форм, методов, способов и видов обучения, образовательных технологий вызвано необходимостью реагирования на возникающие вызовы. Эти трансформации обуславливают важность совершенствования нормативного регулирования деятельности образовательных учреждений.

Литература

1. Синкевич Ж. В. Правовая природа социальной услуги: конвергенция частных и публичных начал // Сибирский юридический вестник. 2020. № 2 (89). С. 53.
2. Филатова У. Б. Правоотношения социального предпринимательства: особенности субъектного состава // Сибирский юридический вестник. 2020. № 3 (90). С. 68.
3. О внесении изменений в статьи 71.1 и 108 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» : федер. закон от 8 июня 2020 г. № 164-фз // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 24. Ст. 3738
4. Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53 (ч.1). Ст. 7598
5. Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавр по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция : приказ Министерства науки и высшего образования РФ № 1011 от 13 авг. 2020 г. URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/400301_B_3_07092020.pdf. (дата обращения: 15.10.2020).
6. Методические рекомендации по организации образовательной деятельности для обучающихся с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья в условиях предупреждения распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на территории Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_367891/8c0194f11103c8fa7243f43da3856eaba7d9a18e/ (дата обращения: 15.10.2020).

Legal Aspects of the use of Distance Learning Technologies in the Activities of Educational Institutions in a Pandemic

© O. V. Gorbach, U. B. Filatova, 2020

Abstract. The trend of changes in the legal regulation of the activities of educational institutions in connection with their use of e-learning and distance educational technologies to prevent the spread of a new coronavirus infection is investigated. The issue of adjusting the regulatory framework, clarifying certain concepts and categories is considered.

Keywords: education, pandemic, distance learning technologies, educational standard.

Горбач Ольга Владимировна – кандидат экономических наук, доцент, кафедра гражданского права, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: olga.gorbach.2015@list.ru

Gorbach Olga Vladimirovna – Candidate in Economic Sciences, Associate Professor, Department of Civil Law, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: olga.gorbach.2015@list.ru.

Филатова Ульяна Борисовна – доктор юридических наук, профессор, кафедра гражданского права, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: filatova.uljana82@gmail.com.

Filatova Uliana Borisovna – Doctor in Law, Professor, Department of Civil Law, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: filatova.uljana82@gmail.com

УДК 342.7:616-036.21

COVID-19 the consequences for fundamental rights and freedoms

© A. Ignaczak, 2020

Abstract. The aim of this article is to expose the threats to fundamental human rights and freedoms in the era of the coronavirus pandemic. Dangerous increase of coronavirus infections forces to introduce restrictions to limit the spread of the virus. Currently, the state authorities must face the enormous challenge of fighting the epidemic while respecting human rights.

Keywords: coronavirus pandemic, human rights, fundamental rights and freedoms, threats to human rights.

Undoubtedly, 2020 will go down in history as a year of challenges and changes. For over half a year, the whole world has been struggling with the coronavirus epidemic, which disrupts social and economic life. The pandemic claimed many human lives, has a negative impact on the global economy and mental health. People have to get used to making a completely new reality and lifestyle. They cannot spend time as they want and they are forced to adapt to many restrictions, such as quarantine, work and remote education, restrictions in the functioning of trade and cultural activities. People are also forced to limit interpersonal contacts and transfer social life to the Internet. In short, the pandemic has created a new reality to which people must adapt.

The coronavirus pandemic has made us realize how important and valuable is the broadly understood human freedom. In democratic states, fundamental rights and freedoms seem to be common and obvious. Already in 1948, the Universal Declaration of Human Rights [1] systematized the basic and fundamental human rights. One of the basic and superior human values is dignity, which was included in Article 1 of the Universal Declaration of Human Rights. The Declaration also guarantees every human being the right to life, freedom and security of person (Article 3). In the light of the Declaration, every person also has the right to freedom of movement (Article 13) and peaceful assembly and association (Article 20). The Universal Declaration of Human Rights, however, is not legally binding and is considered to be a source of soft law. It should be read as a manifesto, containing the values for which the state should fight on behalf of its citizens. However, the Universal Declaration of Human Rights was the starting point for creating international legal mechanisms to protect fundamental human rights [2]. Basic human rights are reflected in the International Covenant on Civil and Political Rights and the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, which are legally binding. The Universal Declaration of Human Rights has laid the foundations for the protection of human rights both at the international and national level [2]. Basic human rights and freedoms are also expressed in the most important legal acts of individual countries. Both the Constitution of the Russian Federation [3] and the Constitution of the Republic of Poland [4] contain a separate chapter devoted to human and citizen rights and freedoms.

Article 21 of the Constitution of the Russian Federation and Article 30 of the Constitution of the Republic of Poland refer to human dignity. Protecting human dignity is the responsibility of the state and public authorities. However, the Constitution of the Republic of Poland and the Constitution of Russian Federation do not define the concept of dignity. The doctrine of Polish law assumes that dignity is a sphere of personality which is concretized in the sense of human self-esteem and the expectation of respect from other people [5]. The above mentioned legal acts also provide legal protection of human life. According to Article 41 of the Constitution of the Russian Federation and Article 68 of the Constitution of the Republic of Poland, everyone has the right to health care and medical assistance. Moreover, the Constitution of the Republic of Poland (Article 52) and the Constitution of the Russian Federation (Article 27) introduce the right to freedom of movement. The most important legal acts of the Republic of Poland (Article 57) and the Russian Federation (Article 31) also guarantee

the right to organize peaceful assemblies and participate in them. Finally, each of us has the right to the inviolability of private life (Article 23 of the Constitution of the Russian Federation and Article 47 of the Constitution of the Republic of Poland).

Living in comfortable and peaceful times has accustomed citizens to respecting their rights and freedoms. However, all the basic human rights mentioned above are under threat in the face of today's pandemic.

My first worrying reflections on human rights in the coronavirus era appeared while watching news from Spain and Italy. As is well known, the epidemic initially affected these two countries most in Europe. The image of overcrowded hospitals, the lack of free places for patients and the construction of field hospitals made it clear that access to health care for all patients with coronavirus is in question [6]. Doctors have to deal with a huge ethical and moral dilemma – who to treat if there is the shortage of respirators [7]. Here's the question – to save a younger person or an older person, who has less strength to fight the disease? There were even recommendations to take into account the social value of the sick person [7]. This shows that in the face of a pandemic, the state is unable to guarantee its citizens the right to basic medical care and the right to dignity.

Restrictions related to the coronavirus epidemic also prevent us from moving around freely, meeting in large groups, or organising peaceful assemblies. The epidemic also poses a serious threat to business activities. The freedom of economic activity is completely excluded in some sectors of the economy. The epidemic affected everyone regardless of their social status or occupation. The epidemic is a new experience for us, which both connects and divides society. On the one hand, society supports itself in these difficult times and there are global campaigns to encourage people to stay at home [8]. On the other hand, people are tired of restrictions and there are more and more conspiracy theories, for example that there is no pandemic or the coronavirus was spread intentionally [9]. Countries are fighting hard against disinformation, but it is necessary to find a compromise between freedom of speech and counteracting fake news. In Poland, the government has proposed a bill to punish people who spread disinformation about coronavirus [10]. The justification of the bill shows that the actions of circles questioning the existence of the epidemic and encouraging society to deny the restrictions introduced by the act contribute to the threat of one of the fundamental rights guaranteed by the Constitution of the Republic of Poland – the right to health [10]. However, the question arises whether such a provision is compatible with the constitutional freedom of speech.

The following question should also be asked – what about the fundamental right to privacy in the era of surveillance of quarantined citizens? The obligation to quarantine is right and justified as it minimizes the risk of contamination to others. However, the question is how to balance the collective interest of humanity and the interest of a single individual. There are many doubts and objections about how to control citizens in quarantine. In order to meet the needs of people in home isolation, the Polish legislator has introduced an obligation for people in quarantine to install special software to confirm their location [11]. The Polish government created an application called "home quarantine". According to the information provided on the government website [12], home quarantine is an application that is designed to make it easier and more efficient to perform the mandatory 14-day quarantine. Interestingly, the use of the application is a statutory duty of those who are required to quarantine. Individuals who, contrary to their legal duty, do not install or use the "home quarantine" application may be fined or reprimanded [13]. The application allows to confirm location and allows to contact the services that supervise the people in quarantine. There is, of course, a group of people who are exempt from the obligation to install the application, e. g. due to lack of a suitable device. In order to be released from the obligation to use the application, it is necessary to make an appropriate statement under pain of criminal responsibility for making false statements [12]. In summary, the use of the application is a legal obligation resulting from the Act. The solution introduced in Poland raises many doubts and concerns about human rights [14]. The installed application has access to a lot of information, i. e. the wifi network to which we connect, as well as what applications we have installed on the phone. It is not known what other data this application is able to obtain from mobile device. A similar solution was introduced in Russia. The authorities have developed an application that tracks the location of the residents of Moscow. It is stated that the tracking application requires access to the user's calls, location, camera, storage, network information and other data [15]. It is to be hoped that the solutions introduced in Poland and Russia are not a tool for surveillance, but a measure to improve the fight against the epidemic. However, United human rights experts issued a statement that states should not abuse emergency measures to suppress human rights [16]. It is believed that many countries are using the epidemic to violate fundamental rights and freedoms and to gain political advantage.

The world faces a huge challenge. All countries must face the epidemic without unduly interfering with fundamental human rights and freedoms. In

conclusion, it is worth summarizing and listing the most important consequences that the epidemic has brought for human rights:

1. The pandemic threatens fundamental rights and freedoms, i. e. the right to life, health and dignity. In a situation of overpopulation of hospitals and lack of medical equipment, doctors have to face a huge ethical and moral dilemma – who deserves to be saved?

2. The pandemic restricts the right to freedom of movement, assembly, contact with friends and family, enjoyment of cultural activities and violates the freedom to undertake economic activity.

3. The pandemic is a threat to our privacy. In Poland and Russia, the application has been created and it is a legal obligation for people in quarantine to use this application.

4. The coronavirus pandemic aggravates social conflicts and encourages the creation of conspiracy theories about the absence of epidemics. In Poland appeared the idea of punishing those who undermine the existence of the coronavirus and contribute to social disinformation. How does this relate to constitutional freedom of speech and the right to information?

5. The question is whether the introduced restrictions on human rights and freedoms will not remain with us forever and pose a threat to democracy? Do the restrictions contribute to the creation of a supervised society?

The coronavirus carries a huge risk to human rights. It is clear that emergency situations require emergency action, but any limitation of fundamental rights and freedoms must be proportionate and necessary. Restrictions must be lifted immediately when the risk ceases or is reduced– it is the only way to prevent human rights and democracy from being weakened forever.

Bibliography

1. The Universal Declaration of Human Rights, United Nations General Assembly in Paris on 10 December 1948 General Assembly resolution 217 (III). URL: <https://www.un.org/en/universal-declaration-human-rights> (access: 06.11.2020).

2. Bienkowska D. Powszechna Deklaracja Praw Człowieka jako inspiracja dla współczesnych reżimów praw człowieka, in: *Prawa człowieka i ludzkie bezpieczeństwo. Osiągnięcia i wyzwania*. W 70. Rocznice Ogłoszenia Powszechnej Deklaracji Praw Człowieka, ed. Bienkowska D., ed. Kozłowski R., 2019. URL: <https://sip.legalis.pl> (access: 06.11.2020).

3. The Constitution of the Republic of Poland of 2nd April, 1997, Dz. U. no. 78, item 483 with am. URL: <https://www.sejm.gov.pl/prawo/konst/angielski/kon1.htm> (access: 07.11.2020).

4. The Constitution of the Russian Federation adopted in a national referendum on 12 December 1993. URL: <http://archive.government.ru/eng/gov/base/54.html> (access: 07.11.2020).

5. Banaszak B., *Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej. Komentarz*, 2012, available at: <https://sip.legalis.pl> (access: 07.11.2020).

6. Tondo L. Italian hospitals short of beds as coronavirus Heath toll jumps, available at: <https://www.theguardian.com/world/2020/mar/09/italian-hospitals-short-beds-coronavirus-death-toll-jumps> (access: 10.11.2020); Sills B., Lombrana L. M., Spanish doctor are forced to choose who to let die, 2020, available at: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-8142013/Horrifying-images-coronavirus-patients-lying-floor-packed-Madrid-hospital.html> (access: 10.11.2020).
7. Nowakowski P. Kogo ratować gdy brakuje respiratorów? To już nie tylko ćwiczenie na zajęciach z etyki (opinia). URL: <https://www.gazetaprawna.pl/artykuly/1464636,kogo-ratowac-gdy-brakuje-respiratorow-koronawirus-etyka.html> (access: 10.11.2020).
8. URL: <https://www.who.int/campaigns/connecting-the-world-to-combat-coronavirus/together-at-home> (access: 12.11.2020).
9. Lewis T. Nine COVID-19 myths that just won't go away. From a human-made virus to vaccine conspiracy theories, we rounded up the most persistent false claims about the pandemic. URL: <https://www.scientificamerican.com/article/nine-covid-19-myths-that-just-wont-go-away/> (access: 12.11.2020).
10. Poselski projekt ustawy o zmianie ustawy o zapobieganiu oraz zwalczaniu zakażeń i chorób zakaźnych u ludzi. URL: <http://www.sejm.gov.pl/Sejm9.nsf/agent.xsp?symbol=PROJNOWEUST&NrKadencji=9&Kol=D&Typ=UST> (access: 12.11.2020).
11. Article 7e of the ustawa z dnia 2 marca 2020 r. o szczególnych rozwiązaniach związanych z zapobieganiem, przeciwdziałaniem i zwalczaniem COVID-19, innych chorób zakaźnych oraz wywołanych nimi sytuacji kryzysowych, Dz. U. 2020 item 374 with am. URL: <http://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU20200000374> (access: 12.11.2020).
12. Regulamin i polityka prywatności aplikacji «Kwarantanna domowa». URL: <https://www.gov.pl/web/koronawirus/kwarantanna-domowa-regulamin> (access: 12.11.2020).
13. Article 116 § 1 of the ustawa z dnia 20 maja 1971 r. Kodeks wykroczeń, Dz. U. 2019 r. item 821 with am. URL: <http://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU19710120114> (access: 12.11.2020).
14. Czy aplikacja «Kwarantanna domowa» wie o nas za dużo – obywatele skarżą się do RPO. URL: <https://www.rp.pl/Bezpieczenstwo/311139945-Czy-aplikacja-Kwarantanna-domowa-wie-o-nas-za-duzo---obywatele-skarza-sie-RPO>.html (access: 13.11.2020).
15. Kelion L., Coronavirus: Moscow Rolls out patient-tracking app. URL: <https://www.bbc.com/news/technology-52121264> (access: 13.11.2020).
16. URL: <https://www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=25722&LangID=E> (access: 13.11.2020).

COVID-19: последствия для фундаментальных прав и свобод

© А. Игначак, 2020

Аннотация. Выявляются угрозы основным правам и свободам человека в эпоху пандемии коронавируса. Обозначается, что опасный рост числа коронавирусных инфекций вынуждает ввести ограничения для распространения вируса. Резюмируется, что в настоящее время перед государственными органами стоит серьезная задача борьбы с эпидемией при соблюдении прав человека.

Ключевые слова: пандемия коронавируса, права человека, основные права и свободы, угрозы правам человека.

Agata Ignaczak – Postgraduate, Faculty of Law and Administration, Adam Mickiewicz University of Poznań, Poznań, Republic of Poland, e-mail: agaign@amu.edu.pl

Агата Игначак – аспирант, факультет права и администрации, Университет Адама Мицкевича в г. Познани, Познань, Республика Польша, e-mail agaign@amu.edu.pl

Обеспечение занятости населения и совершенствование Трудового кодекса Российской Федерации в условиях пандемии

© О. А. Парягина, 2020

Аннотация. Положительно оценивается предпринятое российским законодателем совершенствование регулирования материальной поддержки высвобождаемых по инициативе работодателя работников. Представляется целесообразным развивать некоторые гибкие формы занятости населения в условиях пандемии. Исследуются достоинства и недостатки законопроекта о дистанционной работе.

Ключевые слова: пандемия, занятость населения, дистанционная работа, трудовой договор.

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), анализируя масштабы распространения в 2020 г. новой и опасной для жизни и здоровья людей коронавирусной инфекции, сочла возможным охарактеризовать данное явление как пандемию, т. е. чрезвычайно сильную и дислоцированную на территориях стран и континентов эпидемию. Глава ВОЗ Т. А. Гебрейсус на 73-й сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения заявил, что пандемия COVID-19 уже вышла за рамки чрезвычайной ситуации в сфере здравоохранения, и призвал к тому, чтобы государства проявили единство в решении проблем охраны здоровья населения и достижении намеченных ООН целей устойчивого развития [1].

В России вследствие настоятельной необходимости соблюдения определенных ограничительных мер санитарно-эпидемиологического характера пандемия значительно повлияла на повседневное бытие граждан и организацию производственных процессов. В новых условиях возникли реальные угрозы падения экономики и уровня жизни граждан в связи с вынужденным закрытием организаций или их переходом на режим неполного рабочего времени. Целям нивелирования таких угроз и обеспечения экономической и социальной устойчивости государства и общества подчинены и в установленном режиме повышенной готовности в Российской Федерации реализуются нормативно предусмотренные меры по экономической поддержке предпринимателей и социальной поддержке населения.

Следует заметить, что в период пандемии коронавируса в отечественной практике получили правовое разрешение некоторые давно назревшие вопросы регулирования социально-трудовых отношений и обеспечения занятости населения. На этапе введения для населения режима самоизоляции начался рост численности высвобождаемых из организаций работников, что подвигло российского законодателя упорядочить выплаты работникам, увольняемым в связи с ликвидацией организации (п. 1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ), сокращением численности или

штата работников организации (п. 2 ч. 1 ст. 81 ТК РФ). С 13 августа 2020 г. в новой редакции действует ст. 178 ТК РФ о выплате высвобождаемым работникам выходного пособия и среднемесячного заработка за период трудоустройства, но не более трех месяцев. В указанной статье впервые предусмотрены условия выплаты уволенному работнику взамен среднемесячного заработка за период трудоустройства единовременной денежной компенсации в размере двукратного среднего месячного заработка [2]. В правовом регулировании материальной поддержки незанятого населения положительным (но, к сожалению, ограниченным предусмотренными Правительством РФ периодами в течение 2020 г.) является увеличение минимального и максимального размеров пособий по безработице (соответственно до 4500 и 12 130 руб.), установление выплат в размере 3 тыс. руб. на детей безработных граждан [3].

Анализ показывает, что в России на фоне пандемии коронавируса растет, но остается социально приемлемым уровень безработицы. По данным Росстата, в январе 2020 г. безработные составляли 4,7, а в сентябре 2020 г. – 6,3 % от общей численности рабочей силы в 75,3 млн человек [4]. Отчасти рост числа граждан, зарегистрированных в органах службы занятости в целях поиска работы, вызван некоторым увеличением размера пособий по безработице. Сдерживанию безработицы способствуют осуществляемые работодателями меры по сохранению бизнеса и кадрового потенциала организаций, связанные главным образом с переводом работников на неполную (и, следовательно, нижеоплачиваемую), а также дистанционную занятость.

Неоднозначной оценки заслуживает практикуемое работодателями в условиях пандемии направление работников в административный отпуск без сохранения заработной платы. Как и в 1990-х гг., работники вынуждены писать заявления о предоставлении отпусков без сохранения заработной платы по своей инициативе. Крайне редко работники вместо ухода в отпуск требуют оплаты периода простоя на основании ст. 157 ТК РФ согласно постановлению Минтруда РФ от 27 июня 1996 г. № 40 «Об утверждении разъяснения «Об отпусках без сохранения заработной платы по инициативе работодателя» [5]. Но, следуя данному разъяснению, работники могут спровоцировать работодателя на их увольнение по сокращению численности или штата работников организации (п. 2 ч. 1 ст. 81 ТК РФ). С пониманием такой альтернативы работникам приходится решать вопрос об уходе в отпуск без сохранения заработной платы, фактически инициированный работодателем.

На нынешнем этапе пандемии Россия, подобно ряду других государств, с учетом экономических интересов всех субъектов на рынке

труда воздерживается от локдауна и допускает организацию производственного процесса с соблюдением установленных санитарно-эпидемиологических норм и правил. Представляется, что для снижения рисков инфицирования работников, обеспечения охраны их здоровья необходимо более полное применение некоторых гибких форм занятости населения. В связи с этим целесообразно в ТК РФ закрепить трудовой договор о работе по вызову, предусмотреть более совершенное регулирование дистанционного труда работников.

Очевидно, что в период пандемии в России многократно возросла численность дистанционных работников. Это ускорило разработку проекта федерального закона «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной и удаленной работы» [6]. Данный законопроект обоснованно предусматривает исключение из ч. 4 ст. 312.1 ТК РФ требования использовать усиленную квалифицированную электронную подпись при оформлении трудового договора с дистанционными работниками и содержит нормы о временной и комбинированной дистанционной работе. В юридической науке верно замечено, что необходимость получения указанной подписи осложняет и удорожает заключение договора, а частичная дистанционная занятость работников практически существует [7, с. 34–35]. Излишней в законопроекте выглядит дополнительная характеристика дистанционной работы как удаленной, поскольку в ч. 1 действующей редакции ст. 312.1 ТК РФ четко определено, что дистанционная работа выполняется вне места нахождения работодателя. Составители проекта относят к числу оснований для установления режима временной дистанционной работы производственную необходимость, но не раскрывают соответствующее понятие, а также не указывают правовые последствия отказа работника трудиться в указанном режиме. В законопроекте дублируются существующие в ТК РФ положения о возможности компенсации работникам в договорном порядке или на основе локальных нормативных актов о труде расходов, произведенных в связи с дистанционной работой (оплата электроэнергии и т. д.). Для усиления гарантий предоставления работникам компенсаций необходимым представляется регламентировать условия их предоставления непосредственно в ТК РФ. Целесообразно также более полно урегулировать в кодексе вопросы охраны труда дистанционных работников, особенности разрешения ситуаций, связанных с невозможностью выполнения работником трудовых обязанностей вследствие отключения электроэнергии, интернета и т. п. С учетом опыта Франции было бы правильным законодательно предусмотреть право дистанционного работника на отключение от связи с работодателем в согласо-

ванное время. Рациональное регулирование трудового договора о дистанционной работе усилит его роль в обеспечении производительного и безопасного труда работников, тем более в условиях пандемии.

Литература

1. Семьдесят третья сессия Всемирной ассамблеи здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/about/governance/world-health-assembly/seventy-third-world-health-assembly> (дата обращения: 10.11.2020).
2. О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части предоставления гарантий работнику, увольняемому в связи с ликвидацией организации : федер. закон от 13 июля 2020 г. № 210-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2020. № 29. Ст. 4520.
3. О размерах минимальной и максимальной величин пособия по безработице на 2020 г. : постановление Правительства РФ от 27 марта 2020 г. № 316 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 14 (ч. 1). Ст. 2103; № 25. Ст. 3892.
4. Центр трудового права. Статистика. URL: <http://law.edu.ru/centers/labourlaw/message.asp?mID=969855855> (дата обращения: 10.11.2020).
5. Об утверждении разъяснения «Об отпусках без сохранения заработной платы по инициативе работодателя» : постановление Минтруда РФ от 27 июня 1996 г. № 40 // Бюллетень Минтруда Российской Федерации. 1996. № 8.
6. Законопроект № 973264-7 «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной и удаленной работы». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/973264-7>
7. Люттов Н. Л. Дистанционный труд: опыт Европейского союза и проблемы правового регулирования в России // Lex Russica. 2018. № 10. С. 30–39.

Ensuring of Employment and Improving of the Russian Federation's Labor Code in the Face of a Pandemic

© O. A. Paryagina, 2020

Abstract. The author positively assesses the legal Russian improvement of material support for employees released at the initiative of the employer, considers it appropriate to develop some flexible forms of employment in the conditions of the pandemic and characterizes the pros and cons of the bill on remote labor.

Keywords: a pandemic, employment, remote labor, employment contract.

Парягина Ольга Александровна – кандидат юридических наук, доцент, кафедра гражданского права, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: irk-oap@mail.ru

Paryagina Olga Aleksandrovna – Candidate in Law, Associate Professor, Department of Civil Law, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: irk-oap@mail.ru

О «передаче вещи короткой рукой»

© В. В. Ровный, 2020

Аннотация. Рассматривается один из актов юридической передачи вещи – *traditio brevi manu* («передача короткой рукой»). Осмысливаются различные юридически значимые аспекты такой «передачи». Анализируется правило п. 2 ст. 224 ГК РФ.

Ключевые слова: передача вещи, традиция, традент, акципиент, владение.

Передача традентом вещи акципиенту (*traditio*) может быть не только физической (п. 1 ст. 224 ГК [1]), но и *юридической*: *traditio* может совершаться посредством *t. brevi* и *longa manu*, а также *constitutum possessorium t.*

1. При *t. brevi manu* (далее – ТБМ) вещь передается «короткой рукой», т. е. имеет место такая «передача», когда в действительности траденту не надо передавать вещь акципиенту: она уже находится у него во владении (п. 2 ст. 224 ГК). Правило п. 2 ст. 224 ГК посвящено не действиям традента по передаче вещи, а *свершившемуся факту* – владению вещью, возникшему у акципиента *ante factum* относительно заключенного с ним *post factum* договора о ее отчуждении (т. е. владению *argiōi*, протовладению). Именно владение акципиентом вещью к моменту заключения договора о ее отчуждении исключает необходимость физической ее передачи традентом. При отсутствии в ст. 224 ГК правила п. 2 его надо было бы подразумевать путем соответствующего толкования, в противном случае находящуюся у акципиента вещь пришлось бы возвращать траденту только для того, чтобы последний затем опять передал ее акципиенту согласно п. 1 ст. 224 ГК. Поскольку все это абсурдно, противоречит требованиям гражданского оборота, наконец, передача вещи «туда-сюда» затратна экономически и увеличивает риск случайной гибели (повреждения) вещи, логичное и аксиоматичное правило п. 2 ст. 224 ГК: а) избавляет гражданский оборот от лишних и бессмысленных физических актов передачи вещи, делает его рациональным и «коротким» (отсюда и название – «передача короткой рукой»); б) заботится о сохранении и безопасности вещи.

2. При характеристике ТБМ упоминают о некой *транслятивной* причине, благодаря которой акципиент получил *право* на вещь, а затем сохраняет ее *в своей собственности* [2, с. 159]. Полагаю, что в этом вопросе причины приобретения акципиентом владения вещью *значения не имеют*. Так, приобретение владения вещью на основании заключенного и действительного договора аренды делает акципиента *законным владельцем* вещи, последующий ее выкуп *изменяет (усили-*

вает) статус акципиента, превращая его из законного владельца в собственника (вещи). Иное дело, если акципиент завладел вещью по незаключенному (недействительному) договору или путем *оскупации*: здесь последующий выкуп вещи *легализует незаконное владение*. Кстати, всякое завладение вещью по договору (в том числе незаключенному и недействительному) связано с имевшей место передачей вещи; напротив, завладение вещью путем *оскупации* исключает ее передачу из-за отсутствия воли собственника на *оскупацию*. Поэтому нельзя согласиться полностью с тем, что правило п. 2 ст. 224 ГК содержит *фикцию* передачи. Такое известное утверждение [3, с. 372] справедливо для: а) договора об отчуждении вещи (п. 2 ст. 224 ГК); б) предшествовавших ему случаев завладения вещью, *не связанных с ее передачей*. Напротив, в тех случаях завладения вещью, где ее передача *имела место*, налицо передача *реальная* (а не фиктивная). Правило п. 2 ст. 224 ГК касается не только уже возникшего владения, но и *держания* (подлежит распространительному толкованию), в противном случае, например, ссудополучателю – *de lege lata* лишь пользователю, но не владельцу вещи – при последующем ее выкупе придется всякий раз возвращать ее ссудодателю и затем получать снова или использовать правило п. 2 ст. 224 ГК через п. 1 ст. 6 ГК. Однако: а) выше уже говорилось о бессмысленности передачи вещи «туда-сюда»; б) в вопросах приобретения вещи в собственность положение ссудополучателя, связанного с ссудодателем *договором*, не должно быть *хуже, чем положение незаконного владельца* (окупанта). Итак, содержащиеся в п. 2 ст. 224 ГК слова «она уже находится во владении...» касаются владения *законного*, владения *незаконного*, *держания*.

3. ТВМ, исходя из основательности возникшего владения, создает *двойной эффект*. Так, при выкупе арендатором полученной от арендодателя вещи ТВМ переносит от традента к акципиенту право собственности «за минусом» правомочия владения, уже перешедшего к акципиенту на основании более раннего договора аренды (*транслятивно-ограниченный эффект*). При безосновательном завладении вещью (из-за незаключенного или недействительного договора, *оскупации*) за ТВМ должен мыслиться эффект *двойной последовательной передачи*: первая передача покоится на *нетранслятивном* акте (виндикации или реституции), она должна восстановить владение традента через устранение незаконного владения акципиента; вторая передача покоится на *транслятивном* акте (например, договоре купли-продажи), она должна перенести от традента к акципиенту право собственности на вещь в объеме всех образующих его правомочий. Вывод об эффекте двойной последовательной передачи в соответствующих случаях ТВМ основан на

двух обстоятельствах: а) иррелевантности причины возникновения владения (которое может быть и безосновательным); б) признании такого эффекта при *constitutum possessorium t.*, являющейся смысловым антиподом ТВМ [2, с. 159].

4. Обычно ТВМ влияет на *исполнение* сделки. Так, если вещь, подлежащая передаче продавцом, уже находится у покупателя, она считается переданной ему в момент заключения договора купли-продажи (п. 2 ст. 224 ГК), в этот же момент от продавца к покупателю обычно переходит право собственности (п. 1 ст. 223 ГК). Это значит, что договор купли-продажи к моменту его заключения может быть *полностью исполнен продавцом*. Сходное замечание справедливо и для договора обещания дарения в будущем: если вещь, подлежащая передаче дарителем, уже находится у одаряемого, она признается переданной с момента заключения этого договора (п. 2 ст. 224 ГК), в этот же момент от дарителя к одаряемому обычно переходит право собственности (п. 1 ст. 223 ГК). Очевидно, что здесь в отличие от предыдущего случая ТВМ может и вовсе *лишить договор обязательственного эффекта*, а значит, и *парализовать* действие сопряженных с таким эффектом правил (см. абз. 1 и 3 п. 2 ст. 574, ст. 577, 581 ГК), в результате договор обещания дарения в будущем значительно сближается с договором дарения, по которому дар передается немедленно (см. п. 1 ст. 572 ГК). Наконец, если по договору мены товар, подлежащий передаче контрагентом 1, уже находится у контрагента 2, а товар, подлежащий передаче контрагентом 2, уже находится у контрагента 1, такой договор к моменту его заключения может быть и вовсе исполнен *полностью*. Присутствие в одной обменной обязательственной сделке двух ТВМ может создать парадоксальную ситуацию, когда у должника нет ни одной обязанности, а у кредитора нет ни одного требования, в результате сделка *лишается основного обязательственного эффекта* и *сохраняет лишь остаточный обязательственный эффект* (например, если вдруг товар окажется некачественным или с обременением). Итак, поскольку при ТВМ исполнение сделки «опережает» ее совершение, после ее совершения надобность в ее исполнении отпадает *частично* или даже *полностью* (см. п. 1 ст. 408 ГК). Использование ТВМ для *заключения* реального договора (см. п. 1 ст. 432 и п. 2 ст. 433 ГК) сокращает процесс его заключения с обычных двух стадий до одной. Так, заключение договора ренты по поводу вещи, уже находящейся у плательщика ренты (например, на праве аренды), потребует лишь согласования существенных условий договора (rentы), а поскольку передача вещи здесь «предвосхитила» такое согласование, элементы фактического состава для заключения договора (rentы) «накапливаются» в

обратном порядке. В этом случае заключение реального договора значительно сближается с заключением договора консенсуального. Таким образом, общий вывод состоит в следующем: ТБМ позволяет *сократить процесс исполнения договора*, а в соответствующих случаях – и *процесс его заключения*.

5. Назначение правила п. 2 ст. 224 ГК – *определить момент передачи вещи.* Законодатель признает вещь переданной не в тот момент, когда она оказалась у акципиента на самом деле, а в момент *заключения договора о ее отчуждении*. Поэтому начало владения акципиентом вещью также следует связывать не с моментом его возникновения, а с моментом заключения договора об отчуждении вещи. Императивность правила п. 2 ст. 224 ГК означает, что: а) контрагенты *не могут* влиять на определение момента передачи и начала владения (п. 1 ст. 422 ГК); б) в консенсуальном договоре начало владения устанавливают правила п. 1 ст. 432 и п. 1 ст. 433 ГК; в) договор об отчуждении вещи (п. 2 ст. 224 ГК) *не действует ex tunc* (действует только *ex nunc*). Связь акципиента с вещью от момента ее возникновения и до момента заключения договора об отчуждении вещи должна обсуждаться по правилам *основания*, установившего владение (например, гл. 34 ГК), а при его отсутствии (отпадении) – рассматриваться с точки зрения *незаконного владения*. Так, плоды, продукция и доходы от использования вещи в период от возникновения у акципиента незаконного владения ею и до момента заключения договора о ее отчуждении принадлежит собственнику (ст. 136 ГК), т. е. траденту. В результате заключения договора об отчуждении вещи такое («приращенное») имущество не станет собственностью акципиента *ipso iure*. Если его судьба не будет решена особо, факт заключения договора об отчуждении вещи легализует владение акципиентом вещью, но не избавит его от возможного иска традента по поводу «приращенного» имущества (см. ст. 301, гл. 60 ГК).

В пункте 2 ст. 224 ГК речь идет о договоре об отчуждении вещи, в свою очередь, связь между правилами ст. 224 и 223 ГК также свидетельствует о том, что в п. 2 ст. 224 ГК речь идет о договорах, направленных на переход права собственности. И все же, поскольку правило п. 2 ст. 224 ГК посвящено передаче *suī generis*, а его назначение – определить момент ее совершения (и начало владения), главное здесь – вопрос *о владельце* (а не о собственнике). Из этого и следует исходить. Поэтому если арендодатель позднее станет учредителем доверительного управления сданной в аренду вещи, а арендатор – ее управляющим, то и здесь при необходимости следует: а) момент передачи акципиенту вещи (и начало владения ею) определять по моменту заключения договора доверительного управления (а не арен-

ды); б) связь акципиента с вещью до момента заключения договора доверительного управления обсуждать по правилам гл. 34 ГК, после его заключения – по правилам гл. 53 ГК.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31 июля 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Пухан И., Поленак-Акимовская М. Римское право. М., 2003. 448 с.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1 : науч.-практ. коммент. / под ред. Т. Е. Абовой, А. Ю. Кабалкина, В. П. Мозолина. М., 1996. 714 с.

About “The delivering thing with a short hand”

© V. V. Rovniy, 2020

Abstract. One of the juridical delivering thing acts – “the delivering thing with a short hand” (*traditio brevi manu*) – is under consideration. Different juridical meaning aspects of such “delivering thing” are being thinking about. The rule of p. 2 art. 224 Civil Code of Russian Federation is being analysing.

Keywords: delivering thing, *traditio*, alienator, acquirer, possession.

Ровный Валерий Владимирович – доктор юридических наук, профессор, кафедра гражданского права, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: rovníy@mail.ru

Rovniy Valeriy Vladimirovich – Doctor in Law, Professor, Department of Civil Law, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: rovníy@mail.ru

УДК 347.4

Rebus Sic Stantibus Clause at the Time of Pandemic. Practical Approach

© M. Ruciński, 2020

Abstract. The *rebus sic stantibus* clause constitutes one of the main principles of the private law systems rooted in the Roman law. It enables to change the degree of performance, its mode, or even to terminate the whole contract due to extraordinary and grave change of circumstances, unforeseeable at the moment of contract's conclusion. The main scope of the article is to elaborate on ability to qualify COVID-19 pandemic and its outcomes as a grounds for use of *rebus sic stantibus* concept in its general understanding, not bound by particular legislation of any state, with particular emphasis on its practical applicability.

Keywords: *rebus sic stantibus*, change of contracts, COVID-19 pandemic.

Rebus sic stantibus clause is present in many legal systems based on Roman law. In direct translation from Latin it means “things thus standing”. The main purpose of this doctrine is to change or remit the duty of a party or parties to perform or to terminate the contract in case of extraordinary change or circumstances. The *rebus sic stantibus clause* is an exception from the general rule of private law that the promises must be kept and the

contracts must be honored (*pacta sunt servanda*). Both those general principles are adopted in legislations of the states in diverse manner, deriving from differences in construction of legal systems or the legislators' approach to their mutual relation. It seems however, that in recent turbulent times of COVID-19 pandemic, as well as it's social, political and economic outcomes, shall be considered as an extraordinary change of circumstances constituting base for use of *rebus sic stantibus* clause, at least in its general understanding.

Despite the fact that the principle of keeping contracts constitutes one of the main rules of law of obligations in multiple legal systems, it shall not always prevail. Crucial issue, which shall be taken into consideration, in particular in modern world defined by change, is that circumstances influencing economic base for entering into a legal relationship, may change drastically in time of its duration. For this purpose, the concept of *rebus sic stantibus* clause was created. Its main idea is to enable alteration of the mode of performing obligations, the degree of the performance or even termination of the contract in case of extraordinary change of circumstances rendering performance excessively difficult or threatening with substantial loss, which could not have been foreseen in the moment of conclusion of the contract.

Therefore, the key matter is to define the extraordinary change of circumstances. The first condition, underlined by both jurisprudence and judicature, is that such change have to be universal, which means that is shall consider at least a certain group of entities (1, p. 31). Hence difficulties undergone by only one entity, of whatsoever graveness, will not constitute the base for use of *rebus sic stantibus*. The second condition is, that such change has to be unprecedented, exceptional. It needs to be something different than repetitive economic downturn. What is more, in order to be able to influence the performance of duties under contracts, it shall be rather grave and longstanding (2).

It seems that the recent COVID-19 pandemic meets all the aforementioned criteria. As an effect, in case the pandemic influenced party's business to the extend in which the contract may not be performed without excessive difficulty or threat of substantial loss, the *rebus sic stantibus* clause may be applicable (3). It is imperative however, that the legal relationship is established before the pandemic and the due date of the claim falls in its time or after it (4). In other case, COVID-19 and it outcomes could not be treated as the change of circumstances anyhow influencing proper and timely execution of obligation. It shall be also noted that not only pandemic itself may constitute the basis of excessive difficulty in performance of contract, but so may also the legal regulations adopted

with regard to the pandemic, imposing limitations on freedom of conducting of business activity (5, p. 626).

Applicability of the *rebus sic stantibus* clause to the effects influence of global pandemic on execution of contracts, does not *per se* means that use of this legal instrument is beneficial in all cases. Its practical significance is strongly and directly dependent on rules under which it may be triggered in particular legal system. In Polish regulation for instance, it is the court which is entitled to use the *rebus sic stantibus* clause, not the parties (1, p. 30). The legislator decided to delegate this prerogative to the court due to exceptional nature of *rebus sic stantibus* clause. According to the art. 371¹ § 1 of the Polish Civil Code, the court may, after considering the interests of the parties, define the mode of performing the obligations and the degree of the performance, or even decide upon termination of the contract, in accordance with the general principles of community life. When terminating the contract the court may, as far as necessary, decide upon a settlement of accounts being guided by the aforementioned principles. Such ruling may be issued solely on the basis of so-called action for formation, which is an action aimed at alteration of legal relationship between the parties or its termination. It is also possible that claim is issued by both parties to the same contract, in this case the first action shall be followed by the counterclaim of the second party (6).

As far as delegation of entitlement to use the *rebus sic stantibus* clause to the court is an understandable solution, it has a significant drawback. Mainly, in case of such grave and widespread circumstances as a recent global pandemic of COVID-19, the ordinary operation of the judiciary system may be seriously interfered. Therefore all the proceedings are either suspended or delayed. As an effect, the claim may be examined long time after the due term of performance, or even long time after the pandemic. This problem has a particular meaning with regard to fixed-period contracts, since they are likely to expire prior to issuing of court ruling (1, p. 34).

From this perspective, the practical use of *rebus sic stantibus* clause is rather limited. Not only the excessively long court proceeding may not solve the issue of performance being excessively difficult, but uncertainty in this matter may also be detrimental to the business in recent dynamic and turbulent times. Naturally, the above does not only apply to the legal relationships governed by the Polish law, but to all those, which are governed by the legal systems in which *rebus sic stantibus* may be applied rather in court's decision than directly by the parties. Therefore, it is worth considering whether, *de lege ferenda*, this paradigm shall not be altered, so that the parties are able to use the *rebus sic stantibus* clause, and the court may, subsequently, control if it was well-grounded. Obviously, such model might create space for

abuses. On the other hand, it might also increase its practical meaning in the day-to-day business, in particular in times like these.

Hence, the entity willing to use this clause faces two alternative options. The first is to issue an action for formation aimed at altering the duty to perform or dissolution of contract. When issuing such action, the obliged party suspends performance of duty. But there is a risk connected thereto; in case the court did not see in favor of the action and did not find grounds for use of *rebus sic stantibus*, the party issuing such action may be obliged not only to perform as agreed by also to pay damages for delay. The second option however is to seek an agreement with the counterparty in order to change to mode or term of performance on contractual basis. This solution seems to be also beneficial to the receiving party (creditor), since it enables to regulate the conditions that render possible the performance, which might not happen otherwise due to being refused by the delivering party (debtor), basing on its excessive difficulties. Furthermore, without such out-of-court settlement, the creditor's only option would be to issue a claim against debtor in case of delay of performance, which, again, is connected with the significant drawback of necessity to wait months or even years for the court ruling.

As an effect, it seems that in spite of the fact that execution of multiple contractual relationships affected by the pandemic of COVID-19 meets the statutory criteria enabling to use the *rebus sic stantibus* clause, from practical perspective the parties shall be rather advised to seek mutual agreement altering their rights and obligations in recent circumstances in the first place. In case they did not succeed to do so, the next step shall be the use of alternative dispute resolution manners, such as mediation or arbitration. The court proceedings shall be the final solution, since it is questionable if it results may satisfy any of the parties, taking into consideration the time distance between the duty to perform and the court ruling.

Bibliography

1. Kurosz K., Matysiak W. P. Klauzula rebus sic stantibus w czasie pandemii // Przegląd Prawa Handlowego. 2020. No. 6. P. 30–35.
2. Ruling of Polish Supreme Court as of 17th October 2012, reference no. : II CSK 646/11, URL: <https://sip.lex.pl/#/jurisprudence/521336706?cm=DOCUMENT> (accessed: 11.11.2020).
3. Partyk T. Epidemia i jej skutki dla gospodarki i prawa jako okoliczności uzasadniające stosowanie klauzuli rebus sic stantibus. URL: <https://sip.lex.pl/#/publication/419798084/partyk-tomasz-epidemia-i-jej-skutki-dla-gospodarki-i-prawa-jako-okolicznosci-uzasadniajace...?keyword=Rebus%20sic%20stantibus&cm=STOP> (retrieved on: 11.11.2020).
4. Mejka A. Tzw. duża klauzula rebus sic stantibus (art. 357[1] § 1 k. c.). URL: <https://sip.lex.pl/#/publication/419644359/mejka-anna-tzw-duza-klauzula-rebus-sic-stantibus-art-357-1-1-k-c?keyword=Rebus%20sic%20stantibus&cm=STOP> (accessed: 11.11.2020).
5. Machnikowski P. [in:] Kodeks cywilny. Komentarz / red. E. Gniewek, P. Machnikowski, Warsaw, 2020. P. 626.

6. Michałowicz A. Koronawirus a klauzula rebus sic stantibus: skuteczne remedium czy martwy przepis? URL: <https://www.rp.pl/Dobra-Firma/304029960-Koronawirus-a-klauzula-rebus-sic-stantibus-skuteczne-remedium-czy-martwy-przepis.html> (accessed: 11.11.2020).

Принцип *rebus sic stantibus* во время пандемии. Практический подход

© М. Ручиньски, 2020

Аннотация. *Rebus sic stantibus* представляет собой один из основных принципов систем частного права, основанных на римском праве. Данный принцип позволяет изменить степень исполнения договора, его режим или даже расторгнуть весь договор в связи с чрезвычайным и существенным изменением обстоятельств, непредвиденным на момент заключения договора. В публикации уточняется способность квалифицировать пандемию COVID-19 и ее последствия в качестве основания для использования концепции *rebus sic stantibus* в ее общем понимании (акцентируя ее практическую применимость), не связанным с конкретным законодательством какого-либо государства.

Ключевые слова: *rebus sic stantibus*, изменение договора, пандемия COVID-19.

Marek Ruciński – Postgraduate, Chair of Civil, Commercial and Insurance Law, Faculty of Law and Administration, Adam Mickiewicz University, Poznań, Republic of Poland, e-mail: marek.rucinski@amu.edu.pl

Марек Ручиньски – аспирант, кафедра гражданского, торгового и страхового права факультета права и администрации, Университет Адама Мицкевича, ул. Познань, Республика Польша, e-mail: marek.rucinski@amu.edu.pl

УДК 347.965:346:349.3

Некоторые проблемы реализации права на получение социальной услуги*

© Ж. В. Синкевич, 2020

Аннотация. Рассмотрена практика применения положений законодательства о социальных услугах и о договорах, опосредующих их предоставление, о социальном обслуживании населения. Представлена проблема приоритетности отраслей в правовом регулировании отношений. Высказано предположение, что ссылка на межотраслевой характер отношений требует законодательного определения и установления принципов взаимодействия этих отраслей. Обозначены проблемы, возникающие при оказании социальной услуги, в частности вследствие пробелов в правовом регулировании, при определении отраслевой принадлежности норм, субъектного состава отношений.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, общественно полезные услуги, социальные услуги, социальное обслуживание.

Закрепленный в Конституции Российской Федерации признак социального государства с политикой, в рамках которой создаются условия для достойной жизни и свободного развития человека, планомерно находит подтверждение в различных мерах. Эффективные возможные способы достижения поставленной цели неоднократно обсуждалась в научной литературе. Учеными высказано мнение, что миру недоста-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00222.

точно лишь действий государства, все представители гражданского общества должны взять на себя часть обязанностей по оказанию социально значимых услуг.

Эти идеи находят подтверждение в законодательстве, программах Правительства РФ. Так, с целью повышения продолжительности жизни разработана Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года, целью которой является комплексное улучшение жизни граждан [1].

Программа реализуется в том числе посредством развития сектора негосударственных организаций в сфере оказания социальных услуг, поскольку в системе социальной защиты развивается механизм привлечения субъектов всех форм собственности для оказания услуг нуждающимся, в частности пожилым и инвалидам.

В Концепции были закреплены направления на достижение высоких стандартов личной безопасности, доступности услуг образования и здравоохранения, обеспечения социального благополучия. Так, в 2017 г. Правительство РФ утвердило комплекс мер по созданию системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами, включающий социальное обслуживание и медицинскую помощь на дому, а также в полустационарной и стационарной форме [2].

Данным документом предусмотрено совершенствование механизмов межведомственного взаимодействия медицинских организаций и организаций социального обслуживания, в том числе синхронизация информационных систем в сфере социальной защиты и охраны здоровья граждан. Проект начал действовать в шести регионах (Волгоградской, Костромской, Новгородской, Псковской, Рязанской, Тульской областях) на территории 12 муниципальных образований [3]. Однако проблемы, возникающие при реализации Концепции, все еще требуют разрешения.

К 2022 г. систему долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами предполагается внедрить во всех 85 регионах РФ. В регионах – участниках проектов были созданы собственные подпрограммы, в частности: Правительством Еврейской автономной области принято постановление, направленное на реализацию этих задач, определены субъекты, исполнители и размер финансирования [4].

Правовые нормы, регулирующие отношения в сфере социального обслуживания, традиционно относились к праву социального обеспечения. В связи с развитием общества в сфере права и экономики появились новые социальные отношения и направления развития институтов, часть полномочий от государственных органов были переданы в новую систему отношений социального предпринимательства.

Социальная услуга предоставляется любым участником системы социального обслуживания, при этом как государственные организации и учреждения, так и коммерческие организации и индивидуальные предприниматели, оказывающие социальные услуги, имеют равные обязанности в части предоставления качественной услуги, исходя из требований стандартов и индивидуальной программы реабилитации.

В то же время при регулировании отношений в сфере оказания социальных услуг имеются пробелы в праве как в рамках гражданского, так и права социального обеспечения. Например, для возможности получения социальных услуг и поддержки гражданином должна быть пройдена процедура установления у него факта инвалидности, признания его лицом с ограниченными возможностями.

В теории ранее обсуждались вопросы получения особого статуса гражданами для признания их нуждающимся в социальных услугах и социальной поддержке [5, с. 12]. В то же время законодательство в части решения вопросов субъектного состава не изменилось, проблема не решена.

Отношения по признанию гражданина нуждающимся в получении социальных услуг не относятся к системе частных норм, их публично-правовой характер не допускает свободного изменения процедуры по желанию сторон. В связи с чем законодателем должен быть определен четкий критерий для определения круга нуждающихся в получении социальной услуги, чтобы избежать злоупотребления в правоприменении.

В то же время присущи договорным отношениям оказания социальной услуги и потребность в пользе, которая несет услуга, и добровольный характер вступления в отношения, и возможность выбирать условия договора, соответствующие потребностям, и соответствие социальной услуги стандартам качества.

Даже наличие или отсутствие признака возмездного характера в некоторых отношениях по оказанию социальной услуги не означает ее исключительно публичного характера. Если услуга не должна быть оплачена исполнителю получателем услуги, эту обязанность выполняет орган власти.

Услуга всегда должна быть оказана в рамках определенных стандартов и требования качества. Следовательно, можно сделать вывод, что сущность услуги в гражданско-правовом смысле, равно как и с позиции права социального обеспечения, категорично не изменяется, поскольку формируется на основе экономической теории в части потребностей граждан, удовлетворяемых разными способами.

Анализируя законодательство, можно сделать вывод, что в социально-обеспечительных отношениях и в сфере публичного граждан-

ского договора возможно снижение цены определенным категориям граждан, однако это не должно влиять на качество оказываемых услуг. Полагаем, что необходимо установить равную ответственность за предоставление некачественных услуг.

Правовое регулирование отношений договора социальных услуг с учетом их межотраслевого характера должно строиться, исходя из конституционных принципов равенства граждан на социальное обеспечение и отсутствия дискриминации, а единообразный подход позволит достичь этой цели.

Литература

1. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года : распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 47. Ст. 5489.
2. О реализации пилотного проекта по созданию системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами в пилотных регионах в 2019 году : утв. Приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 28 февраля 2019 г. № 128 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
3. Татьяна Голикова провела заседание Совета по вопросам попечительства в социальной сфере. URL: <http://government.ru/news/33334/>
4. О государственной программе Еврейской автономной области «Социальное обслуживание населения Еврейской автономной области» на 2020–2024 годы : утв. постановлением Правительства Еврейской автономной области от 29 октября 2019 г. № 377-пп // Сетевое издание «Сборник правовых актов Еврейской автономной области и иной официальной информации». URL: www.npa79.eao.ru (дата обращения: 01.11.2019).
5. Горбач О. В. Вопросы понятийного аппарата нормативных актов об обеспечении доступности для инвалидов и лиц с ограниченными возможностями объектов социальной сферы и услуг // Наука и образование: от теории к практике : материалы Межвуз. науч.-метод. конф. 2017. С. 9–14.

Some Problems of Realization of the Right to Receive Social Services

© Zh. V. Sinkevich, 2020

Abstract. The article analyzes the practice of applying the provisions of the legislation on social services, on social services to the population. The problem of priority of branches in the legal regulation of relations is presented. It is suggested that a reference to the intersectoral nature of relations requires a legislative definition and interaction of these industries. The problems arising in the provision of social services, in particular due to gaps in legal regulation, in determining the sectoral affiliation of norms, the subject composition of relations, are indicated.

Keywords: social entrepreneurship, public benefit services, social services, social services.

Синкевич Жанна Викторовна – преподаватель, кафедра гражданского права, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: chejav@mail.ru

Sinkevich Zhanna Viktorovna – Lecture, Department of Civil Law, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: chejav@mail.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУДЕБНЫХ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

УДК 347.97

Доступность и достаточность правосудия в чрезвычайной ситуации

© А. В. Ведерников, 2020

Аннотация. Оценивается устойчивость работы российской судебной системы в условиях чрезвычайной ситуации в сравнении с другими системами. Обосновывается социальная значимость деятельности судов в сложных жизненных ситуациях.

Ключевые слова: судебная система, чрезвычайная ситуация, доступность правосудия, социальная функция судов.

В эти осенние дни 2020 г. все мы становимся свидетелями и невольными участниками разрастания эпидемии новой коронавирусной инфекции SARS-CoV-2 (2019-nCoV). Кто-то просто добросовестно претерпевает тяготы изоляции, у кого-то подтвержден положительный анализ. Кто-то хотел бы сдать анализ, но не может попасть в диагностическую лабораторию; кто-то сдал анализ, но в течение нескольких дней не может добиться его результата. Кого-то госпитализировали, как губернатора Иркутской области и его заместителя.

Именно чрезвычайные ситуации, как лакмусовая бумажка, выявляют недостатки системы. Все недостатки работы системы здравоохранения, которые обнаруживаются сейчас, покрываются личным героизмом врачей, медсестер и волонтеров. Так, зачастую в первые годы Великой Отечественной войны хорошо отлаженной военной системе Третьего рейха противостоял личный героизм советских воинов.

Судебная система – это совокупность всех судов конкретного государства. В соответствии с п. 3 ст. 118 Конституции РФ судебная система в России устанавливается Конституцией РФ и Федеральным конституционным законом [1].

Система – слово греческое, означает «целое, состоящее (составленное) из частей».

По критерию реакции на критическую ситуацию системы стремятся к двум крайностям. Первые «стоят на ногах» в обычной жизни и переворачиваются «на голову» в кризис. Вторые «стоят на голове» в спокойное время и в кризисную ситуацию «встают на ноги».

При анализе работы судебной системы в критической ситуации была обнаружена ее устойчивость. Применительно к достаточности и доступности правосудия основным «недостатком» судебной системы следует считать малочисленность судейского корпуса и, как следствие, предельную нагрузку делами на одного судью.

За последние годы можно выделить несколько всплесков критической нагрузки на суды Иркутской области. В 2016–2017 гг. увеличение количества рассматриваемых дел было вызвано спорами о законности предоставления в собственность граждан дачных участков в районе Иркутского водохранилища и недалеко от Байкала. Тогда проблему решили командировками судей из других районов Иркутской области и субъектов России.

В 2019 г., после июньского наводнения в Тулунском и Нижнеудинском районах, простой переброски кадров из других регионов уже оказалось недостаточно. Уже 3 сентября 2019 г. пресс-секретарь суда Павел Одинцов сообщил в РИА Новости, что «Верховный Суд РФ увеличил число судей в Иркутской области, где из-за наводнения у судов очень много работы с установлением прав граждан» [2].

«Произошло увеличение штатной численности районных судов Иркутской области на 7 единиц судей и 14 единиц работников аппаратов судов» [Там же]. В Тулунском городском суде сейчас трудится семь судей [3]. В Осинском и Ольхонском суде – по двое (с учетом председателя). Бывали случаи, когда на какое-то время оставался один судья [4; 5]. В Ольхонском районе в курортный сезон ежегодно увеличивается число туристов и встречающих их местных жителей. Сейчас границы закрыты, а до 2020 г. было много иностранцев. Это, конечно, не чрезвычайная ситуация, но нагрузка на судей вырастает.

Вместе с тем продолжает существовать позиция о том, что «правосудие – дорогое удовольствие». Значит, нужно упрощать судебные процедуры в России и сокращать количество судей и судов [6].

В Байкальском государственном университете проводилось исследование, результатом которого стал вывод, что судебная система Российской Федерации обходится бюджету не так уж и дорого [7, с. 6]. Так, в анализ затрат на судебную систему в разных странах показал, что расходы на судебную систему в России в 4–5 раз меньше, чем в США. Суды в США обходятся каждому жителю в 123 долл. в год. Каждый россиянин в год тратит 20 долл. на судебную систему (в пересчете на американскую валюту). Расчет производился в докризисных ценах 2014 г. Сейчас рубль подешевел, и «себестоимость» российского правосудия снизилась вдвое в долларовом эквиваленте [8].

В том же 2014 г. расходы бюджетной системы на суды в Российской Федерации составили по усредненным данным 1,35 %. Как видно, существенной экономии бюджетных средств от сокращения числа судей добиться невозможно [7, с. 2].

Если же применить метод синтеза, то станет очевидно, сокращение числа судей и, как следствие, уменьшение количества судов только добавит социальных и экономических проблем. Особенно это заметно в Иркутской области.

Высвободившееся здание суда в районном центре, будь оно, к примеру, в поселках Еланцы, Оса или Магистральный, нужно все равно охранять и ремонтировать. Работников аппарата суда нужно трудоустроить, или платить им пособие по безработице. Российская Федерация – это социальное государство, так сказано в ст. 7 Конституции России [1].

Очевидно, что на месте бывшего суда окажется региональное министерство или органы муниципальной власти. Водитель, уборщица, помощники судей и секретари перейдут туда на аналогичные должности. Никакой, совершенно никакой экономии бюджетных средств от сокращения судов не случится. Возможно перераспределение расходов между бюджетами различных уровней, но стоит ли это затевать? Борьба двух ветвей власти и экономия бюджетных средств – не одно и то же.

Единственный существенный эффект – это увеличения аппарата в сфере исполнительной власти за счет ресурсов власти судебной. Однако ни одна вышеупомянутая чрезвычайная ситуация не обнаружила острой необходимости увеличения штата в том или ином министерстве. Всякий раз не хватало именно судей (и их помощников). В затопленных Тулуне и Нижнеудинске пострадавшие граждане оспаривали в суде именно акты об отказах, изданные органами исполнительной власти!

Так уж повелось в России, что именно суды являются тем органом, который помогает в трудных жизненных случаях. Восстановление утра-

ченных документов, установление родства, признание гражданина безвестно отсутствующим или умершим – все эти (и многие другие) бытовые вопросы превращаются в судебные дела в чрезвычайной ситуации.

Во второй половине XIX в., после реформы 1864 г., в Российской империи была создана передовая (даже по современным меркам) судебная система. Поскольку система функционировала, ее подгружали не только судебными, но и социальными вопросами. Такой подход успешно работает и в XXI в. Резкий отказ от него опасен, тем более в условиях часто возникающих чрезвычайных ситуаций.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.) (с внесенными поправками от 21 июля 2014) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Верховный Суд увеличил число судей в Иркутской области. URL: <https://ria.ru/20190903/1558210414.html> (дата обращения: 30.10.2020).
3. Тулунский городской суд Иркутской области. Официальный сайт. URL: http://tulunsky.irk.sudrf.ru/modules.php?name=info_court&rid=3 (дата обращения: 30.10.2020).
4. Осинский районный суд Иркутской области : офиц. сайт. URL: http://osinsky.uso.sudrf.ru/modules.php?name=info_court&rid=3 (дата обращения: 30.10.2020).
5. Ольхонский районный суд Иркутской области : офиц. сайт. URL: http://olhonsky.irk.sudrf.ru/modules.php?name=info_court&rid=3 (дата обращения: 30.10.2020).
6. Правосудие – дорогое удовольствие // Право-экспресс. URL: <https://pravo-express.ru/index.php?id=78> (дата обращения: 30.10.2020).
7. Гусева Г. В. Дорого ли обходится государству судебная система? (Экономико-правовой аспект) // Экономика. Право. Менеджмент : сб. тр. 2016. Вып. 2 (6). URL: <http://izdatelstvo.bgu.ru/epm/archive.aspx?id=39> (дата обращения: 30.10.2020).
8. Сколько судей в РФ и во сколько они обходятся бюджету? // Юридический блог Михаила Самойлова. URL: <http://www.msamoylov.ru/skolko-sudey-v-rf-i-vo-skolko-oni-obho/> (дата обращения: 12.11.2015).

Accessibility and Sufficiency of Justice in an Emergency Situation

© A. V. Vedernikov, 2020

Abstract. The stability of the work of the Russian judicial system in an emergency situation is assessed in comparison with other systems. The social significance of the activities of courts in difficult life situations is substantiated.

Keywords: judicial system, emergency situation, accessibility of justice, social function of courts.

Ведерников Алексей Викторович – кандидат юридических наук, доцент, кафедра предпринимательского и финансового права, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: all_you_need@mail.ru

Vedernikov Aleksey Viktorovich – Candidate in Law, Associate Professor, Department of Business and Financial Law, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: all_you_need@mail.ru

Особенности организационных основ деятельности транспортных прокуратур в годы Великой Отечественной войны и в период деятельности СВАГ

© А. А. Гавриленко, 2020

Аннотация. Анализируются особенности нормативной регламентации организационных основ деятельности прокуратур железных дорог, прокуратур водных путей сообщения во время Великой Отечественной войны, а также в период деятельности Советской военной администрации в Германии.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, история прокуратуры, история транспортной прокуратуры, прокуратура СССР, прокуратура СССР в годы Великой Отечественной войны, прокуратура при Советской военной администрации в Германии.

Начало Великой Отечественной войны потребовало от прокуроров на железнодорожном и водном транспорте, военных прокуроров, надзирающих за гражданским воздушным флотом, выполнения важнейших задач по обеспечению систематических поставок на нужды фронта, безаварийной деятельности поднадзорного транспорта, передвижения личного состава армии и раненых, борьбы с преступностью на транспорте.

Важнейшим документом, ставшим отправной точкой для развития отечественного законодательства в военный период, определившим в том числе дальнейшее развитие прокуратуры, стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» [1].

Одновременно было принято Положение «О военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий» от 22 июня 1941 г. [2], в соответствии с которым линейные суды железнодорожного и водного транспорта были «милитаризованы» Народным комиссариатом юстиции Союза ССР путем реорганизации в военные трибуналы соответствующих железных дорог и водных путей сообщения. Снабжение трибуналов возлагалось на военные ведомства. Это ставило военные трибуналы и прокуратуры в существенную зависимость от армейских командиров. Оперативное принятие указанного акта является результатом серьезной подготовительной работы, проведенной органами власти накануне Великой Отечественной войны.

В развитие вышеуказанных актов был издан совместный приказ Народного комиссариата юстиции Союза ССР и Прокуратуры Союза ССР от 24 июня 1941 г. № 102/58, которым были расширены полномочия военных прокуроров железных дорог и водных путей сообщения [3, с. 482].

В 1942 г. продолжалось преобразование органов транспортной прокуратуры в военные. Так, например, решением Политбюро от 23 января 1942 г. Главная прокуратура железнодорожного транспорта была преобразована в Главную военную прокуратуру железнодорожного транспорта [4, с. 66]. Позднее Главная прокуратура морского и речного флота также была трансформирована в Главную военную прокуратуру морского и речного флота [5, с. 151].

Для обеспечения прокурорского надзора, в том числе за оперативностью перевозок военных грузов по «персидскому коридору», включавшему автомобильные дороги и Трансиранскую железную дорогу, действовала военная прокуратура Советского транспортного управления в Иране [6].

Обратим внимание, что в рассматриваемый период система транспортных прокуратур развивалась и в направлении специализации по отдельным видам транспорта. Так, в 1944 г. была создана линейная прокуратура Московского трамвая [7, с. 36].

В начале Великой Отечественной войны была утверждена штатная численность органов прокуратуры на военное время. Показательной является численность работников военных прокуратур водных бассейнов, которая составляла от 22 (1-й разряд) до 9 человек (8-й разряд) [8].

Не более многочисленным был состав подразделений высших органов управления прокуратурой. Например, 3-й отдел (по транспорту) Главной военной прокуратуры включал два отделения: 1-е – по железным дорогам, 2-е – по водным бассейнам, – и секретариат, общая численность отдела составляла 24 единицы [9].

На 1942 г. общая численность состава военных прокуратур железных дорог составляла 680 человек, а военных прокуратур водных бассейнов – 150 [10].

Нельзя не отметить, что численный состав весьма небольшой, что в условиях военного времени свидетельствовало о значительном повышении интенсивности работы подразделений.

Военное время продемонстрировало острую нехватку квалифицированных кадров в прокуратуре.

В целях усиления воспитательной работы с составом работников прокуратуры, установления единообразного порядка наложения дисциплинарных взысканий и поощрений в октябре 1942 г. приказом Прокурора СССР был установлен соответствующий порядок, распространявшийся в том числе на органы прокуратуры морского и речного флота [11, с. 125–126]. В целях исполнения данного Приказа прокуроры водных участков приравнивались к прокурорам районов, а прокуроры водных бассейнов – к прокурорам краев и областей.

В первое время после окончания войны сохранялся милитаризованный характер системы органов транспортной юстиции. На транспорте действовало военное положение и сохранялись законы военного времени, продолжали функционировать Главная военная прокуратура железнодорожного транспорта Генеральной прокуратуры СССР и Главная военная прокуратура морского и речного флота Генеральной прокуратуры СССР.

Одним из временных направлений развития отечественных органов прокуратуры в транспортной сфере, недостаточно освещенным в отечественных исследованиях, стала организация военной прокуратуры железнодорожного транспорта при Советской военной администрации в Германии (СВАГ) [12, с. 343].

Одновременно с учреждением военной прокуратуры СВАГ в ее структуре, при дирекциях железных дорог, были образованы восемь участковых военных прокуратур [13].

В дальнейшем произошло укрепление статуса подразделений прокуратуры на железнодорожном транспорте. Так, постановлением Совета Министров СССР № 976-408с от 3 мая 1946 г. была введена должность военного прокурора железнодорожного транспорта при СВАГ, проведена оптимизация численности участковых военных прокуратур при дирекциях железных дорог, помимо этого, военные прокуроры были выведены из состава Вооруженных Сил СССР [14]. Позднее военные транспортные прокуроры были подчинены СВАГ [15].

В результате проведенной реорганизации военной прокуратуры на железнодорожном транспорте СВАГ при каждой железнодорожной дирекции действовало подразделение транспортной прокуратуры в составе одного военного прокурора, одного военного следователя, одного секретаря, т. е. снова, как и в отношении транспортных прокуратур, расположенных на территории СССР, следует констатировать небольшую численность сотрудников [16].

1 февраля 1947 г. был расформирован военный трибунал на железнодорожном и водном транспорте Советской оккупационной зоны в Германии [17], но на системе транспортных прокуратур такое решение не сказалось.

В справке о штатной численности работников СВАГ от 22 апреля 1948 г., помимо военных прокуратур при дирекциях дорог, указаны военные прокуратуры водных путей сообщения общей штатной численностью в 24 работника, что свидетельствует об увеличении количества самих подразделений и их штатных единиц. В более поздних документах упоминания о военных прокуратурах водного транспорта нет [18].

К концу 1948 г. начался процесс оптимизации численности подразделений военных транспортных прокуратур СВАГ. В результате вместо восьми подразделений их осталось три [19].

В дальнейшем, в связи с образованием временного правительства Германской Демократической Республики и передачей ему полномочий СВАГ, подразделения военных прокуратур должны были быть упразднены 15 декабря 1949 г. [20]. Но этого не произошло, с 1950 г. они продолжили свою работу при воинских частях [12, с. 756].

Несомненно, органы транспортной юстиции сыграли важную роль в осуществлении государственной политики по обеспечению соблюдения законности в сложный период Великой Отечественной войны, а также на территории Германии, относившейся к компетенции СВАГ.

Литература

1. О военном положении : указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 29.
2. Об утверждении Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий : указ Президиума ВС СССР от 22 июня 1941 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 29.
3. Беланюк М. В. Основные задачи и направления деятельности органов военной юстиции в период военного положения на территории Украины (1941–1942 гг.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. 2013. Т. 13. № 3-2. С. 480–486.
4. Органы специальной юстиции СССР в 1930–1950-е гг. : монография / А. Я. Козинцев, Д. Н. Шкаревский, В. В. Яноши ; науч. ред. А. Я. Козинцев ; Сургут, гос. ун-т. Сургут : ИЦ СурГУ, 2016. 255 с.
5. Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985: Документы и материалы : в 6 т. Пермский край. Т. 2. 1941–1985. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2008. 688 с.
6. Объяснительная записка к справке по военным прокуратурам Красной Армии на 22 июня 1945 г. Сост. помощник начальника Управления кадров ГВП КА по организационным вопросам п-пк юстиции Клосс 13 авг. 1945 г. URL: <http://www.gvprkka.pf/assets/bulleten-210518.pdf> (дата обращения: 24.10.2020).
7. Об организации в г. Москве линейной прокуратуры Московского трамвая: приказ Прокурора СССР № 268 от 16 марта 1941 г. // Обзор важнейших приказов Прокурора СССР 1941–1944 гг. : пособие для районных и городских прокуроров освобожденных областей. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1945. 40 с.
8. Штат № 047/63 Военных прокуратур водных бассейнов (военного времени) утв. зам. начальника Генштаба Красной Армии 24 сентября 1941 г. URL: <http://www.xn--80adc3aa2ah.xn--p1ai/assets/bulleten-210518.pdf> (дата обращения: 24.10.2020).
9. Штат Главной военной прокуратуры Красной Армии. Утв. Государственной штатной комиссией при СНК Союза СССР 14 июля 1941 г. URL: <http://www.xn--80adc3aa2ah.xn--p1ai/assets/bulleten-210518.pdf> (дата обращения: 24.10.2020).
10. Сведения о формировании военных прокуратур Красной Армии за год Отечественной войны. Гот. Начальник 3 отделения отдела кадров ГВП КА воен. Юрист 3 ранга Клосс 17. 06. 1942 г. URL: <http://www.gvprkka.pf/assets/bulleten-210518.pdf> (дата обращения: 24.10.2020).
11. О порядке наложения дисциплинарных взысканий и мерах поощрения за дисциплинированность и добросовестную работу прокурорско-следственных работников : приказ Прокурора Союза ССР от 17 октября 1942 г. № 613/м8 // Советская прокуратура : сб. доку-

ментов / сост.: Г. А. Метелкина, И. Н. Ширяев ; отв. ред.: К. С. Павлищев, С. А. Шишков М. : Юрид. лит., 1981. 288 с.

12. Советская военная администрация в Германии. 1945–1949: справочник / Совместная комис. по изучению новейшей истории российско-германских отношений [и др.] ; Б. Цисла [и др.] ; отв. ред. : Я. Фойтцик, Т. В. Царевская-Дякина, А. В. Доронин ; пер.: А. В. Доронин, Е. Арнд-Мюллер. М. : РОССПЭН, 2009. 1031 с.

13. Приказ СВАГ № 0101 от 30 ноября 1945 г. // ГА РФ. Ф. Р 7317. Оп. 7. Д. 8. Л. 205–206. URL: <http://svag.garf.su> (дата обращения: 24.10.2020).

14. Штатное расписание военной прокуратуры железнодорожного транспорта СОЗ: утв. Постановлением ГШК при СМ СССР № 1173-с от 27 мая 1947 г. // ГА РФ. Ф. 7317. Оп. 8. Д. 50. Л. 93. URL: <http://svag.garf.su> (дата обращения: 24.10.2020).

15. Приказ СВАГ № 0127 от 17 октября 1946 г. // ГА РФ. Ф. 7317. Оп. 7. Д. 30. Л. 201. URL: <http://svag.garf.su> (дата обращения: 24.10.2020).

16. Штатное расписание военной прокуратуры железнодорожного транспорта СОЗ: постановление ГШК при СМ СССР № 1173 от 27 мая 1947 г. : ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 8. Д. 50. Л. 93. URL: <http://svag.garf.su> (дата обращения: 24.10.2020).

17. Выписка из Приказа председателя Военного трибунала на железнодорожном и водном транспорте СОЗ № 9 от 25 января 1947 г. // ГА РФ. Ф. 7317. Оп. 59. Д. 798. Л. 1. URL: <http://svag.garf.su> (дата обращения: 24.10.2020).

18. Справка о штатной численности работников СВАГ от 22 апреля 1948 г. // ГА РФ. Ф. 7317. Оп. 8. Д. 726. Л. 289. <http://svag.garf.su> (дата обращения: 24.10.2020).

19. Справка о сокращении штатной численности управлений и отделов СВАГ от 19 ноября 1948 г. // ГА РФ. Ф. 7317. Оп. 8. Д. 72в. Л. 192. URL: <http://svag.garf.su> (дата обращения: 24.10.2020).

20. Приказ Главного начальника Советской военной администрации – Главного командующего группой Советских оккупационных войск в Германии о ликвидации органов СВАГ от 17 ноября 1949 г. № 0060. // ГА РФ. Ф. Р-7405. Оп. 1. Д. 1. Л. 20. URL: <http://svag.garf.su> (дата обращения: 24.10.2020).

Features of the Organizational Foundations of the Activities Of Transport Prosecutor's Offices during the Great Patriotic War and during the Period of Activity of the SVAG

© А. А. Gavrilenko, 2020

Abstract. The study analyses the peculiarities of normative regulation of organizational basis of activities of Prosecutor's offices of Railways, Prosecutor's offices of Waterways, during the great Patriotic War and in the period of activity of the Soviet military administration in Germany.

Keywords: the great Patriotic War, history of the Prosecutor's office, history of the transport Prosecutor's office, Prosecutor's office of the USSR, the USSR Prosecutor's office during world war II, the Prosecutor's office at SVAG;

Гавриленко Артем Александрович – старший преподаватель, кафедра судебного права, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: 616661@mail.ru

Gavrilenko Artem Aleksandrovich – Senior Lecturer, Department of Judicial Law, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: 616661@mail.ru

Рассмотрение дел в суде в режиме повышенной готовности

© В. В. Джура, А. В. Вишнеvский, 2020

Аннотация. Анализируются совместные постановления Президиума Верховного Суда РФ и Президиума съезда судей РФ, регламентирующие порядок рассмотрения дел, не теряющих отлагательств. Приводятся правовые основания рассмотрения дел в условиях повышенной готовности посредством иных технических возможностей. Предлагается внести изменения в процессуальное законодательство и в постановление Пленума Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: информационные технологии, пандемия, режим повышенной готовности, чрезвычайная ситуация, рассмотрение и разрешение дел, упрощенное и приказное производство, судебный акт, обстоятельства, не теряющие отлагательств, преюдициальные факты, форс-мажорные обстоятельства.

В 2020 г. у профессиональных судебных представителей с момента объявления нерабочей недели с 30 марта по 3 апреля и до настоящего времени возникают вопросы по применению законодательных изменений и мер, направленных на противодействие распространению в России коронавирусной инфекции (COVID-19), в условиях рассмотрения и разрешения дел безотлагательного характера; обстоятельств, не теряющих отлагательств; чрезвычайной ситуации и режима повышенной готовности [1–3].

По вопросам исчисления процессуальных сроков, их восстановления, исчисления сроков исполнения обязательств и исковой давности, восстановления и приостановления сроков исковой давности, восстановления сроков, предусмотренных законодательством о банкротстве, исчисления сроков вступления в силу постановлений по делам об административных правонарушениях и в уголовном судопроизводстве приняты обзоры Президиумом Верховного Суда Российской Федерации [4; 5].

Признание судами распространения в России коронавирусной инфекции (COVID-19) как обстоятельства, не требующего доказывания, в судебных актах не отражается. Исключение составляют дела, осложненные иностранным элементом и указанием на иностранное государство в мотивировочной части решения. В отличие от преюдициальных фактов отдельного внимания требует понимание форс-мажорных обстоятельств как в материальном, так и в процессуальном праве за спорные периоды распространения в России коронавирусной инфекции.

Ранее Президиум Верховного Суда Российской Федерации и Президиум Совета судей Российской Федерации регламентировали приостановление личного приема граждан в судах и рекомендовали подавать документы только через электронные интернет-приемные судов

или по почте. Предусмотрено рассмотрение только дел безотлагательного характера (об избрании, продлении, отмене или изменении меры пресечения, о защите интересов несовершеннолетнего или лица, признанного в установленном порядке недееспособным, в случае отказа законного представителя от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни, и др.), а также в порядке приказного, упрощенного производства.

Позже в Постановлении Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 8 апреля 2020 г. № 821 указывается на рассмотрение дел и материалов безотлагательного характера, в том числе о защите конституционных прав граждан на свободу и личную неприкосновенность, охрану здоровья и собственности (об избрании, продлении, отмене или изменении меры пресечения; о защите интересов несовершеннолетнего или лица, признанного в установленном порядке недееспособным, в случае отказа законного представителя от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни; об административных правонарушениях, предусмотренных частями 3–5 ст. 29. 6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях; о грубых дисциплинарных проступках при применении к военнослужащим дисциплинарного ареста и об исполнении дисциплинарного ареста; об обеспечении иска и др.); дел в порядке приказного и упрощенного производства; дел, всеми участниками которых заявлены ходатайства о рассмотрении дела в их отсутствие, если их участие при рассмотрении дела не является обязательным [6; 7].

С учетом обстоятельств дела, мнений участников судопроизводства и условий режима повышенной готовности, введенного в соответствующем субъекте Российской Федерации, суд вправе самостоятельно принять решение о рассмотрении дела, не указанного в п. 3 Постановления Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 8 апреля 2020 г. № 821, помимо приведенного перечня [Там же].

Судам при наличии технической возможности поручено инициировать рассмотрение дел путем использования систем видео-конференц-связи.

Вместе с тем отдельные судьи выносили определения о приостановлении производства по делу или рассматривали дела по звонку через систему связи WhatsApp в нарушение порядка дел исключительно безотлагательного характера, дел приказного и упрощенного производства и использования систем видео-конференц-связи (ст. 153.1 АПК РФ, ст. 155.1 ГПК РФ, ст. 155.1 КАС РФ).

Верховный Суд Российской Федерации указал нижестоящим судам, что спорный период не признается чрезвычайной ситуацией, сле-

довательно, отсутствуют правовые основания для вынесения определения о приостановлении производства по делу (ч. 2 ст. 143 АПК РФ, ст. 215 ГПК РФ, п. 3 ч. 1 ст. 190 КАС РФ). Судам требовалось вынесение определения об отложении судебного разбирательства по делам, терпящим отлагательство, а рассмотрение дел в ординарном производстве по звонку через систему связи WhatsApp признано не соответствующим действующему процессуальному законодательству.

В рамках пилотного проекта Верховным Судом РФ проведено к настоящему времени несколько судебных заседаний с применением веб-камер. Технические возможности позволяют участникам подключаться к заседанию напрямую через интернет из своего офиса или дома посредством перехода по специальной ссылке в коммуникационно-информационной системе Интернет. Для аутентификации личности используется технология биометрической аутентификации по лицу и голосу, а также соотношение с оригиналом паспорта гражданина Российской Федерации.

Воспользоваться способом участия в судебном заседании через веб-камеру возможно только в заявительном порядке, при условии заблаговременного представления заявления и других необходимых документов в суд и прохождения идентификации и аутентификации через портал государственных услуг. В случае если суд удовлетворит заявление об участии в судебном заседании посредством веб-камеры, участнику заседания придет в личный кабинет портала и на электронную почту гиперссылка на подключение к виртуальному залу судебного заседания Верховного Суда Российской Федерации. Такой порядок должен рассматриваться как исключительный способ рассмотрения и разрешения дел в режиме повышенной готовности посредством государственного портала.

Технические платформы и средства связи как факультативный способ участия в судебном заседании в режиме повышенной готовности должны быть пересмотрены Верховным Судом РФ, требуют обновления рекомендации о рассмотрении дел в условиях ограничений, связанных с распространением коронавируса, например, путем внесения изменений в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов».

Литература

1. Об объявлении нерабочей недели с 30.03.2020 по 03.04.2020 : указ Президента РФ от 25.03.2020 № 206 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
2. О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) : указ Президента РФ от 02.04.2020 № 239 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
3. Об утверждении Правил поведения, обязательных для исполнения гражданами и организациями, при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации : постановление Правительства РФ от 02.04.2020 № 417 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
4. По отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19): обзор № 1 : утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 21.04.2020 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
5. По отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) : обзор № 2 : утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 30.04.2020 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
6. О приостановлении личного приема граждан в судах : постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 18.03.2020 № 808 (документ утратил силу) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
7. Постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 08.04.2020 № 821 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

Consideration of Cases in Court on High Alert

© V. V. Dzhura, A. V. Vishnevsky, 2020

Abstract. The article considers interrelated and mutually dependent joint resolutions of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation and the Presidium of the Congress of judges of the Russian Federation regulating the procedure for consideration and resolution of urgent cases. The legal grounds for considering cases in conditions of high readiness through other technical capabilities (means of communication) are justified. It is proposed to amend the current procedural legislation, including the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: information technologies, pandemic, high-alert mode, emergency situation, consideration and resolution of cases, simplified and writ proceedings, judicial act, urgent circumstances, pre-trial facts, force majeure circumstances.

Джура Виктория Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, кафедра гражданского и административного судопроизводства, Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Иркутск, Россия, e-mail: Viktorya.dzhura@yandex.ru

Dzhura Victoria Vladimirovna – Candidate in Law, Associate Professor, Department of Civil and Administrative Proceedings, East-Siberian Branch of Russian State University of Justice, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: Viktorya.dzhura@yandex.ru

Вишневский Андрей Владимирович – старший преподаватель, кафедра гражданского и административного судопроизводства, Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Иркутск, Россия, e-mail: vishnevskii_andr@mail.ru

Vishnevsky Andrey Vladimirovich – Senior Lecturer, Department of Civil and Administrative Proceedings, East-Siberian Branch of Russian State University of Justice, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: vishnevskii_andr@mail.ru

Тактико-психологические особенности расследования преступлений в условиях чрезвычайных ситуаций (на примере распространения вируса COVID-19)

© В. А. Ильина, 2020

Аннотация. Рассматриваются некоторые особенности расследования преступлений в условиях чрезвычайных ситуаций на примере распространения новой коронавирусной инфекции. Предлагаются подходы к выбору тактики расследования с психологических позиций, учитывающие особенности поведения людей в условиях чрезвычайных ситуаций.

Ключевые слова: чрезвычайные ситуации, тактико-психологические особенности расследования.

Под тактикой расследования в психологическом смысле понимается способность или умение оценить обстановку и избрать в соответствии с этим линию своего поведения, а именно применить совокупность приемов и способов, построенных на основе знаний о психических особенностях поведения людей, включенных в сферу регулируемых правом отношений. Очевидно, что тактика расследования преступлений не ограничивается лишь психологическими основами, она включает в себя прежде всего правовые и организационные аспекты. Между тем психологические составляющие тактики расследования играют не последнюю роль в установлении личности преступника, получении доказательств, производстве следственных действий и др.

В условиях чрезвычайных ситуаций (далее – ЧС) вопросы тактики становятся особенно актуальными. Данные условия существенно отличаются от обычных и рассматриваются как «факторы, определяющие специфические закономерности расследования преступлений» [1, с. 331]. Эти особые условия, по мнению исследователей, характеризуются нестабильным положением государственной власти; широтой охвата территорий преступлением; невозможностью своевременно реагировать правоохранительным органам на нарушение прав и свобод человека; вмешательством в интересы государства и др. [2, с. 49].

Важно отметить, что в условиях ЧС меняется и сам круг совершаемых преступлений, для которых эти специфические условия являются «благодатной» почвой. К общим преступлениям добавляются специфические. Например, это может быть насильственное изменение конституционного строя, к которому примыкают такие преступления, как террористические акты, массовые беспорядки, государственная измена, диверсии, насильственный захват власти и др. Особенно в условиях ЧС возрастает количество должностных преступлений: превышение и злоупотребление должностными полномочиями, халатность, неисполне-

ние своих обязанностей должным образом, нарушение правил техники безопасности. Наиболее важными чрезвычайными ситуациями являются те, которые возникают не в силу природных факторов, а в силу действий и бездействия конкретного человека или группы лиц, создавших такую обстановку на определенной территории, которая повлекла или может повлечь за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей.

Знания о специфических преступлениях, характерных для условий ЧС или создающих такие условия, являются *первой* особенностью в выборе тактики расследования, поскольку позволяют прицельно смотреть на мотивы и действия подозреваемых, правильно собирать доказательства, устанавливать того, кому могут быть выгодны условия ЧС. Народная поговорка о том, что «в мутной воде легче рыбку ловить» актуальна в нестабильных ситуациях.

Ярким примером нарушения прав граждан и создания чрезвычайных ситуаций являются обстоятельства с распространением вируса COVID-19. Ситуация с его распространением, отмечают Ю. В. Быховец, М. В. Дан и Д. А. Никитина, внесла изменения во все области нашей жизни: во многих странах остановлена работа предприятий, прекращена деятельность учебных заведений, отменены общественные мероприятия, введено ограничение передвижения, закрыты на карантин целые города. Работа большинства отраслей промышленности приостановилась на неопределенный срок. Многие люди за короткое время оказались в ситуации внезапной потери работы, краха бизнеса и финансовой стабильности [3]. Эти и другие последствия распространения вируса COVID-19 повлекли за собой значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей. На этом фоне в мире прокатилась волна массовых беспорядков, в ряде стран возникла реальная угроза основам конституционного строя. Столкновения митингующих с правоохранительными органами привели к еще большим недовольствам среди населения.

Политические проблемы обострились бытовыми, экономическими вопросами, вопросами безопасности и здоровья населения. Неполучение своевременной медицинской помощи, отсутствие необходимых лекарственных средств в аптечных пунктах, явные спекуляции со стоимостью средств индивидуальной защиты и медикаментов первой необходимости – все это имело место как в первую, так и во вторую волну распространения коронавируса. Престарелые, тяжелобольные, страдающие хроническими заболеваниями лица не могут получить

своевременную медицинскую помощь; элементарный вызов врача и скорой помощи оказался для многих недоступной услугой.

На фоне экономической нестабильности участились случаи грабежа, краж, мошеннических действий. Средства индивидуальной защиты (маска и перчатки) стали средством маскировки скрывшегося с места преступления грабителя, сорвавшего среди бела дня золотую цепочку с шеи женщины в подъезде.

Таким образом, чрезвычайная ситуация, вызванная распространением вируса COVID-19, стала триггер-фактором серии почти забытых бытовых преступлений и новых чрезвычайных ситуаций, созданных человеком и подпадающих по признакам под разные составы уголовно наказуемых деяний.

В этой связи *второй* особенностью вопросов тактики расследования является дифференциация работы правоохранительных органов в зависимости от целевой установки: 1) сбор и фиксация доказательств в условиях ЧС, когда ЧС является неблагоприятным и дестабилизирующим фоном; 2) сбор и фиксация доказательств о причинах ЧС, когда сама ЧС является предметом расследования.

В том и другом случае тактика расследования преступлений с учетом психологических знаний о поведении человека должна строиться на основании того, что условия ЧС вызывают к жизни новые психические явления у участников правоотношений (подозреваемых, свидетелей или потерпевших). Это обострение состояний эмоциональной напряженности: тревоги, страхов, стрессов, страданий. Поведение при негативных эмоциональных состояниях чаще всего носит агрессивный, неадекватный характер, с проявлением жестокости. В этой связи производство следственных действий усложняется необходимостью установления психологического контакта с участниками, особыми тактическими задачами.

К тактико-психологическим особенностям в условиях ЧС можно отнести следующие подходы: 1) привлечение специалистов (психологов ведомства МЧС и психиатров Минздрава); 2) привлечение переговорщиков системы ФСИН; 3) присутствие дежурного врача при производстве следственного действия; 4) оперативный сбор информации о референтной группе лидеров массовых беспорядков; 5) фиксация на диктофон хода внепроцессуальной беседы с участниками события; 6) использование тактики «перевода эмоций в моторику». Поясним кратко каждый из них.

- Привлечение специалистов – психологов ведомства МЧС связано с тем, что психологическая служба данного ведомства специализи-

руется на ЧС. В программах их участия в условиях ЧС предусмотрено немало эффективных стратегических действий, начиная от установления месторасположения в толпе заканчивая навыками наблюдения за особо сложными гражданами, провоцирующими истерику и панику в толпе, и их отвлечения. Психиатров также привлекают к совместным с психологами действиям по оказанию фармакологической помощи населению в ситуации паники.

- Переговорщики системы ФСИН имеют неоценимый опыт работы в ситуациях тюремных бунтов и влияния на организаторов мятежа. В упомянутой ситуации с распространением коронавирусной инфекции можно было видеть, как безуспешно полицейский, говоря в рупор, предлагал толпе, собравшейся у здания мэрии, разойтись, апеллируя к опасности заражения вирусом. Толпа не только не реагировала на сотрудника, но и пыталась привлечь на свою сторону. Полицейский, не обладая навыками переговорщика, не воспринимался убедительно толпой, выглядел как робот, повторяющий заученную фразу.

- В тактических целях в условиях ЧС присутствие человека в белом халате (врача, фельдшера) при производстве следственного действия может оказать успокаивающее действие, даже если он всего лишь заглянет в кабинет следователя и поинтересуется, нет ли в нем сейчас необходимости, хорошо ли чувствует себя допрашиваемый.

- Оперативный сбор информации о референтной (значимой) группе лидеров массовых беспорядков позволяет вести переговоры с правонарушителями от имени близкого человека (матери, отца сестры), чей голос и просьба остановиться, одуматься могут привести в сознание аффективно настроенного фаната массовых действий.

- Фиксация на диктофон хода внепроцессуальной беседы с участниками события действует сдерживающее на тех, кто оскорбляет представителей органов власти и правоохранителей. Кроме того, в спокойной обстановке диктофонная запись позволяет установить ряд важных обстоятельств.

- Тактика «перевода эмоций в моторику» заключается в организации порядка в условиях проведения следственного действия, когда собравшаяся толпа мешает сбору и фиксации доказательств на месте преступления созданием шума, суеты или криками и слезами. В этом случае целесообразно выделить из толпы наиболее активного человека и попросить его собрать остальных для помощи следствию, например: перенести кули с гравием к дальнему забору или придумать иное задание. Цель – в отвлечении внимания и переводе эмоций в моторику. Вряд ли кто-то будет задавать вопрос о целесообразности этих действий.

Эти и иные тактико-психологические подходы прямо или косвенно влияют на расследование преступлений в условиях ЧС. Наряду с правовыми и организационными мерами они позволяют решить проблему эскалации ЧС, обнаружить организаторов массовых беспорядков, установить мотивы правонарушающей деятельности.

Однако данные меры возможны только при введении чрезвычайного положения в регионе, в котором сложилась чрезвычайная ситуация. Только такой правовой режим позволяет мобилизовать все ресурсы правоохранительных органов и объединиться с другими ведомствами для решения проблем ЧС и возможности расследования преступлений в данных условиях.

Литература

1. Григорьев В. Н. Структура теории расследования преступлений в чрезвычайных условиях // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 2. С. 330–333.
2. Бойцов С. П., Кунтыш М. А. Особенности преступлений, возникших в чрезвычайных ситуациях, и их расследование // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации : сб. ст. III Междуна. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Пенза, 2017. С. 49–53.
3. Быховец Ю. В., Дан М. В., Никитина Д. А. Международный опыт исследований и практических рекомендаций населению в период пандемии коронавируса // Комментарии экспертов. URL: ipras.ru/content/rus/institut_p/covid-19/kommentarii-eksp/bih.html (дата обращения: 25.09.2020).

Tactical and Psychological Features of the Investigation of Crimes in Emergency Situations (for Example the Spread of the COVID-19 Virus)

© V. A. Ilyina, 2020

Abstract. Some features of the investigation of crimes in emergency situations are considered on the example of the spread of a new coronavirus infection. Approaches to the choice of investigation tactics from a psychological standpoint, taking into account the peculiarities of people's behavior in emergency situations, are proposed.

Keywords: emergencies; tactical and psychological features of the investigation.

Ильина Валентина Анатольевна – кандидат психологических наук, доцент, кафедра организации и методики уголовного преследования, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск, Россия, e-mail: avapeter@mail.ru

Ilyina Valentina Anatolyevna – Candidate in Psychology, Associate Professor, Chair of Organization and Methods of Criminal Prosecution, Irkutsk Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: avapeter@mail.ru

Особенности деятельности нотариата в период распространения коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации

© Т. Л. Курас, С. С. Ядрова, 2020

Аннотация. Рассматриваются особенности деятельности нотариусов в условиях сложившейся эпидемиологической ситуации на территории Российской Федерации, а также наиболее востребованные в этот период нотариальные действия и сервисы, обеспечивающие доступность нотариальных услуг, анализируются новые перспективные направления деятельности нотариата.

Ключевые слова: пандемия, коронавирус, нотариат, электронный нотариат, электронное взаимодействие, нотариальная деятельность.

Несмотря на все ограничительные меры, введенные в период распространения новой коронавирусной инфекции, гражданский оборот не стоял на месте. Граждане продолжали приобретать недвижимость, оформлять ипотеку, наследство. Более того, в период действия ограничительных мер был отмечен резкий рост обращений граждан за совершением нотариальных действий. Это было обусловлено множеством факторов.

Так, в большинстве регионов центры по оказанию государственных услуг либо закрылись, либо перешли на ограниченный прием заявителей. В связи с этим у граждан появились сложности в подаче документов на регистрацию права собственности, возникла угроза пропуска срока предварительного одобрения ипотеки, что могло привести к необходимости подачи новой заявки на иных, менее выгодных условиях.

Риелторы быстро подстроились под новые условия, которые диктовала самоизоляция. Осмотр и оценка объектов недвижимости зачастую стали осуществляться по видеосвязи. Однако это не позволяет обеспечить юридическую чистоту сделки.

Бесплатные юридические консультации, которые нотариусы оказывают гражданам в порядке ст. 19 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», оказались востребованными в период эпидемии [1]. Поскольку была выявлена необходимость в правовой помощи и востребованность нотариальных услуг в условиях ограничительного режима, следовало установить гарантии предоставления нотариальной помощи в России.

После введения ограничений Федеральная нотариальная палата совместно с Нотариальной палатой Иркутской области приняла необходимые меры, чтобы обеспечить граждан юридической помощью,

организовав работу дежурных нотариальных контор. Федеральной нотариальной палатой была открыта горячая линия правовой помощи. С первых же дней на телефон поступало большое количество звонков от граждан. Их информировали, что нотариальная помощь доступна, можно обратиться к дежурному нотариусу для совершения любых нотариальных действий – от оформления завещания, наследства, сделки до заключения брачного договора.

Необходимо отметить, что в Указе губернатора Иркутской области от 18.03.2020 «О введении режима функционирования повышенной готовности» изначально нотариусы не были поименованы как субъекты, которые имели право вести свою деятельность в период ограничительных мер. Нотариальной палатой Иркутской области было рекомендовано закрыть нотариальные конторы с 30.03 по 03.04.2020. Позднее в указе губернатора Иркутской области нотариусы были отдельно поименованы как субъекты, деятельность которых не может останавливаться даже в условиях ограничительных мер. При этом, чтобы максимально ограничить контакты сотрудников конторы с другими посетителями, было рекомендовано осуществлять прием только по предварительной записи.

В период ограничительных мер был зафиксирован рост количества отдельных нотариальных действий. Так, наиболее востребованным нотариальным действием стало удостоверение равнозначности электронного документа документу на бумажном носителе, с последующей передачей такого документа физическим или юридическим лицам [2, с. 3]. Данное нотариальное действие позволяет в кратчайшие сроки направить созданный нотариусом электронный документ в другой город. Был отмечен рост обращений о регистрации уведомлений о залоге движимого имущества в электронном виде, удостоверении завещаний. Произошло увеличение количества нотариального удостоверения сделок по отчуждению недвижимого имущества, хоть и не требующих соблюдения обязательной нотариальной формы. Это было вызвано, в частности, тем, что работа МФЦ осуществлялась в ограниченном режиме, ряд ведомств сократило контакты с гражданами. Кроме того, при нотариальном удостоверении сделки передача ее на государственную регистрацию осуществляется бесплатно, срок регистрации составляет один рабочий день.

Вместе с тем совершение отдельных юридически значимых действий, предусмотренных действующим законодательством, предопределяет необходимость соблюдения сроков, установленных законом. Немало вопросов у граждан возникало в отношении сроков принятия наследства, сроков выдачи свидетельства о праве на наследство. Так,

Федеральной нотариальной палатой было дано разъяснение, что если сроки принятия наследства оканчиваются в период с 30 марта по 30 апреля 2020 г., являющиеся в Российской Федерации нерабочими днями, то днем окончания срока будет считаться ближайший следующий за данными днями рабочий день – 6 мая 2020 г. (с учетом следующих после 30 апреля праздничных нерабочих дней).

Возникли вопросы о возможности выдачи свидетельства о праве на наследство в период установленных в Российской Федерации нерабочих дней с 30 марта по 30 апреля 2020 г., если шесть месяцев со дня смерти наследодателя истекли в указанный период. Было указано, что выдача свидетельства о праве на наследство, если шестимесячный срок со дня смерти наследодателя истекает в период нерабочих дней с 30 марта по 30 апреля 2020 г., производится не ранее, чем по истечении ближайшего следующего после 30 апреля рабочего дня.

Изначально при работе нотариальных контор в дежурном режиме были выявлены проблемы с паспортами с истекшим сроком действия, так как по базе ГУ МВД данные документы проходили как недействительные. Однако Указом Президента РФ № 275 от 18 апреля 2020 г. в этот вопрос была внесена ясность [3]. Паспорт гражданина Российской Федерации, удостоверяющий личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации, и российское национальное водительское удостоверение, срок действия которых истекал в период с 1 февраля по 15 июля 2020 г. включительно, были признаны действительными на территории Российской Федерации

Пандемия дала новый толчок для развития цифрового доступа нотариусов к государственным реестрам, цифровизации подготовки и исполнения нотариального акта, подлинности нотариального акта в электронном формате. Вызывает интерес законопроект «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации», в котором Минюст России разработал поправки в процессуальные кодексы, направленные на расширение возможностей применения информационных технологий в судопроизводстве. Он был опубликован на федеральном портале проектов нормативных актов 19.10.2020 ID 01/05/10-20/00109498. В указанном законопроекте предлагается наряду с использованием системы видео-конференц-связи использовать альтернативную систему веб-конференции, которая, как сказано в пояснительной записке к проекту, позволит сторонам использовать различные средства коммуникации (компьютер, смартфон, планшет) без явки в

суд. При этом ведомство предлагает привлечь нотариусов к работе в рамках судебных процессов в формате веб-конференций. Законопроект разрабатывается Минюстом в рамках госпрограммы «Цифровая экономика». Суды будут устанавливать личность гражданина по документам, удостоверяющим личность гражданина, а также с использованием информационно-технологических средств, обеспечивающих дистанционную идентификацию и аутентификацию лица, включая единую систему идентификации и аутентификации и единую биометрическую систему. По мнению экспертов, в некоторых случаях подключение к делу нотариуса будет излишним. Человек может принять участие в суде из нотариальной конторы в определенных ситуациях. Когда человек лично присутствует на судебном заседании, судья оценивает не только его слова, но и поведение, массу других факторов. Если свидетель подключился в режиме онлайн (сегодня по причине самоизоляции, завтра по причине того, что живет в другом городе), многое остается за кадром. Здесь помочь мог бы нотариус, выход на связь из нотариальной конторы стала бы дополнительной гарантией, что показания даются добровольно.

Также в законопроекте предусмотрено, что при рассмотрении дела суд будет брать подписку у свидетелей, экспертов, переводчиков, участвующих в судебном заседании путем использования веб-конференции, о разъяснении им их обязанностей и ответственности в электронном виде. В частности, в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью такого лица либо заверенного усиленной квалифицированной электронной подписью нотариуса.

Подводя итоги, следует отметить, что, несмотря на сложившуюся эпидемиологическую обстановку в стране, нотариусы продолжают осуществлять свою деятельность и оказывать квалифицированную юридическую помощь гражданам и юридическим лицам. Сегодня сложно найти другое профессиональное сообщество, столь активно внедряющее цифровые технологии. В этом смысле нотариат является передовым институтом.

Литература

1. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации : федер. закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6725.
2. Корсик К. А. Нотариат и правосудие в период распространения коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации // Нотариальный вестник. 2020. № 04-05. С. 2–4.
3. О признании действительными некоторых документов граждан Российской Федерации : указ Президента РФ от 18.04.2020 № 275 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 16. Ст. 2573.

Features of the Notariat's Activities during the Spread of Coronavirus Infection in the Russian Federation

© T. L. Kuras, S. S. Yadrova, 2020

Abstract. The article examines the features of the activities of notaries during the current epidemiological situation on the territory of the Russian Federation, as well as the most popular notarial actions and services during this period that ensure the availability of notarial services. Also analyzed are new and promising areas of activity of the notary.

Keywords: pandemic, coronavirus, notary, electronic notary, electronic interaction, notarial activities

Курас Татьяна Леонидовна – кандидат исторических наук, доцент, кафедра судебного права, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: tanya_kuras@mail.ru

Kuras Tatyana Leonidovna – Candidate in History, Associate Professor, Department of Judicial Law, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: tanya_kuras@mail.ru

Ядрова Светлана Сергеевна – помощник нотариуса Иркутского нотариального округа И. Ю. Воробьевой, г. Иркутск, Россия, e-mail: svetavorobyowa@yandex.ru

Yadrova Svetlana Sergeevna – Assistant Notary of the Irkutsk Notary District Vorobyova I. Yu., Irkutsk, Russian Federation, e-mail: svetavorobyowa@yandex.ru

УДК 343.13(438)

Criminal Proceedings in States of Emergency on the Example of Computerization of Pre-Trial Detention Cases in Polish Law

© K. Łakomy, 2020

Abstract. This paper contains an analysis of an amendment to the Polish Code of the Criminal Procedure that allows conducting remote hearing in pre-trial detention cases. Presented issue is confronted with the experience of such regulations that has been established in other European legislations, i. e. Norway. What is more, author presents the analysis of the compliance of remote hearing in pre-trial detention cases with art. 5 (3) of the European Convention of Human Rights. As a conclusion, it must be stressed out that extending the scope of remote criminal proceedings may lead to the violation of the defendant's rights and guarantees, such as right to defence.

Keywords: pre-trial detention, remote proceedings, criminal proceedings, criminal law, anti-Covid regulations.

Speaking of the issue of possibility of conducting criminal proceedings remotely, i. e. with the use of devices enabling audio and video transmission, it should be pointed out that before the pandemic, the regulations of Polish Code of Criminal Procedure provide for such a possibility only in exceptional circumstances. Therefore, Polish criminal proceedings *per se* were not prepared for remote proceedings in pre-trial detention hearings. However, what seems to be important is that in present state of affairs – despite a periodic lockdown in the justice system, the anti-Covid laws provided by Polish legislator, established that the courts has to held a hearings in "urgent" cases. Thus, the implementation of a state of epidemics due COVID-19 shall not affect the examination of cases launched by the prose-

cutor's motion to apply pre-trial detention in the investigation, regardless of whether the request concerns a detained person or a suspect at large, since cases in this area were classified as urgent.

In view of above-mentioned, under the provisions of one of the anti-Covid acts adapted in Poland, which came into force in June this year, the legislator provided for the amendment to the Code of Criminal Procedure that introduced digitalization of pre-trial detention hearings [1, p. 11]. According to this regulation prosecutor do not has to bring the suspect or defendant to the court if his/her remote attendance at the hearing is guaranteed, in particular in a part that concerns the testimony made using technical devices that enable the hearing to be held at a distance with simultaneous direct transmission of video and audio. In such a situation, in order to verify the suspect's identity, court clerk, assistant judge or Prison Service officer, if the suspect is in prison or detention, will participate in the hearing. What is more, it is not possible to conduct such hearing with only audio or only video transmission, meaning both has to be applied simultaneously.

Going further, the defending counsel should in principle be at the defendant's place of stay, which would be desirable for the exercise of the right to defence. However, the law allows that the defending counsel may decide weather to appear in court, or in the defendant's place of stay. The court may, however, oblige the attorney to attend the hearing and appear in the court building. This may occur if the appearance of the defending counsel in the defendant's place of stay involves the risk of failure to rule the application for provisional detention before the expiration of the permitted detention time for the suspect. For example, when the suspect is in custody, a few dozen kilometers away from the court building where the trial is held.

In order to ensure the proper exercise of the right to defence, the law ensures telephone contact of the defendant with his counsel during the hearing in a situation where the counsel is in a different place from the suspect. In terms of exercising this right, the court, at the request of the suspect or his defending counsel, may order an adjournment in the hearing for a definite period of time in order to allow the contact. The court may, however, disregard the request if its granting could interfere with the proper conduct of the hearing or would create a risk that the request for provisional detention would not be decided prior to the expiry of the period for which the defendant may be detained [2, p. 19].

To be clear, it should be pointed out that this remote proceeding is not possible, if the defendant is deaf, or blind. Thus, in such case, he has to be brought for a hearing [3, p. 16].

Therefore, the Polish legislator, due to the current state decided on the admissibility of conducting remote hearings on pre-trial detention. As a re-

sult, the regulation of the full, as it might seem, digitalization of the criminal process has covered such sphere of the trial that is most invasive and crucial from the point of view of the individual. It is so, because it concerns the moment of the trial, when it is decided to isolate the suspect, still subjected to the presumption of innocence.

Some aspects of presented issue are crucial in this context, in particular the right to defence and, the right to access to the lawyer. In the event that the counsel and the defendant are in separate places during the hearing, the court will have the competence to order a break and allow the counsel to contact the accused by telephone, unless granting the request would interfere with the proper conduct of the hearing or would create a risk that the request for pre-trial detention will not be settled before the end of the defendant's permissible detention period. This means that in some specific situations the defendant may be deprived of its right to communicate with its lawyer at all. This may grossly restrict the accused's right to defence.

Another difficulty in this context may be the question of access to the case files by the defending counsel. In practice, defending counsel is given the opportunity to read the case files in the part containing the basis for the application for provisional arrest just a moment before the hearing. In the remote mode, the legislator did not provide for any special procedure allowing an attorney to prepare for the hearing. In fact, in the case of conducting a hearing with the participation of the defending counsel in the place where the suspect is staying, the attorney *de facto* loses the possibility of substantive preparation for the hearing and reading the case files [4, p. 8–9].

The above leads to one conclusion. The legislator has given priority to the efficiency of the proceedings over the respect for the principle of the right of defence [3, p. 26]. Such a solution seems to be contrary to the constitutional standard. It is so, due to the fact that the justification of any exception from the realization of the defendant's rights and guarantees must be justifiable and necessary and cannot be led by the need to speed up the trial [5, p. 5–6].

In view of the above, one more context deserves to be taken into account, namely the compliance of analysed regulations with an international law. There is a risk that this way of conducting a hearing on pre-trial detention cases will make it incompatible with the standard created under the ECHR, namely Article 5(3) of the Convention. It should be noted that the case law of the ECtHR (including *Medvedev v. France* in 2010) clearly concludes that the purpose of this provision is to ensure that detainees are physically brought promptly before a judicial officer [6, p. 36]. The case-law of the ECtHR has established an obligation of judicial review to ensure the protection of a person arrested or detained on suspicion of having committed a crime. It is intended to provide effective safeguards against the risk of ill-

treatment – which is the greatest in the early stages of deprivation of liberty. The judicial review carried out on the first appearance of a detainee before a judge must, in the first place, be prompt in order to make it possible to disclose any ill-treatment and to minimise any unjustified interference with the freedom of the individual.

Having that in mind, it has to be emphasized that this context, essentially similar to the problem discussed on the basis of the Polish legislation, has occurred in Norwegian law recently. On March 2020, the Norwegian legislator implemented a regulation instituting measures to prevent the spread of COVID-19, including a reduced right to in-person court hearings. Before that regulation, in pre-trial detention cases defendant must be brought before the court no later than three days after the initial arrest, with a right to appear in person throughout the investigation, including the pre-trial detention hearing. However, Norwegian criminal procedure also allows for extensions of pre-trial detentions to take place using remote hearings despite the objections of the defendant. However, the new anti-Covid law extended the right to hold remote hearing to all cases when doing so is “necessary and justifiable”. Thus, the regulation could be also applicable in the first pre-trial detention hearing.

After adopting this regulation, Norwegian Supreme Court found that holding the first pre-trial detention proceeding remotely when the defendant opposed such a measure may have violated the defendant’s rights protected under article 5(3) of the ECHR [7]. Specifically, the Court found that the precedents of the European Court of Human Rights do not allow the court, absent a clear explanation to the necessity of the measure, to limit the defendant’s right to an in-person hearing [8, p. 94]. What is more, the Court “did find that a court must make an active evaluation and determination, weighing the risks of transmission of disease with the defendant’s rights, which had not been done in this instance” [9].

Therefore, it follows from the case law of the ECtHR that the possibility to hold remote hearings in criminal matters should not include cases concerning an application for pre-trial detention, if it is the first such application in a case concerning a person. In such a situation, the court should face a defendant in-person, providing all possible procedural guarantees under international law.

In a word of reflection, the postulate of the possibility of conducting remote proceedings in criminal cases is generally correct. This could contribute to the improvement of the criminal process and a more complete realization of the justice function of criminal law. Nevertheless, the extension of the scope of this procedure to cases of pre-trial detention, when it takes place for the first time, should be criticized. Such a solution does not seem

to be in line with Article 5(3) of the Convention and, moreover, it blatantly hinders, even if not undermines the accused's right of defence [8, p. 94]. This is even more important if we look at the statistics. Currently, in Poland, courts accept more than 90% of prosecutor's motions to apply for temporary arrest. If we add to this the conclusions of the empirical research referred to above, in the case of remote meetings, the application of pre-trial detention could become a mere formality. It is clear that in states of emergency, the efficiency of the justice system must be ensured. It should be noted, however, that this was not what the Polish legislator was aiming for. The presented did not come into force until June, while the state of pandemic in Poland has been in place since March. Moreover, the temporal scope of this regulation was not limited only to the state of pandemic. Thus, in such a veiled way, the legislator introduced remote hearings in cases of provisional detention in other, not necessarily extraordinary situations.

Bibliography

1. Skorupka J. Kodeks postępowania karnego. Komentarz, art. 250, Warsaw, 2020.
2. Gutowski M., Kardas P. Digitalisation of the Legal World Through the Prism of Epidemic-related Change – on the Opportunities and Threats of Fast Digitalisation of the Polish Justice System // e-Palestra. 2020.
3. Dudka K. Kodeks postępowania karnego. Komentarz, art. 250, Warsaw, 2020.
4. Fair Trials, Zabezpieczenie prawa do sądu podczas pandemii koronawirusa. Posiedzenia zdalen na odległość, Warsaw, 2020.
5. Tuleja P. The COVID-19 Pandemic and Constitutional States of Emergency // Palestra. 2020. No. 9. P. 5–21.
6. Case of Medvedyev and Others v. France, Application no. 3394/03, 29 March 2010.
7. Supreme Court Decision HR-2020-972-U (sak nr. 20-065997STR-HRET).
8. Nowicki M. A. Medvedyev i inni przeciwko Francji – wyrok ETPC z dnia 29 marca 2010 r., skarga nr 3394/03 // Europejski Trybunał Praw Człowieka. Wybór orzeczeń 2010. Warsaw, 2011.
9. Hofverberg E. Norway: Supreme Court Overrules Detention Order Issued Following Remote Proceedings // Global Legal Monitor. 2020.

Уголовное судопроизводство в чрезвычайных ситуациях на примере компьютеризации дел о предварительном заключении в польском законодательстве

© К. Лакомы, 2020

Аннотация. Настоящая публикация содержит анализ поправки к Уголовно-процессуальному кодексу Польши, которая позволяет проводить дистанционные слушания по делам о предварительном заключении. Представленная тематика связана с опытом применения подобного рода правил, которые были установлены в других европейских законодательствах, в частности законодательстве Норвегии. Автором анализируется соответствие дистанционного слушания дел о предварительном заключении статье 5 (3) Европейской конвенции о правах человека. Подчеркивается, что расширение сферы применения дистанционного уголовного судопроизводства может привести к нарушению прав и гарантий обвиняемого, среди прочего таких, как право на защиту.

Ключевые слова: предварительное заключение, дистанционное производство, уголовное судопроизводство, уголовное право, антиковидный регламент.

Lakomy Kamil – Attorney Candidate in Bar Association in Poznań, PhD student, Department of Criminal Law, Faculty of Law and Administration; Adam Mickiewicz University in Poznań, Poznań, Republic of Poland, e-mail: kamlak@amu.edu.pl

Лакомы Камиль – стажер Ассоциации адвокатов в г. Познани, аспирант, кафедра уголовного права факультета права и администрации, Университет Адама Мицкевича в г. Познани, Познань, Республика Польша, e-mail: kamlak@amu.edu.pl

УДК 347.965

Перспективы участия адвокатов в системе бесплатной юридической помощи лицам, пострадавшим от чрезвычайной ситуации

© Е. Б. Микова, 2020

Аннотация. Выявлены правовые проблемы и перспективы деятельности адвокатов в системе бесплатной юридической помощи в условиях чрезвычайной ситуации. Сделан вывод о необходимости совершенствования системы бесплатной юридической помощи. Определены перспективы совершенствования механизма работы адвокатов в условиях чрезвычайной ситуации, а также в условиях распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: правозащитная деятельность, национальная безопасность, чрезвычайная ситуация, бесплатная юридическая помощь, адвокатура, адвокат.

Природные катаклизмы дестабилизируют нормальную деятельность государства, влекут человеческие жертвы, причиняют ущерб здоровью людей, окружающей среде, приводят к значительным материальным потерям и нарушают условия жизнедеятельности людей [1]. Именно в период возникновения опасных природных явлений требуется мобилизация органов государственной власти, ответственных за поддержку состояния защищенности личности, общества и государства, а также институтов гражданского общества, одним из которых является адвокатура.

Полноту и эффективность указанных мер, а также проблемы оказания бесплатной юридической помощи пострадавшим в результате чрезвычайной ситуации природного характера можно проследить на примере взаимодействия всех структур государства при активной поддержке и работе адвокатов Адвокатской палаты Иркутской области в июле – сентябре 2019 г. на территории Иркутской области, которая была признана регионом, пострадавшим в результате паводка [2, с. 111].

Все меры государственной помощи и поддержки должны быть получены пострадавшими без промедления и индивидуально, что в условиях чрезвычайной ситуации крайне затруднительно, зачастую защита осуществляется в судебном порядке.

Во время паводка 2019 г. в Иркутской области адвокатское сообщество Иркутской области активно принимало участие и бесплатно оказывало правовую помощь пострадавшим землякам.

Наибольшие трудности возникали при оказании помощи гражданам, длительное время владеющим и пользующимся недвижимым имуществом без надлежащей регистрации права собственности (иногда десятками лет); гражданам, у которых необходимые документы отсутствовали, либо не были оформлены надлежащим образом (в связи с реконструкциями жилых помещений, со строительством нового жилья на основании соответствующих разрешений, с пристроем дополнительных площадей для жилья и т. п.), либо документы были утрачены, в том числе в результате наводнения. У многих пострадавших не было оформлено надлежащим образом право собственности на ранее предоставленные земельные участки [2, с. 114].

Правовая бесплатная юридическая помощь требовалась при составлении исков о компенсациях за утраченное имущество, посевов сельскохозяйственных культур и кустарников, домашних животных, за выдачу необходимых жилищных сертификатов либо денежных компенсаций на строительство или восстановление поврежденного жилья; о признании членами семьи собственников жилых помещений и установлении фактов их проживания в связи с отсутствием регистрации по месту жительства. Фиксировались обращения граждан, утративших полностью дачи и дома, насаждения, дачное имущество и инвентарь, находящиеся в садовых домиках, а также столкнувшихся с проблемами доказывания наличия права на участок и дом в связи с непроведением ТСЖ и СНТ кадастровых работ.

К адвокатам обращались многодетные семьи и семьи с усыновленными детьми и детьми, переданными под опеку, по вопросам предоставления сертификатов на приобретение жилых помещений и получения иных мер социальной поддержки.

Практические сложности возникли при составлении исковых заявлений и заявлений об установлении фактов, имеющих юридическое значение, поскольку это требовало незамедлительной работы адвоката именно в присутствии обратившегося лица, задержка в такой ситуации чревата.

Иногда адвокаты объективно не в силах были оказать указанную помощь в связи с отсутствием у обратившихся граждан документов, подтверждающих право на получение бесплатной юридической помощи, актов обследования жилых помещений, дачных участков, заключений органов БТИ для подтверждения существовавших площадей в жилых помещениях.

Проблемы, с которыми столкнулись адвокаты, и способы их решения позволяют сформулировать рекомендации и предложения практического характера.

Во время первой командировки адвокаты столкнулись с недостаточной информированностью граждан о возможности получения бесплатной юридической помощи. Этому есть разумное объяснение – наличие непредвиденной чрезвычайной ситуации, а также то обстоятельство, что налаживание механизма работы адвокатов потребовало времени. Решение проблемы видится в формировании в рамках адвокатской палаты субъекта Российской Федерации рабочей группы адвокатов, желающих участвовать в реализации программы бесплатной юридической помощи в условиях чрезвычайной ситуации. Такая рекомендация будет полезна регионам, подверженным риску возникновения чрезвычайных ситуаций природного характера, например Забайкальскому краю, где в 2016 и 2018 гг. адвокатами помощь была оказана пострадавшим в результате лесных пожаров (2016 г.), в результате наводнения (2018 г.) [3, с. 69].

Актуализировать механизм работы такой группы возможно в зависимости от сезона возникновения природной чрезвычайной ситуации. Также необходимо наладить предупреждающее взаимодействие с органами прокуратуры и суда для оперативного разрешения чрезвычайных ситуаций. Адвокаты и адвокатура – это не просто исполнители механической работы, это активные участники взаимодействия, направленного на достижение единой цели – реализации и восстановления прав граждан.

Законодательно на адвоката возложена обязанность по проверке наличия оснований, необходимых для получения заинтересованным лицом бесплатной юридической помощи, т. е. того документа, который предоставляет обратившемуся лицу право на получение бесплатной юридической помощи. Часто к адвокатам, простояв значительное время в очереди, обращались лица, не имеющие на руках документа, подтверждающего право на получение бесплатной юридической помощи. Некоторые обратившиеся лица даже не знали о необходимости предоставления такого документа.

Одно из решений такой проблемы, на примере Саратовской области, предложено в работе П. Д. Гринева. Автор предлагает «отнести проверку соответствующей документации к компетенции не самих адвокатов, а непосредственно к компетенции органов исполнительной власти региона и подведомственных им учреждений, входящих в государственную систему бесплатной юридической помощи» [4, с. 23]. В таком решении видится рациональное преодоление проблемы.

Необходимо учитывать то, что бесплатная юридическая помощь должна быть не единична, а объемна. Позитивно, с этой точки зрения, рассматривается законодательно установленная возможность судебного представительства граждан, пострадавших от чрезвычайных ситуаций, по вопросам, связанным с восстановлением имущественных прав, личных неимущественных прав, нарушенных в результате чрезвычайной ситуации, возмещением ущерба, причиненного вследствие чрезвычайной ситуации. При работе адвокатов в г. Тулуне судебное представительство не осуществлялось по объективным причинам. Для формирования дальнейшей работы в подобных ситуациях целесообразно предусмотреть механизм судебного представительства: увеличение количества адвокатов, желающих участвовать в системе бесплатной юридической помощи, в том числе адвокатов, проживающих на территории, но не пострадавших от чрезвычайной ситуации. Такая рекомендация предпочтительна для регионов с большой географической площадью, в том числе при наличии труднодоступных местностей [2, с. 117].

При работе адвокатов Иркутской области в Тулуне фиксировались обращения субъектов малого бизнеса, которым в силу их статуса индивидуального предпринимателя было отказано в бесплатном консультировании по вопросам осуществления предпринимательской деятельности в условиях чрезвычайной ситуации.

Бесплатная юридическая помощь представителям малого бизнеса – индивидуальным предпринимателям вполне соотносима с целями бесплатной юридической помощи. Таким образом, видится обоснованной необходимость внесения соответствующих изменений в федеральное и региональное законодательство об оказании бесплатной юридической помощи субъектам малого бизнеса. Актуальность и важность подобных законодательных изменений также подтверждается сложной ситуацией, в которой оказались предприниматели в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19), как основанием для введения режима функционирования повышенной готовности.

Представляется необходимым внести изменения в Федеральный закон «О бесплатной юридической помощи» либо в региональные законы (в частности, на примере Иркутской области в Закон Иркутской области «Об обеспечении оказания юридической помощи в Иркутской области») и расширить категории граждан, имеющих право на получение бесплатной юридической помощи в рамках областной государственной системы бесплатной юридической помощи, с указанием на индивидуальных предпринимателей и учредителей юридических лиц с налогооблагаемой прибылью менее 500 000 руб. за предыдущий отчетный период.

Формами оказания помощи для такой категории лиц могут являться: правовое консультирование в устной и письменной форме, составление заявлений, жалоб, ходатайств и других документов правового характера.

Полагаем, что предложенные рекомендации позволят на высоком профессиональном уровне реализовать положения Конституции Российской Федерации о праве на квалифицированную юридическую помощь, повысить эффективность работы системы бесплатной юридической помощи, стимулировать адвокатов принимать участие в работе системы, восстанавливать права граждан, пострадавших в результате чрезвычайных ситуаций, оперативно и профессионально.

Литература

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : утв. Указом Президента РФ от 31 дек. 2015 г. № 683 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 31.12.2015).
2. Микова Е. Б. Участие адвокатов в системе бесплатной юридической помощи для пострадавших от чрезвычайной ситуации // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2020. № 3. С. 109–122.
3. Бакшеева Ю. Н. Квалифицированная юридическая помощь как конституционное право граждан Российской Федерации // Актуальные проблемы государственно-правового развития России. 29 ноября 2018 г. : сб. Всерос. науч.-практ. конф. Чита, 2018. С. 66–72.
4. Гринев П. Д. Правовые коллизии законодательства об оказании бесплатной юридической помощи // Бесплатная юридическая помощь: законодательное регулирование и практика применения в Российской Федерации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. аспирантов, преподавателей. Саратов, 2015. С. 20–24.

Prospects for the Participation of Lawyers in the Free Legal aid System for Victims of Emergency

© E. B. Mikova, 2020

Abstract. The article identifies legal problems and prospects for the activities of lawyers in the system of free legal assistance in an emergency. On the basis of the practical difficulties of lawyers participating in the free legal aid system, the prospects for improving the mechanism of work of lawyers in an emergency situation, as well as in the conditions of the spread of a new coronavirus infection (COVID-19) in the Russian Federation, are determined.

Keywords: human rights activity, national security, emergency situation, free legal aid, legal profession, lawyer.

Микова Ева Борисовна – адвокат, Первая центральная коллегия адвокатов Иркутской области, старший преподаватель, кафедра правового обеспечения национальной безопасности, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: eva-mikova@mail.ru

Mikova Eva Borisovna – Barrister, First Central College of Barristers of the Irkutsk Region; Senior Lecturer, Department of National Security Law, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: eva-mikova@mail.ru

Расследование преступлений следственной группой в условиях чрезвычайной ситуации

© М. А. Митюкова, В. С. Черноусов, 2020

Аннотация. Рассматриваются проблемы формирования и деятельности следственной группы в условиях чрезвычайной ситуации. Исследуются организационные и процессуальные проблемы расследования преступлений в условиях чрезвычайной ситуации.

Ключевые слова: расследование преступлений, следственная группа, чрезвычайная ситуация.

При возникновении чрезвычайной ситуации территориальные подразделения правоохранительных органов (МВД РФ, Следственного комитета РФ и др.) направляют по разнарядке своих ведомств определенное количество следователей и оперативных уполномоченных для работы в составе следственных групп. Так, при организации следственной группы СУ СК РФ по Иркутской области для работы в г. Тулуне в ее состав были включены следователи, следователи-криминалисты, представители отдела процессуального контроля, оперативные уполномоченные.

Высказывались предложения о формировании штатных подразделений правоохранительных органов для работы именно в чрезвычайных ситуациях. Однако они не нашли своего практического применения, поскольку чрезвычайная ситуация является временным явлением, и существование больших специализированных подразделений в течение длительного времени не будет оправданно.

Успешная деятельность большой следственной группы во многом определяется организационными факторами ее работы, в частности, внутри группы необходимо разделение труда – образование нескольких структур со своим предназначением. Учитывая характер чрезвычайной ситуации, масштаб, локализацию и виды совершенных преступлений, а также численность следственной группы, ее конкретную структуру должен определить руководитель.

Так, типичными подразделениями в следственной группе являются: руководитель группы, на которого возлагается принятие основных организационных и процессуальных решений, организация и контроль за ходом расследования; штаб, осуществляющий функции по руководству, координации и обеспечению деятельности следственной группы, сбору и анализу различной информации, учету и контролю; информационный центр, который занимается сбором информации о совершенных преступлениях и о действиях следственной группы, ее обработкой,

фиксацией, обобщением и анализом, а также оказанием следователям помощи в раскрытии преступлений; криминалистическая группа оказывает помощь следователям в применении научно-технических средств при производстве следственных действий (осмотр, обыски, выемки и др.) в работе со следами и вещественными доказательствами, при назначении и проведении экспертиз, использовании средств видеофиксации; отдельные следственные группы (подгруппы) [1, с. 37].

Как правило, следственная группа должна организовать самостоятельное получение и фиксацию первичных сведений о совершенных преступлениях – от граждан, предприятий, учреждений, организаций, местных органов представительной и исполнительной власти, должностных лиц, лечебных учреждений, моргов и др. Такую группу сотрудников по работе с населением и местными организациями в целях получения первичных сведений о преступлениях составляли работники отдела процессуального контроля СУ СК РФ по Иркутской области.

В соответствии с подследственностью уголовных дел работа следователей следственной группы Следственного комитета РФ была сосредоточена на следующих основных направлениях деятельности:

- проверка материалов в стадии возбуждения уголовных дел по ст. 105 УК РФ по фактам безвестного исчезновения граждан и обнаружения трупов (проведение осмотра места происшествия, освидетельствования; осмотр трупов; назначение и производство экспертиз; получение объяснений, получение заключений специалистов и др.);

- проверка материалов и возбуждение уголовных дел по признакам ст. 293 УК РФ в отношении должностных лиц, ответственных за своевременное оповещение граждан о надвигающемся стихийном бедствии, за обеспечение своевременной эвакуации граждан и т. п.

При организации расследования преступлений в условиях чрезвычайной ситуации большое значение приобретает взаимодействие следственной группы с местными органами внутренних дел: материально-техническое, организационное, информационное, оперативное обеспечение работы следственной группы, организация содержания задержанных и заключенных под стражу.

Особую важность имеет взаимодействие следователя с органами дознания: дача указаний о проведении отдельных следственных действий, оперативно-разыскных мероприятий, об оказании содействия (в ходе осмотра места происшествия, проведения гласных розыскных действий и др.). Так, в частности, для проведения осмотра пострадавших в результате наводнения домов, дачных поселков, обнаружения пострадавших лиц, привлекалось большое количество сотрудников органов внутренних дел из числа опытных участковых и оперативных

уполномоченных других территорий, которые были временно прикомандированы к подразделениям органов внутренних дел г. Тулуна.

Кроме того, при расследовании преступлений в чрезвычайных условиях необходимо решать проблемы, связанные с нехваткой прежде всего соответствующих специалистов, переводчиков, понятых, адвокатов, а также технического персонала и технических средств.

Помимо организационно-правовых, органы предварительного расследования сталкиваются и с процессуальными проблемами расследования преступлений. В условиях проведения большого объема следственной работы в сжатые сроки сравнительно небольшим числом следователей следует предусмотреть в УПК РФ исключение из судебного порядка санкционирования заключения под стражу, производства осмотра, обыска и выемки в жилище, ограничения неприкосновенности частной жизни граждан, сохранив для случаев расследования преступлений в условиях чрезвычайной ситуации прокурорскую систему дачи санкций; включить в УПК РФ дополнения, учитывающие особенности расследования уголовных дел с большим числом эпизодов, которые проявляются при возбуждении дел, выделении материалов по отдельным эпизодам в самостоятельное производство и др.

Литература

1. Григорьев В. Н. Расследование преступлений в чрезвычайных условиях (Правовое обеспечение, организация, методика) : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. М., 1993. 564 с.

Investigation of Crimes by an Investigative Team in an Emergency

© М. А. Mitukova, V. S. Chernousov, 2020

Abstract. The problems of formation and activity of the investigative group in an emergency situation are considered. The author examines the organizational and procedural problems of investigating crimes in an emergency situation.

Keywords: investigation of crimes; investigation team; emergency.

Митюкова Марина Александровна – старший преподаватель, кафедра судебного права, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: marina_mitukova@mail.ru

Mitukova Marina Alexandrovna – Senior Lecturer, Department of Judicial Law, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: marina_mitukova@mail.ru

Черноусов Василий Сергеевич – капитан юстиции, заместитель руководителя следственного отдела по г. Усолью-Сибирскому, Следственное управление СК РФ по Иркутской области, г. Усолье-Сибирское, Россия, e-mail: usolye@38.sledcom.ru

Chernousov Vasily Sergeevich – Captain of Justice, Deputy Head of the Investigation Department for the City of Usolye-Sibirskoye of the Investigative Department of the Investigative Committee for the Irkutsk Region, Usolye-Sibirskoye, Russian Federation, e-mail: usolye@38.sledcom.ru

**О некоторых проблемных аспектах деятельности
органов расследования в условиях чрезвычайной ситуации
(на примере ограничительных мер,
связанных с коронавирусом COVID-19)**

© М. Г. Решняк, 2020

Аннотация. Рассматриваются отдельные проблемные аспекты в деятельности органов расследования в условиях чрезвычайной ситуации, связанной с коронавирусом, и введенных мер ограничительного характера.

Ключевые слова: коронавирус COVID-19, расследование преступлений, чрезвычайная ситуация.

На протяжении многих лет в России наблюдается увеличение количества чрезвычайных ситуаций, в основном природного или техногенного характера. Чаще всего они происходят на территории одного или нескольких регионов. В соответствии с Постановлением Правительства РФ № 304 от 21.05.2007 [1] они подразделяются на разные уровни в зависимости от количества пострадавших и/или размера причиненного ущерба. Согласно данной классификации эпидемиологическая обстановка, спровоцированная масштабным распространением коронавируса COVID-19, относилась к категории чрезвычайной ситуации федерального уровня. Хотя быстрое повышение уровня заболеваемости весной 2020 г. носило общедоказательный характер, режим чрезвычайной ситуации на территории РФ введен не был, были изданы Указы Президента РФ от 25.03.2020 № 206 [2], от 02.04.2020 № 239 [3], от 29.04.2020 № 294 [4].

Несмотря на существование различного рода нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность органов власти федерального, регионального и местного уровней при возникновении чрезвычайных ситуаций, практически все органы законодательной и исполнительной власти, судебные и правоохранительные органы в начале периода введения карантинных мер оказались не готовы к стабильному полноценному функционированию.

Следует отметить, что ни Верховный Суд РФ, ни Генеральная прокуратура РФ или Следственный комитет РФ, ни МВД РФ не сумели оперативно и в должной мере оценить те трудности, с которыми столкнутся органы расследования преступлений в условиях введения мер карантинного характера, в первую очередь связанных с ограничением свободного перемещения граждан, изменением в работе органов и организаций, и дать своевременные и необходимые разъяснения и рекомендации.

Первое разъяснение Верховный Суд РФ дал лишь 21 апреля. Причем в Обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории России коронавирусной инфекции (COVID-19), № 1 [5] внимание в основном было уделено деятельности судов по применению гражданского, уголовного, административного законодательства и законодательства о банкротстве. Вопросы применения процессуального законодательства затрагивали в большей степени гражданское, административное и арбитражное судопроизводство. Вопросы уголовного судопроизводства были отмечены лишь в части возможности приостановления судом производства по делу и продления срока рассмотрения дела судом.

В это же время в условиях распространения на территории России коронавирусной инфекции в Москве и других регионах, особенно в начальный период, возникали ситуации, которые существенно осложнили деятельность органов предварительного расследования по полному, объективному, своевременному расследованию и направлению в суд уголовных дел.

Во-первых, после введения карантинных мер в определенный период стало практически невозможно обеспечить явку участников уголовного процесса для проведения следственных действий. Многие либо отказывались от прибытия в связи с действием режима самоизоляции или карантином, либо ссылались на невозможность прибытия по причине нахождения в другом регионе, в котором введены ограничительные меры, не позволяющие вернуться. В подобной ситуации, когда было невозможно допросить свидетеля или потерпевшего, а оснований для приостановления уголовных дел по п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ не было, приходилось продлевать срок расследования.

Во-вторых, в связи с введением карантинных мер появились определенные проблемы при проведении ознакомления обвиняемых с материалами уголовных дел, причем как тех, кто находился на свободе, так и тех, кому была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

Для решения данной проблемы в Москве, в частности, в течение месяца были закуплены и выданы в соответствующие подразделения электронные книги, в которые закладывались материалы уголовных дел для выполнения обвиняемыми, находящимися под стражей, требований ст. 217 УПК. Однако подобное решение, оптимальное в конкретный момент, имеет определенные недостатки, которыми могут впоследствии воспользоваться обвиняемые. Так, закон предусматривает, что обвиняемому должны предъявляться прошитые и пронумерованные материалы уголовного дела, при этом обвиняемый вправе снимать

копии документов, но при ознакомлении с материалами уголовного дела посредством прочтения их в электронной книге обвиняемый оказывается лишенным возможности реализовать право снимать копии документов, что может повлечь за собой жалобу на нарушение его права на защиту.

Кроме этого, возникла ситуация, при которой в силу сложившейся обстановки невозможно было при отказе обвиняемого подписать протокол о разъяснении ему прав в порядке ч. 5 ст. 217 УПК удостоверить данный отказ подписями двух понятых. Так, в одном из округов г. Москвы в указанный период был случай, когда по этой причине (обвиняемый отказался подписать протокол, следовательно не сделал об этом отметку в протоколе и не удостоверил отказ хотя бы подписью защитника) уголовное дело было возвращено из суда в соответствии со ст. 237 УПК РФ.

В-третьих, постановлениями Президиума Верховного Суда РФ от 18.03.2020 № 808 [6], от 08.04.2020 № 821 [7], от 29.04.2020 № 822 [8] с 19 марта по 11 мая 2020 г. был установлен специальный режим работы судов. Ввиду этого в данный период возникла ситуация, при которой органы предварительного расследования столкнулись с серьезными затруднениями в своевременном получении в судах копий приговоров на ранее судимых обвиняемых, что приводило к необходимости дополнительного продления сроков расследования. Помимо того, в связи с ограничительными мерами, которые распространились на суды, определенный период времени они не рассматривали законченные расследованием уголовные дела, продлевая сроки и откладывая заседания.

Еще одна проблема в деятельности органов расследования была связана с избранием меры пресечения в виде заключения под стражу. В начальный период введения ограничительных мер возник некий условный запрет на избрание данной меры пресечения, мотивированный переполненностью СИЗО и большой вероятностью распространения заболевания среди заключенных. По этой причине расследования были вынуждены избирать меры пресечения, не связанные с заключением под стражу. Подобная практика, с нашей точки зрения, недопустима, так как фактически является ограничением процессуальных полномочий органов расследования. Невозможность обеспечить обвиняемому надлежащее пребывание в СИЗО не является основанием для избрания иной, нежели заключение под стражу, меры пресечения при наличии к тому установленных законом оснований.

В своем 2-м разъяснении по отдельным вопросам судебной практики от 30 апреля 2020 г. Верховный Суд РФ [9], в частности, дал судам разъяснение, что в условиях распространения на территории Рос-

сии коронавирусной инфекции (COVID-19) при наличии оснований, предусмотренных ч. 1 ст. 108 УПК РФ, суд наряду с другими обстоятельствами вправе также учитывать и факт проведения карантинных мероприятий в изоляторах временного содержания и следственных изоляторах. После этого суды практически перестали применять, даже при наличии законных оснований, меру пресечения в виде заключения под стражу.

На наш взгляд, указанная рекомендация не является основанием для избрания иной, нежели заключение под стражу, меры пресечения при наличии к тому законных оснований. Следует отметить, что ст. 99 УПК РФ предусматривает возможность учитывать «и другие обстоятельства» при решении вопроса об избрании меры пресечения. Однако возникает обоснованный вопрос: а может ли какая-либо иная, чем заключение под стражу, мера пресечения воспрепятствовать обвиняемому скрыться, или продолжить преступную деятельность, или угрожать свидетелю либо иным участникам уголовного судопроизводства, либо уничтожить доказательства или иным путем препятствовать производству по уголовному делу? Необходимо указать и еще на один момент. Установленный ст. 97 УПК РФ перечень оснований для избрания меры пресечения по сути является перечнем оснований для избрания меры пресечения именно в виде заключения под стражу, так как только изоляция обвиняемого в следственном изоляторе может предотвратить последствия, указанные в виде оснований в этой норме закона.

Таким образом, учитывая вышесказанное, нельзя не прийти к выводу о том, что для эффективного выполнения органами расследования в условиях чрезвычайной ситуации возложенных на них функций необходимо принятие комплексных мер законодательного, организационного, материально-технического и финансового характера. В частности, по нашему мнению, необходимо предусмотреть в УПК РФ конкретные положения, определяющие порядок действия органов расследования в условиях, аналогичных возникшим в связи с распространением коронавирусной инфекции (COVID-19).

Литература

1. О классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера : постановление Правительства РФ от 21 мая 2007 № 304 (с изм. и доп.). URL: <https://base.garant.ru/12153609/> (дата обращения: 15.10.2020).
2. Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней : указ Президента РФ от 25 марта 2020 № 206. URL: http://www.consultant.ru/ document/ cons_doc_LAW_348485/ (дата обращения: 15.10.2020).
3. О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной

инфекции (COVID-19): указ Президента РФ от 2 апреля 2020 г. № 239. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45401> (дата обращения: 15.10.2020).

4. О продлении действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19): указ Президента РФ от 28 апреля 2020 г. № 294. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73864751/> (дата обращения: 15.10.2020).

5. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21 апреля 2020 г. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/73924465/paragraph/1:17> (дата обращения: 15.10.2020).

6. Об ограничительных мерах в судах в связи с угрозой распространения на территории РФ коронавирусной инфекции (2019-nCoV): постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 18 марта 2020 г. № 808 (документ утратил силу). URL: <https://internet.garant.ru/#/document/73759931/paragraph/1/> (дата обращения: 25.10.2020).

7. Об ограничительных мерах в судах в целях противодействия распространению на территории РФ новой коронавирусной инфекции (COVID-19): постановление Президиума Верховного Суда РФ и Президиума Совета судей РФ от 8 апреля 2020 г. № 821 (документ утратил силу). URL: <https://internet.garant.ru/#/document/73859490/paragraph/1/doclist/9019/showentries/0/highlight/%D0%BE%D1%82%2008.04.2020%20%E2%84%96%20821:10> (дата обращения: 25.10.2020).

8. О внесении изменений в постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации, Президиума Совета судей Российской Федерации от 8 апреля 2020 г. № 821 : постановление Верховного Суда РФ, Совета судей Российской Федерации от 29 апреля 2020 г. № 822. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/73966889/paragraph/1/doclist/8566/showentries/0/highlight/%D0%BE%D1%82%2008.04.2020%20%E2%84%96%20821:5> (дата обращения: 25.10.2020).

9. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30 апреля 2020 г. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/73972665/paragraph/1:18> (дата обращения: 25.10.2020).

On Some Problematic Aspects of the Activities of Investigative Bodies in an Emergency (for Example Restrictive Measures Related to the COVID-19 Coronavirus)

© M. G. Reshnyak, 2020

Abstract. This article examines some problematic aspects in the activities of investigative bodies in an emergency situation related to coronavirus and the restrictive measures introduced.

Keywords: COVID-19 coronavirus, crime investigation, emergency.

Решняк Мария Генриховна – кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Одинцовский филиал МГИМО МИД России, г. Одинцово, Россия, e-mail: irbis-7375@yandex.ru

Reshnyak Maria Genrikhovna – Candidate in Law, Associate Professor, Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, MGIMO MFA of Russia (Odintsovo branch), Odintsovo, Russian Federation, e-mail: irbis-7375@yandex.ru

Уголовный процесс в условиях пандемии: новые вызовы и нерешенные вопросы

© Н. Э. Шишкина, В. А. Смирнов, 2020

Аннотация. Поднимаются некоторые вопросы, возникшие при расследовании и рассмотрении уголовных дел в условиях пандемии, вызванной распространением вируса COVID-19. Определяются основные проблемы в сфере уголовного судопроизводства, с которыми пришлось столкнуться судам и органам предварительного расследования, предлагаются возможные пути их решения.

Ключевые слова: уголовный процесс, пандемия, COVID-19, чрезвычайная ситуация, расследование преступлений, разрешение уголовных дел.

Пандемия вируса COVID-19 обнажила многие проблемы современного правоприменения, особенно в сфере уголовного судопроизводства. Будучи одной из самых консервативных отраслей права, уголовно-процессуальное право традиционно предполагает строгое соблюдение формальных правил, определяющих порядок проведения расследования и разрешения уголовных дел. Безусловно, наличие процессуальной формы является одной из гарантий обеспечения прав личности в уголовном процессе, и мы ни в коем случае не призываем делать какие-либо исключения в ее соблюдении для ситуаций чрезвычайного характера. Более того, считаем, что в подобных условиях права человека и гражданина еще больше выходят на первый план, требуя пристального внимания со стороны как органов расследования, так и субъектов ведомственного процессуального контроля, прокурорского надзора и суда.

Важно подчеркнуть, что в соответствии с положениями Конвенции о защите прав человека и основных свобод право на справедливое судебное разбирательство не относится к числу абсолютных прав, т. е. таких, от соблюдения которых государство не может отказаться ни при каких обстоятельствах. Следуя пунктам 1–3 ст. 15 Конвенции, можно сделать вывод, что любая сторона, подписавшая и ратифицировавшая данный международно-правовой акт, имеет право вводить определенные режимы, приводящие к отступлению от тех стандартов, которые заложены в ст. 6. При этом необходимо соблюдать баланс между вводимыми ограничениями, степенью опасности ситуации, в которых оказалось государство, и правами человека в сфере уголовного судопроизводства [1].

Тем не менее, как известно, Россия не объявила на своей территории режим чрезвычайной ситуации, но ввела на основании Федерального закона «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситу-

аций природного и техногенного характера» режим повышенной готовности, тем самым по сути не создав предпосылок для использования вышеуказанной оговорки. Следовательно, никаких изменений в реализации уголовно-процессуальных норм формально не допускалось.

Однако в реальности органы уголовной юстиции (в первую очередь органы предварительного расследования) столкнулись с рядом организационных и правовых проблем, упирающихся в необходимость осуществления следственных и судебных действий, которые требуют участия и (или) присутствия иных лиц, помимо следователя (судьи), соблюдения разумных сроков судопроизводства. Это в конечном итоге приводило к проблемам в реализации ключевых принципов уголовного судопроизводства – принципов законности, уважения чести и достоинства личности, обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту.

Учитывая объем работы, позволим себе тезисно обратить внимание только на некоторые из проблем, с которыми столкнулись суды и органы предварительного расследования Иркутской области (справедливости ради отметим, что эти проблемы оказались типичными для всех регионов России).

1. Необходимость соблюдения режима самоизоляции и введенные ограничения на посещения государственных органов обозначили проблему проведения различных следственных и судебных действий, требующих личного присутствия участников уголовного судопроизводства. Судебная система предприняла попытку решить ее двумя путями:

– рассматривать дела и материалы безотлагательного характера, в том числе о защите конституционных прав граждан на свободу и личную неприкосновенность, охрану здоровья и собственности (*применительно к уголовному процессу* (курсив наш. – Авт.) – об избрании, продлении, отмене или изменении меры пресечения), а также дела, всеми участниками которых заявлены ходатайства о рассмотрении дела в их отсутствие, если их участие при рассмотрении дела не является обязательным;

– при наличии технической возможности с учетом мнений участников судопроизводства проводить судебные заседания ... с использованием системы видео-конференц-связи и (или) системы веб-конференции с учетом опыта Верховного Суда Российской Федерации [2].

Очевидно, что оба варианта страдают известными недостатками. Так, первый не предполагает четкого понимания, какие именно дела и материалы могут быть охарактеризованы как безотлагательные. В отношении рассмотрения материалов, связанных с избранием, продлением, отменой или изменением меры пресечения, это можно сделать. Однако для уголовных дел, находящихся в стадии судебного разбиратель-

ства (направленных в суд для этого), провести такую выборку, не нарушая принципы равенства и справедливости, не представляется возможным.

Что касается второго варианта, то здесь тоже возникло немало вопросов. С одной стороны, еще в 2011 г. в УПК РФ была отредактирована ст. 240 и включена ст. 278.1. Они устанавливают возможности и особенности допроса свидетеля и потерпевшего путем использования систем видео-конференц-связи.

В 2014 г. в УПК РФ были включены нормы о возможности использования видео-конференц-связи подсудимым (ст. 241 и 293), однако они либо ориентированы на применение в отношении уголовных дел по отдельным видам преступлений, либо в отношении последнего слова подсудимого.

Поскольку в УПК РФ вопрос аналогии однозначно не решен – нет ни запрета, ни прямого дозволения в отношении ее применения, то, учитывая сложившуюся обстановку, можно было бы допустить использование ресурса данных норм для проведения процесса в целом.

В этой связи интересным представляется позиция советника Федеральной палаты адвокатов России (ФПА) Е. Рубинштейна: «Уголовно-процессуальное законодательство состоит не только из Конституции РФ, УПК и других федеральных законов, но и из общепризнанных принципов и норм международного права. Используя правовые позиции ЕСПЧ, Верховный Суд РФ со ссылкой на конкретное дело Европейского суда разъяснил нижестоящим инстанциям, что проведение судебных заседаний с участием обвиняемого по системе видео-конференц-связи допустимо и может быть использовано в настоящих условиях карантина. Такое указание означает, что обвиняемый может вообще не доставляться в суд ни разу, а все части судебного разбирательства, т. е. подготовительная часть, судебное следствие, прения сторон и реплики, последнее слово подсудимого и постановление приговора, могут быть проведены по системе видео-конференц-связи» [3].

С другой стороны, в научной периодике, а также практиками из числа адвокатов высказывались категоричные суждения о порочности такого подхода. Так, например, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ Л. М. Володина, считает, что «в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы, но не законодательства. Что касается разъяснений Верховного Суда РФ, они относятся лишь к практике предварительного судебного контроля» [4].

Немаловажным является и противопоставление видео-конференц-связи и веб-связи. Первая воспринимается как специально настроенный сервис, имеющий определенные степени защиты каналов передачи информации, позволяющий проводить идентификацию личности и т. п. Вторая же фактически – это ординарный способ связи абонентов, который сейчас используется повсеместно благодаря мессенджерам и общедоступным интернет-сервисам, не обеспечивающий в надлежащей степени гарантии качества связи, ее безопасности, возможного удостоверения личности и т. д.

В научных статьях со ссылками на практику различных судов приводятся свежие примеры, когда суды рассматривали дела с использованием Skype, Zoom, WhatsApp и т. п., при этом такая практика критикуется, указывается на ее абсолютную незаконность в связи с непредусмотренностью процессуальным законодательством [4; 5, с. 85–86; 6, с. 64–65].

2. В свою очередь, практика предварительного расследования не получила даже подобных рекомендаций: ни Генеральная прокуратура, ни Следственный комитет, ни МВД РФ не разъяснили, каким образом стоит действовать органам расследования, чтобы, с одной стороны, соблюсти процессуальные сроки, с другой – не нарушить права участников уголовного судопроизводства.

В исследованиях процессуалистов основной акцент сделан на необходимости трансформации ст. 208 УПК РФ в части, касающейся расширения перечня оснований для приостановления уголовного дела за счет включения пункта типа «ввиду сложившихся чрезвычайных условий производство по уголовному делу невозможно» [7, с. 93].

Представляется, что даже столь незначительный обзор показывает необходимость совершенствования уголовно-процессуального законодательства в направлении учета возможных проблем, вызванных объективными причинами техногенного, экологического и другого чрезвычайного характера. Действующий уголовно-процессуальный закон должен предусматривать возможность (в порядке исключения) использования различных достижений научно-технического прогресса в целях преодоления невозможности личного присутствия, участия в следственных и судебных действиях. Требуют своего решения вопросы проведения в подобных условиях таких следственных действий, как очная ставка, проверка показаний на месте, следственный эксперимент; допустимости использования дронов (квадрокоптеров) при осмотре участков местности; использования электронного заявления по делам частного обвинения [8, с. 326] и многие другие. В принципе мы не исключаем возможности выделения в УПК РФ раздела, посвященного

осуществлению расследования и судебного разбирательства уголовных дел в условиях чрезвычайных ситуаций. На наш взгляд, с точки зрения юридической техники это будет более уместное и удобное решение, чем внедрение отдельных норм «по всему УПК», подчеркнет исключительность применения подобного раздела и будет способствовать защите прав участников уголовного судопроизводства.

Литература

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод : заключена в г. Риме 04.11.1950 (с изм. от 13.05.2004) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
2. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации и Президиума Совета судей Российской Федерации от 08.04.2020 № 821 (с изм. от 29.04.2020). URL: <http://www.supcourt.ru/files/28873/> (дата обращения: 21.11.2020)
3. Садитесь реже. Верховный Суд обязал при аресте учитывать эпидемиологическую ситуацию // Российская газета. 2020. 6 мая.
4. Володина Л. М. Проблемы защиты прав человека в уголовном судопроизводстве в условиях пандемии // Право и политика. 2020. № 9. С. 23–32. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33624 (дата обращения: 21.11.2020).
5. Лазарева В. А. Уголовный процесс в условиях пандемии и потом // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 3. С. 84–90.
6. Качалова О. В. Права человека в уголовном судопроизводстве: кризис эпохи коронавируса // Вестник Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан. 2020. № 3. С. 60–68.
7. Михайлов П. И. Приостановление предварительного следствия по уголовному делу в чрезвычайных условиях на примере пандемии коронавируса (COVID-19) // Евразийская адвокатура. 2020. № 4 (47). С. 89–93.
8. Титов П. М. Будущее электронного заявления по делам частного обвинения // Технологии XXI века в юриспруденции : материалы Второй Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Д. В. Бахтеева. Екатеринбург, 2020. С. 323–326.

Criminal Process in a Pandemic: New Challenges and Unresolved Issues

© N. A. Shishkina, V. A. Smirnov, 2020

Abstract. Some questions that have arisen during the investigation and consideration of criminal cases in the context of the pandemic caused by the spread of the COVID-19 virus are raised. The main problems in the field of criminal proceedings, which the courts and bodies of preliminary investigation had to face, are determined, possible ways of their solution are proposed.

Keywords: criminal process, pandemic, COVID-19, emergency, investigation of crimes, criminal trial.

Шишкина Наталья Эдуардовна – доктор юридических наук, профессор, кафедра конституционного права и теории права, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: shishkina1957@rambler.ru

Shishkina Natalia Eduardovna – Doctor in Law, Professor, Department of Constitutional Law and Theory of Law, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: shishkina1957@rambler.ru

Смирнов Виктор Александрович – кандидат юридических наук, заведующий, кафедра судебного права, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: smirnovvical@gmail.com

Smirnov Viktor Aleksandrovich – Candidate in Law, Head of the Department of Justice Law, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: smirnovvical@gmail.com

Научное издание

ПРАВО В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ: ПРЕДЕЛЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Материалы Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием

Иркутск, 30 октября 2020 г.

ISBN 978-5-9624-1884-1

Редактор: В. В. Попова
Дизайн обложки: П. О. Ершов

Темплан 2020. Поз. 136
Уч.-изд. 17,4.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГУ
664082, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124
тел. (3952) 52-18-53
e-mail: izdat@lawinstitut.ru